

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**Издается с сентября 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**№ 4 (62)
2023**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Главный редактор: А.Н. Николюкин – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: А.И. Чагин – д-р филол. наук (Ин-т мировой лит-ры РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь: Т.Г. Юрченко (ИНИОН РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия: И.Л. Волгин – д-р филол. наук (Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Литературный ин-т им. А.М. Горького, Москва, Россия), А.П. Дмитриев – д-р филол. наук (Ин-т рус. лит-ры РАН, Санкт-Петербург, Россия), К.А. Жулькова – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), И.В. Логвинова – канд. филол. наук (Моск. гос. ин-т музыки им. А.Г. Шнитке, Москва, Россия), М. Магвайр – д-р филологии (Эксетерский ун-т, Эксетер, Великобритания), В.Л. Махлин – д-р филос. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия); Р. Мних – д-р филологии (Варшавский ун-т, Варшава, Польша), О.Е. Осовский – д-р филол. наук (Мордовский гос. педагогич. ун-т им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия), А.Н. Сенкевич – д-р филол. наук (Москва, Россия), Л.В. Скворцов – д-р филос. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), Е.В. Соколова – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), В.Н. Терёхина – д-р филол. наук (Ин-т мировой лит-ры РАН, Москва, Россия), В.М. Толмачёв – д-р филол. наук (Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), Е.Д. Толстая – д-р филологии (Еврейский ун-т, Иерусалим, Израиль), У Пин – д-р филологии (Пекин, Китай), Хоу Вэйхун – д-р филологии (Пекинский педагогич. ун-т, Пекин, Китай), Е.А. Цурганова – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия).

«Литературоведческий журнал» включен: в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–36086 от 28 апреля 2009 г.

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.00

ISSN 2073–5561(Print)

ISSN 2949–3897(Online)

© ИНИОН РАН, 2023

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**DEPARTMENT OF THE HISTORICAL
AND PHILOLOGICAL SCIENCES
SECTION OF LANGUAGE AND LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

LITERATUROVEDCHESKII JOURNAL

ACADEMIC JOURNAL

**Published since September 1993
4 issues per year**

**N 4 (62)
2023**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Editor-in-Chief: Aleksandr N. Nikolyukin – DSc in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: *Aleksei I. Chagin* – DSc in Philology (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor: *Tatiana G. Yurchenko* (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board: *Igor' L. Volghin* – DSc in Philology (Lomonosov Moscow State University; Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia); *Andrei P. Dmitriev* – DSc in Philology (Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia); *Karina A. Zhul'kova* – PhD in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Tatyana N. Krasavchenko* – DSc in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Irina V. Logvinova* – PhD in Philology (A.G. Schnittke Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia); *Muireann Maguire* – DSc in Philology (University of Exeter, Exeter, Great Britain); *Vitalii L. Makhlin* – DSc in Philosophy (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Roman Mnich* – DSc in Philology (University of Warsaw, Warsaw, Poland); *Oleg E. Osovskii* – DSc in Philology (Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia); *Aleksandr N. Senkevich* – DSc in Philology (Moscow, Russia); Lev V. Skvortsov – DSc in Philosophy (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Elizaveta V. Sokolova* – PhD in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Vera N. Terekhina* – DSc in Philology (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Vasilii M. Tolmatchoff* – DSc in Philology (Moscow State University, Moscow, Russia); *Elena D. Tolstaya* – DSc in Philology (Hebrew University, Jerusalem, Israel); *Wu Ping* – DSc in Philology (Beijing Normal University, Beijing, China); *Hou Weihong* – DSc in Philology (Institute of Foreign Literature of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China); *Elena A. Tsurganova* – PhD in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

«Literaturovedcheskii zhurnal» is included in the Science Index (RINC); in the List of reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of Russian Federation.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media, Registration Certificate: PI No. FS 77–36086 dated April 28, 2009.

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.00
ISSN 2073–5561(Print)
ISSN 2949–3897(Online)

© INION RAN, 2023

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
НИКОЛЮКИН
(26.05.1928 – 28.07.2023)

СОДЕРЖАНИЕ

Преемственность и новаторство в литературе (Из материалов Международной научной конференции «Традиция в литературе и искусстве XX–XXI вв.», 6–7 июня 2023 г., ИНИОН РАН, Москва)

<i>Задорина А.О.</i> Сюжет о самарянке у колодца в творчестве Л. Леонова.....	11
<i>Чёрный А.В.</i> Георг Гейм и традиция немецкой исторической драмы.....	22
<i>Гумерова А.Л.</i> Рецепция сюжета о Купидоне и Психее в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели»	39
<i>Андреюшкина Т.Н.</i> Претексты «Инвентаризации» Гюнтера Айха	53

История литературы

<i>Кизим А.В.</i> К вопросу о датировке «Слова о полку Игореве»: призывы к князьям-современникам	78
<i>Осокин М.Ю.</i> Елагиномахия. I. «Безумной рифмач»: Н. Поповский или И. Барков? К ревизии литературных войн XVIII в.	95
<u>Николюкин А.Н.</u> , <i>Толмачёва М.В.</i> С.П. Шевырёв о Московском университете	117
<i>Шульц С.А.</i> М.И. Цветаева – Ф.И. Тютчев («Silentium!») – Л.Н. Толстой («Анна Каренина»): к герменевтике соотношения поэзии и слова, индивидуальной и общей жизни.....	126

<i>Дмитренко С.Ф.</i> Рассказ М.М. Пришвина «Утёнок-стахановец» в литературном и культурно-историческом контекстах	147

Между теорией и историей

<i>Пешков И.В.</i> О категории авторства в Библии	170
<i>Чавчанидзе Д.Л.</i> Талант и слава в самосознании <i>великих</i> (Гёте и Пушкин)	181

Памяти главного редактора

<i>Юрченко Т.Г.</i> «Умер Александр Николаевич Николюкин...».....	187
<i>Миллионщикова Т.М.</i> Начало знакомства с Александром Николаевичем Николюкиным	194
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Человек-оркестр. Памяти Александра Николаевича Николюкина	198
<i>Дмитренко С.Ф.</i> Русский нестандарт Александр Николаевич Николюкин	201
<i>Едошина И.А.</i> «А когда приходит смерть...»	214
<i>Леонидов В.В.</i> Александр Николаевич	219
<i>Логвинова И.В.</i> Вспоминая А.Н. Николюкина	223
Избранные труды А.Н. Николюкина.....	228

CONTENTS

Continuity and Innovation in Literature (From the Papers of the International Scientific Conference “Tradition in Literature and Art of XXth – XXIst centuries”, 6–7 June 2023, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

<i>Alena O. Zadorina. The Plot of the Samaritan Woman at the Well in the Work of Leonid Leonov</i>	11
<i>Anton V. Chorny. Georg Heym and the Tradition of German Historical Drama</i>	22
<i>Anna L. Gumerova. Reception of the Story about Cupid and Psyche in C.S. Lewis' Novel Till We have Faces</i>	39
<i>Tatiana N. Andreyushkina. Pretexts of Günter Eich's Inventory</i>	53

History of Literature

<i>Anton V. Kizim. On the Question of the Dating of The Tale of Igor's Campaign: calls to contemporary princes</i>	78
<i>Mikhal Yu. Osokin. Elaginomachia. I. The Mad Rhymers: by N. Popovsky or I. Barkov? Towards the Revision of the Literary Wars of the Eighteenth Century</i>	95
<u>Aleksandr N. Nikolyukin</u> , <i>Mariya V. Tolmatchova.</i> Stepan P. Shevyrev about the Moscow University	117
<i>Sergei A. Shul'ts. M.I. Tsvetaeva – F.I. Tyutchev (Silentium!) – L.N. Tolstoy (Anna Karenina): Towards the Hermeneutics of the Relationship Between Poetry and Word, Individual and Common Life</i>	126

<i>Sergei F. Dmitrenko. M.M. Prishvin's Story The Stakhanovite Duckling in Literary, Cultural and Historical Contexts .....</i>	147

Between Theory and History

<i>Igor' V. Peshkov. On the Category of Authorship in the Bible .....</i>	170
<i>Julietta L. Chavchanidze. Talent and Fame in Self-consciousness of the Great (Goethe and Pushkin) .....</i>	181

In the Memory of Editor-in-Chief

<i>Tatyana G. Yurchenko. "Aleksandr N. Nikolyukin died..." .....</i>	187
<i>Tatyana M. Millionshchikova. Beginning of Acquaintance with Aleksandr N. Nikolyukin .....</i>	194
<i>Nataliya T. Pakhsar'yan. One-man Band. In the Memory of Aleksandr N. Nikolyukin .....</i>	198
<i>Sergei F. Dmitrenko. Russian Non-standart Aleksandr N. Nikolyukin .....</i>	201
<i>Irina A. Edoshina. "And When Death Comes..." .....</i>	214
<i>Victor V. Leonidov. Aleksandr Nikolaevich .....</i>	219
<i>Irina V. Logvinova. Remembering Aleksandr N. Nikolyukin .....</i>	223
<i>Selected Works of Aleksandr N. Nikolyukin .....</i>	228

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ

**(Из материалов Международной научной
конференции «Традиция в литературе
и искусстве XX–XXI вв.», 6–7 июня
2023 г., ИНИОН РАН, Москва)**

УДК 82.091

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.01

А.О. Задорина
© Задорина А.О., 2023

СЮЖЕТ О САМАРЯНКЕ У КОЛОДЦА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ЛЕОНОВА

Аннотация. В статье рассмотрены варианты включения и трансформации евангельской притчи о вечной жизни в стилистически неоднородных текстах писателя XX в. Л.М. Леонова. При помощи структурно-типологического метода, метода мотивного анализа выделены ключевые константы библейского сюжета: мотив духовной и телесной жажды, мотив несправедливой жизни (прелюбодеяния), мотив выбора пути, образы пустыни и воды, диалог грешника и праведника. Выявлен круг прецедентных текстов писателя, в которых данный сюжет актуализируется: это произведения 1930-х годов, сочетающие элементы символистского и соцреалистического письма. Обнаружено, что в творчестве Леонова обращение к притче акцентирует мотив плотского искушения, в каноническом тексте не фигурировавший. Женские образы выступают у Леонова в роли искушительниц, блудниц, что подчеркнуто парафразами диалога самарянки и Христа о количестве ее мужей. Значимое отклонение от первоисточника связано с образом второго участника диалога. Христос в библейском тексте дает наставление женщине, его образ сцеплен с мотивами учения, спасения, Божественной силы. У Леонова такого персонажа нет, наиболее близок к нему герой-аскет в повести «Саранча», в остальных случаях он представлен в сниженном, travestированном виде, только формально соответствуя образу праведника. Таким образом, обращение к притче о самарянке и Спасителе у Леонова сопряжено с развитием мотива искушения, одного из самых значимых в творчестве писателя,

однако, в отличие от первоисточника, его жаждущим персонажам не суждено найти источник вечной жизни.

Ключевые слова: библейский сюжет; вечная жизнь; духовная жажда; телесная жажда; искушение; мотив выбора пути.

Получено: 02.08.2023

Принято к печати: 01.09.2023

Информация об авторе: Задорина Алёна Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 82 А, 660041, Красноярск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6185-4750>

E-mail: amaltea-20 x@yandex.ru

Для цитирования: Задорина А.О. Сюжет о самарянке у колодца в творчестве Л. Леонова // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 11–21. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.01

Alena O. Zadorina

© Zadorina A.O., 2023

THE PLOT OF THE SAMARITAN WOMAN AT THE WELL IN THE WORKS OF LEONID LEONOV

Abstract. The article deals with transformation of the gospel parable about eternal life in the stylistically heterogeneous texts of L.M. Leonov. By the use of structural-typological method and the method of motif analysis the key constants of biblical plot are identified: the motif of spiritual and bodily thirst, the motif of unrighteous life (adultery), the motif of life choice, images of the desert and water, the dialogue of the sinner and the righteous. The article reveals Leonov's precedent texts in which this plot is actualized: these are the works of the 1930 s in which the elements of symbolist and socialist realism writing are combined. The analysis shows that the appeal to the parable in Leonov's works emphasizes the motif of carnal temptation which is absent in the canonical text. Female images in Leonov are presented as temptresses, harlots, which is emphasized by the paraphrases of the dialogue between the Samaritan woman and Christ about the number of her husbands. A significant deviation from the biblical source is associated with the image of the second participant of the dialogue. Christ in the Bible gives instruction to a woman, and his image is connected with the motives of teaching, salvation, Divine power. Leonov does not have such a character. Closest to this type is the hero-ascetic of the story "Locust" while in other cases the hero is presented in a reduced, travesty form which corresponds to the image of a righteous man only formally. Thus, Leonov's appeal to the parable of the Samaritan woman and the Savior is associated with the development of the temptation motif, one of

the most significant in the writer's work, however, unlike the original source, his thirsty characters are not destined to find the source of eternal life.

Keywords: biblical story; eternal life; spiritual thirst; bodily thirst; temptation; motive for choosing the path.

Received: 02.08.2023

Accepted: 01.09.2023

Information about the author: *Alena O. Zadorina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Culturology and Art Studies, Siberian Federal University, Svobodny Avenue, 82 A, 660041, Krasnoyarsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6185-4750>

E-mail: amaltea-20 x@yandex.ru

For citation: Zadorina, A.O. "The plot of the Samaritan Woman at the Well in the Works of Leonid Leonov". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 11–21. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.01

Притча о самарянке у колодца метафорически воплощает идею вечной жизни, доступной уверовавшим. Сюжет имеет прежде всего сотериологический смысл, и наставляемая самарянка впоследствии обращается в веру Христову, распространяя учение о Царствии Божьем. Ключевая бинарная оппозиция телесной и духовной жажды раскрывает потенциал человека к сознательному выбору праведной жизни, а зримые образы (вода, колодец, мужчина и женщина) сделали эту притчу известной и востребованной в культуре. Традиционно в изобразительном искусстве последовательно воспроизводятся символические элементы сюжета, например, в росписи новгородской церкви Феодора Стратилата на Ручью, а также в многочисленных фресках и лицевых Евангелиях. Однако в модернистском искусстве интерпретация знаковой притчи отличается от ее ортодоксального прочтения, актуализируя тем самым важные для писателей XX в. новые смыслы.

В основе новозаветного сюжета находится диалог, состоящий из шести вопросов женщины и шести ответов Христа. «Диалог касается вопросов вероучения, правильности поклонения Богу, семейного положения женщины, ее греха, через осознание которого она приходит к пониманию того, что говорит не с простым человеком» [4, с. 249]. Однако при разработке сюжета в искусстве и литературе нередко делались акценты на отдельных аспектах этого разговора. Так, в творчестве Л.М. Леонова обращение к притче о живой воде связано с художественной разработкой мотива искушения, т.е. зримый акцент ставится на взаимоотношениях муж-

чины и женщины. Мотив искушения-испытания в произведениях Л.М. Леонова мало исследован литературоведами, хотя он весьма любопытно отражает преломление ортодоксальной традиции в творчестве писателя. Для Леонова во главе угла всегда стоит человек – сложный, многогранный, противоречивый. Этот человек не вписывается в прокрустово ложе догм, он зачастую становится нарушителем Божьих заповедей, но лишь потому, что ему самому нужно их открыть, к вере леоновский герой приходит (если приходит), только пройдя тернистый путь собственных заблуждений. В «Пирамиде» Л.М. Леонов пишет о непреходящей тяге своей как художника, мастера, исследователя к проблеме искушения-испытания: «Почему так пресен хлеб богача, почему не совратили святого Антония первоклассные прелести адских женщин, почему все обольщения цивилизации не могут заглушить в нас тоски о некоем блаженном прадетстве»? [10, т. 1, с. 582] Уже по приведенной цитате можно понять, что одним из интересных для писателя вариантов мотива становится алломотив плотского искушения. Этот мотив Леонов разрабатывал через сложное обыгрывание прецедентных текстов, среди них – притча о самарянке у колодца, репрезентацию которой мы рассмотрим в нескольких его произведениях.

Цель данной статьи – анализ вариантов трансформации сотериологического сюжета, связанного с выбором пути, искушением, духовной аскезой и отчаянием, движением к Богу и в бездну, в творчестве Л.М. Леонова. Новизна определяется отсутствием научных работ, анализирующих обращение писателя к данному евангельскому сюжету. Статья тематически продолжает ряд уже опубликованных авторских исследований по мотиву искушения и выбора пути [7; 8; 9] в других произведениях писателя.

Методологическую основу исследования составляют труды по теории мотива (Силантьев; Тюпа), интертекста (Гаспаров; Фатеева; Болотнова), работы крупнейших леоноведов (Вахитова; Якимова; Непомнящих; Дырдин; Хрулев). Основные методы исследования – структурно-типологический, мотивный и интертекстуальный анализ. В изучении интертекстуальных связей используется схема Н.С. Болотновой, в которой представлены пять компонентов (определение «чужого» в рассматриваемом тексте; выявление статуса заимствованных единиц; систематизация; анализ обозначенных связей с претекстом; изучение всех возможных

смысловых трансформаций и функций элементов первоисточника во вторичном тексте) [1, с. 472]. В стратегии исследования библейского кода мы опираемся на монографию Д.Б. Терешкиной «“Четьи-Минеи” и русская словесность Нового времени», где христианский код разбивается на семантические атомы, такие как имя, даты сакрального и народного календаря, молитва.

Один из самых выразительных примеров обращения Леонова к сюжету о самарянке у колодца встречается в повести «Саранча» (1930), с подчеркнутым уклоном в сторону эротического искушения. Леоновская самарянка – это Иза, роковая соблазнительница, тоска по которой заставляет Якова, брата главного героя, отправиться с ним на суровый Шпицберген, чтобы забыться в диком, безлюдном мире. Для Изы мужчины становятся только средством для существования, и она без стыда сообщает об этом Петру Маронову при их встрече в Туркмении. Имена, выстроенные в ряд однородных членов, подчеркивают ее «демократичный» подход к выбору кавалеров: «Поэтому, если мне потребуется, я просто сойду с Акимовым, с Зудиным, с вами... без всяких терзаний и сердечных прободений» [11, т. 3, с. 126]. Второй важный разговор между героями происходит во время активной борьбы с саранчой. В диалоге Иза просит у Маронова воды, многократно повторяя свою просьбу, и даже пытается его соблазнить. Эти два эпизода имеют любопытную связь с евангельским текстом, и в образе Изы просвечивается та самая самарянка, встретившая Христа, что описана в Евангелии от Иоанна. Женские образы сближены через мотивы прелюбодеяния и мотив жажды. В таблице мы представили показательные фрагменты из обоих текстов.

«Саранча»	Евангелие от Иоанна
Поэтому, если мне потребуется, я просто сойду с Акимовым, с Зудиным, с вами... без всяких терзаний и сердечных прободений	(17) Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, (18) ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала.
– Есть вода ? – Тогда дайте пить ... пожалуйста. – Я пить хочу.	(15) Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать.

Формальное отличие: в тексте Леонова Иза называет трех мужчин, а в Евангелии говорится о пяти, – нивелируется фактом того, что до этих трех у Изы был Яков и Мазель, т.е. суммарно все-таки пять. Иза просит воды у Маронова подобно тому, как самарянка просит ее у Спасителя, но ни тот ни другой не могут дать ее просящей. Иисус говорит женщине о воде, подразумевая Божий закон, и пока она не освободится от грехов своих, эта вода ей недоступна. Не случайно Господь в ответ на ее просьбу предлагает позвать самарянке ее мужа, – но она живет в грехе, законного мужа у нее нет, так изобличается ее блуд. Мотив воды, разрушающей силу соблазна, звучит и у Леонова. Иза просит воды, но воды нет, и «никто не вправе был выпрашивать воду у людей, которые, на пределе сил, в потрясающем безмолвии ночи, продолжали рыть канавы» [11, т. 3, с. 169]. В ответ на ее просьбу Петр начинает рассказывать о смерти брата, который, в отличие от Изы, обрел воду: «У меня не было сил закопать его, я решил отдать его воде. Потом я прилег отдохнуть рядом с ним, а когда открыл глаза – катилась волна с океана. Я зажмурился и ждал, что смоет нас обоих... но она рассыпалась в десяти шагах. Мне замочило ноги. Вода все-таки взяла его к себе...» [11, т. 3, с. 170]. Вода как символ очищения, как символ веры недоступна героиням-блудницам, но открывает путь в Царствие Небесное праведникам. Очевидно, что совершенно не случайно своим героям Леонов дает апостольские имена Петр и Иаков, в тексте и самой новозаветной притчи фигурирует имя Иаков: «Надлежало же Ему проходить через Самарию... Там был колодезь Иаковлев» (Ин. 4: 6).

Не получив желаемого, Иза пытается соблазнить Петра, но это лишь усугубляет ее греховность. Если самаритянке после проповеди Христа открылось, что ее блуд известен Всемогущему, что нет ничего тайного для Божественного ока, то Иза, выслушав рассказ Петра, предлагает ему: «Останься...» [11, т. 3, с. 170]. Петр отвергает ее, но это не означает, что он был неуязвим для искушения – весь путь сюда, в жаркую и чужую Туркмению, он проделал ради того, чтобы посмотреть на нее:

«Только теперь он признался, для чего мчался в Азию. Его влекла потребность избавиться от **чудесного видения**, что сожгло его старшего брата, или покориться ему. Там, среди новоземельских скал, через безжалобное молчание Якова, он и сам в

первой привязчивой мальчишеской мечте полюбил эту женщину, – и слух о ней и ее непривычное, как в стихах, имя, самое **ее пренебрежение к греху**, с каким она уходила к стольким от терпеливого и слишком великодушного Шмеля. Еще и теперь что-то **чадило** в Маронове, и, можетбыть, был только один способ затоптать в себе тот стыдный и живучий огонек...» [11, т. 3, с. 171].

Истинная причина приезда Маронова объясняется не желанием стать героем, а подчинением искушению. Он знал о греховности Изы, знал, что этот грех ведет к смерти, но все равно приехал сюда. И только тут он смог преодолеть искушение силой воли, освободившись от наваждения.

Как и в «Саранче», в романе «Соть» (1929) с мотивом жажды, восходящим к сюжету о Спасителе и самарянке, связан алломотив эротического искушения. Геласий не может прямо сказать своему духовнику Филофею о том, что есть причина его страданий, и говорит иносказательно, но понятно для Филофея, самого в молодости знатного ловеласа: «Жажда палит». В отличие от Геласия, Филофею больше повезло в плане женского внимания, но это не сняло проблему жажды: «В свое время он вдосталь нахлебался жизни и теперь с неуклюжим жаром топтал радость именно за то, что она не обманула, да и не насытила его» [11, т. 3, с. 209]. Разъясним эту мысль, обратившись еще раз к евангельскому тексту: «Иисус сказал ей в ответ: *всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять*, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 13). Из этого следует, что жажда, испытываемая человеком, вызвана греховностью его натуры, и не спасет от нее погружение в блуд, а только усилит. Филофей высказывает эту мысль метафорически: «Жажда... Человек, он земляного состава. Поэтому никаких морей не хватит напоить землю, когда жаждет она» [11, т. 3, с. 209]. В этом же ключе размышляет на тему неутолимой жажды Леонов в своих записных книжках, выражая мысль еще более категорично: «Утоление телесной жажды распаляет еще большую – тогда недостижимое становится смертельным ядом» [11, т. 4, с. 641]. Таким образом, пытаясь бороться с искушением через подчинение ему, человек впадает в еще больший и больший грех, что отдаляет его от раскаяния и, следовательно, Божественной любви.

В романе «Вор» парафразы из притчи о самарянке используются в изображении судьбы певицы Зинаиды Балуевой. Судьба героини связана с тремя мужчинами: отцом Клавди, Митькой Векшиным, Петром Чикилевым. Очевидно, что ни с одним из них жизнь артистки не удалась: «Ты теперь будешь мамин муж. Она тебе кровать купила, в сарае стоит, а дядя Матвей на ящиках спал. Ты ее не бей, ладно? Прошлый папа посуду колотил и все ругался... Только он недолго папа был...» [11, т. 2, с. 410]. К Митьке Зинаида испытывает безответную любовь и догадывается, что в ее комнатке он нашел лишь временное пристанище, но и этой случайности рада. Чувства Балуевой безусловны, чем и пользуется безразличный Векшин, подталкивая певицу к ненавистному ей управдому – требуя денег на еду, вино, в дни, когда ее выгнали с работы, он вынуждает Балуеву идти просить их к Чикилеву и позже даже сам предлагает это сделать.

Очевидно, что ни один из сожителей Зинаиды не может называться ее настоящим мужем, поскольку христианская любовь предполагает и взаимное уважение, и служение, и помощь. Вспомним разговор Иисуса Христа с путницей из Самарии: «Иисус говорит ей: пойдй, позови своего мужа и приходите сюда. Женщина же сказала Ему в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: верно ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо пять мужей было у тебя, и тот, кто сейчас есть у тебя, – не муж тебе» (Ин. 4: 16–18). У этого фрагмента, помимо буквального сходства с сюжетной ситуацией романа, есть любопытное толкование от Евфимия Зигабена: муж суть закон Божий, и «этот закон не был для нее мужем, потому что она не всецело любила и соблюдала его» [6]. Такая интерпретация подчеркивает, что героиня, вступающая в сожительство с мужчинами, которых сама не любит либо которые не любят ее, не может считаться праведницей, даже если других грехов у нее нет. Законный брак между Зинаидой и Чикилевым не наделяет жизнь героини смыслом, а приводит к тоске и увяданию.

Итак, евангельский сюжет о самарянке и Христе включается у Леонова в разработку мотива эротического искушения, актуализируя отличные от ортодоксальной интерпретации смыслы. Столкновение праведного и грешного начала показано у писателя в призме сексуальных взаимоотношений, где женщина (самарянка) оказывается в роли искусительницы, а мужчина (Иисус) – иску-

шаемым. Греховная суть искusstеля подчеркивается мотивом неизбирательности партнеров, осознание собственной греховности связано с ощущением жажды, в то время как праведный герой – это не тот, кто не сталкивается с искушениями, а тот, кто может их преодолеть нравственным усилием. В библейском тексте Христос дает наставление самарянке, его образ связан с мотивами учения, спасения, Божественной силы. У Леонова такого персонажа нет, самая близкая вариация встречается в «Саранче» (герой-аскет), в пародийном ключе представлен герой-наставник в «Соти» (блудник Филофей), а в «Воре» – писатель Фирсов. Именно поэтому, в отличие от первоисточника, жаждущим персонажам не суждено найти источник вечной жизни: движение сюжета идет в обратном направлении, не от праведника, спасающего грешника, а от грешника, пытающегося совратить праведника.

Список литературы

1. *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
2. *Гаспаров М.Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4. С. 3–9.
3. *Гимранова Ю.А.* Методика интертекстуального анализа художественного произведения на филологическом факультете // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 3. С. 55–66.
4. *Дроздова А.О.* Беседа Христа с самарянкой в поэме Ф. Глинки «Таинственная капля» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2021. № 3(70). С. 247–250. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.247
5. *Дырдин А.А.* Веросознание и мифология в романе «Пирамида»: (Версия мифа о падших ангелах) // Роман Л. Леонова «Пирамида»: проблема мироправдания. СПб.: Наука, 2004. С. 43–67.
6. Евангелие от Иоанна, глава 4, толкователь: Евфимий Зигабен. URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-ioanna/glava-4/tolkovatel-evfimij-zigaben/> (дата обращения: 25.07.2023).
7. *Задорина А.О.* Ева, Магдалина, самаритянка... (К типологии женских образов в романе Л.М. Леонова «Вор») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2021. Т. 20. № 9. С. 108–116. DOI: 10.25205/1818–7919–2021–20–9-108–116

8. Задорина А.О. Мотив искушения в романе Л.М. Леонова «Вор» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 258–266. DOI: 10.17223/19986645/68/12
9. Задорина А.О. Мотив искушения в романистике Л.М. Леонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 12–16. DOI: 10.30853/filnauki.2020.3.3
10. Леонов Л.М. Пирамида: в 2 т. М.: Голос, 1994.
11. Леонов Л.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Книжный клуб Книговек, 2013.
12. Полянский А.А. Беседа Христа с самарянкой: опыт богословско-исторического анализа // Богословско-исторический сборник. 2019. № 3(14). С. 23–32.
13. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 295 с.
14. Терешкина Д.Б. «Четьи-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород, 2015. 332 с.
15. Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. № 2. С. 52–55.
16. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 57. 1998. № 5. С. 25–38.

References

1. Bolotnova, N.S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Text Analysis]. Moscow, Flinta Nauka Publ, 2009, 520 p. (In Russ.)
2. Gasparov, M.L. “Literaturnyi intertekst i yazykovoi intertekst” [“Literary Intertext and Language Intertext”]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 61, no. 4, 2002, pp. 3–9. (In Russ.)
3. Gimranova, Yu. A. “Metodika intertekstual’nogo analiza khudozhestvennogo proizvedeniya na filologicheskom fakul’tete” [“Methods of Intertextual Analysis of a Work of Art at the Faculty of Philology”]. *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, no. 3, 2019, pp. 55–66. (In Russ.)
4. Drozdova, A.O. “Beseda Khrista s samaryankoi v poehme F. Glinki *Tainstvennaya kaplya*” [“The Conversation of Christ with the Samaritan Woman in F. Glinka’s Poem *The Mysterious Drop*”]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya*, no. 3(70), 2021, pp. 247–250. (In Russ.)
5. Dyrdin, A.A. “Verosoznanie i mifologiya v romane *Piramida*: (Versiya mifa o padshikh angelakh)” [“Belief and Mythology in the Novel *Pyramid*: (Version of the Myth of the Fallen Angels)”]. *Roman L. Leonova “Piramida”: problema*

- miroopravdaniya* [L. Leonov's Novel "Pyramid": The Problem of Justifying the World]. St Peterburg, Nauka Publ, 2004, pp. 43–47. (In Russ.)
6. Evangelie ot Ioanna, glava 4, tolkovatel': Evfimij Zigaben [Gospel of John, Chapter 4, interpreter: Euthymius Zigaben]. Available at: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-ioanna/glava-4/tolkovatel-evfimij-zigaben/> (date of access: 25.07.2023). (In Russ.)
7. Zadorina, A.O. "Eva, Magdalina, samarityanka... (K tipologii zhenskikh obrazov v romane L.M. Leonova *Vor*)" ["Eve, Magdalene, Samaritan... (Typology of Female Images in L.M. Leonov's Novel *The Thief*)"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya*, vol. 20, no. 9, 2021, pp. 108–116. (In Russ.)
8. Zadorina, A.O. "Motiv iskusheniya v romane L.M. Leonova *Vor*" ["The Motif of Temptation in the Novel by L.M. Leonov *The Thief*"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 68, 2020, pp. 258–266. (In Russ.)
9. Zadorina, A.O. "Motiv iskusheniya v romanistike L.M. Leonova" ["The Motif of Temptation in the Novels of L.M. Leonov"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, no. 3, 2020, pp. 12–16. (In Russ.)
10. Leonov, L.M. *Piramida* [Pyramid]: in 2 vols. Moscow, Golos Publ., 1994. (In Russ.)
11. Leonov, L.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 6 vols. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2013. (In Russ.)
12. Polyanskii, A.A. "Beseda Khrista s samaryankoi: opyt bogoslovsko-istoricheskogo analiza" ["The Conversation of Christ with the Samaritan Woman: An Experience of Theological and Historical Analysis"]. *Bogoslovsko-istoricheskii sbornik*, no. 3(14), 2019, pp. 23–32. (In Russ.)
13. Silant'ev, I.V. *Poehtika motiva* [The Poetics of Motif]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 295 p. (In Russ.)
14. Tereshkina, D.B. "*Chet'i-Minei*" i russkaya slovesnost' Novogo vremeni ["*Cheti-Minei*" and Russian Literature of the New Time]. Velikii Novgorod Publ., 2015, 332 p. (In Russ.)
15. Tyupa, V.I. "Tezisy k proektu slovarya motivov" ["Abstracts for the Project of the Dictionary of Motives"]. *Diskurs*, no. 2, 1996, pp. 52–55. (In Russ.)
16. Fateeva, N.A. "Tipologiya intertekstual'nykh ehlementov i svyazei v khudozhestvennoi rechi" ["Typology of Intertextual Elements and Connections in Artistic Speech"]. *Izvestiya Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 57, no. 5, 1998, pp. 25–38. (In Russ.)

А.В. Чёрный

© Чёрный А.В., 2023

ГЕОРГ ГЕЙМ И ТРАДИЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Аннотация. В статье рассматривается влияние традиции немецкой исторической драмы XVIII–XIX вв. на творчество поэта Георга Гейма (1887–1912), начинавшего свою литературную карьеру в качестве автора пьес. Несмотря на то что драматические произведения Гейма традиционно считаются второстепенными и несамостоятельными, их значение для творческой эволюции автора можно считать существенным. В своих драматических опытах Гейм усвоил и развил тот классический репертуар стихотворных размеров, который затем стал основой его индивидуального поэтического идиостиля.

Ключевые слова: Георг Гейм; немецкая литература XX в.; экспрессионизм; драматургия; традиция.

Получено: 15.08.2023

Принято к печати: 10.09.2023

Информация об авторе: *Чёрный* Антон Владимирович, филолог и переводчик, независимый исследователь, Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3602-9732>E-mail: chornanton@gmail.com

Для цитирования: *Чёрный А.В.* Георг Гейм и традиция немецкой исторической драмы // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 22–38. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.02

Anton V. Chorny
© Chorny A.V., 2023

GEORG HEYM AND THE TRADITION OF GERMAN HISTORICAL DRAMA

Abstract. The article deals with the influence brought by the tradition of German historical drama of the 18th – 19th centuries on the works of Georg Heym (1887–1912), who began his literary career as a playwright. Despite the fact that his dramatic works are traditionally believed to be secondary and unoriginal, their significance for the creative evolution of the author can be considered significant. In his dramatic experiments, Heym mastered and developed the classical repertoire of poetic meters, which then became the basis of his individual poetical idiosyncrasy.

Keywords: Georg Heym; German Literature of the 20th century; expressionism; drama; tradition.

Received: 15.08.2023

Accepted: 10.09.2023

Information about the author: Anton V. Chorny, Philologist and Translator, Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3602-9732>

E-mail: chornanton@gmail.com

For citation: Chorny, A.V. "Georg Heym and the Tradition of German Historical Drama". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 22–38. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.02

Георг Гейм (1887–1912) вошел в историю литературы преимущественно как поэт-экспрессионист, его творчество рассматривается именно в этом контексте. Второй по значимости в творчестве Гейма считается проза: при жизни он успел подготовить к печати книгу новелл [14], в которой исследователи усматривают черты новаторского экспрессионистского стиля [3, с. 69]. Тем не менее с точки зрения развития авторского идиостиля довольно важным представляется жанр драматургии, которому поэт также уделял большое внимание.

О том, что Гейм был еще и драматургом, долгое время было известно лишь специалистам по его творчеству. При жизни он успел опубликовать только два фрагмента своих пьес: сцену «Афинские ворота» из исторической драмы «Поход на Сицилию» он издал отдельной брошюрой за свой счет в 1907 г. в Вюрцбурге, еще

будучи гимназистом [13]; заключительный акт драмы «Аталанта» напечатал в марте 1911 г. журнал *Die Aktion*, предпослав ему синопсис неопубликованного произведения, составленный, скорее всего, самим автором [7]. Редактор журнала Франц Пфемферт спустя шесть лет перепечатал этот же фрагмент в сборнике *Das Aktionsbuch* [8], и, судя по краткой вступительной заметке, уже тогда, вскоре после смерти Гейма, было положено начало пренебрежению его драмами: «В пятом номере первого годового комплекта *Die Aktion* был издан этот драматический опыт Георга Гейма. Весь комплект раскуплен, и раз уж многочисленные “распорядители наследия” не обратили внимания на эту работу при составлении книжных изданий, пусть она будет перепечатана здесь» [8, с. 296]. К сожалению, упрек Ф. Пфемферта не был услышан: ни в одном из посмертных сборников произведений Гейма, составленных и изданных его друзьями по материалам архива в 1912–1924 гг. [16; 19], мы не найдем ни одной драмы, хотя в числе тех, кто отбирал для этих книг тексты, был, например, соратник автора по «Неопатетическому кабаре» Вильгельм Симон Гутман, знакомство с которым началось для Гейма с предложения постановки его пьесы в театре «Новая сцена».

Архив поэта, погибшего в возрасте 24 лет, был сохранен его другом Эрвином Лёвенсоном, увезен им в эмиграцию в Палестину и долгое время оставался неопубликованным. Лишь в середине 1950-х годов удалось обеспечить возвращение бумаг Гейма в Германию и их научную обработку. поэтапная публикация томов собрания сочинений *Dichtungen und Schriften* [17] произвела сенсацию: впервые читателям стали доступны дневники и письма поэта [17, т. 3], а затем отдельным томом вышли сохранившиеся прозаические и драматические произведения [17, т. 2]. Таким образом, только в 1962 г., спустя 50 лет после смерти Гейма, стало очевидно, насколько неполным и искаженным было представление о масштабах и разнообразии его творчества.

Количество его драматических произведений оказалось едва ли не таким же по объему, как поэтических. Второй том включает три законченных драмы: «Поход на Сицилию» (1907–1910), «Женитьба Бартоломео Руждери» (1908–1910) и «Аталанта, или Страх» (1910–1911), где последняя является радикальной переработкой второй. Кроме того, сохранились две почти завершённые

драмы и огромное множество фрагментов¹. Этот обширный материал стал наглядным свидетельством того, что Гейм начинал свою литературную карьеру не как поэт. Он не просто мечтал стать драматургом, но прикладывал для этого значительные усилия: набрасывал, перерабатывал и доводил до стадии финальной машинописи свои работы, видел их поставленными на сцене. Это связано, в том числе, с социальными факторами, с желанием молодого литератора доказать родителям свою финансовую состоятельность – положение драматурга позволяло вести обеспеченный образ жизни.

Наследие Гейма было опубликовано полностью с полувековым запозданием, и за это время успели сложиться некоторые стереотипные подходы к исследованию его творчества, особенно в вопросе периодизации. Гейм прожил всего 24 года, и считается, что основные свои произведения написал в последние два года жизни (1910–1912). Это его так называемый зрелый период (*Reifzeit*). Всё, что за его пределами, как правило, опускается либо печатается в виде приложения, и не только в популярных, но и в научно подготовленных изданиях². В обзорной работе о творчестве Гейма, изданной в 1982 г., Герман Корте отмечал: «По сей день отсутствует обстоятельное исследование, которое могло бы дать сведения о литературном развитии Гейма до 1910 г. Тезис о том, что стихотворения Гейма 1899–1909 гг. представляют собой свидетельства несамостоятельной эпигональной ранней фазы, никто не опровергает» [22, с. 29]. Рассмотрение «зрелого периода» как некоей вещи в себе началось с собрания сочинений *Dichtungen und Schriften*. В 1969 г. Рассел Браун при составлении тезауруса Гейма использовал только тексты последних двух лет его жизни [21]; двухтомное научное издание 1993 г. [18], включившее варианты и «послойные» редакции отдельных стихотворений, также было ограничено рамками 1910–1912 гг. Практически все драмы Гейма созданы в период до 1910 г., а потому также остались за пределами *Reifzeit*.

Одной из первых попыток рассмотреть творческую эволюцию Гейма как поэта и драматурга стало исследование Урсулы

---

¹ Важность фрагментов несомненна, поскольку сам автор в дневнике отмечал, насколько ценит эти наброски [17, т. 3, с. 127].

² См., например: [17; 12].

Малендорф, опубликованное в 1964 г. [23]. В нем она дает изложение и характеристику тем и мотивов пьес Гейма, уделяя основное внимание последней по времени («Аталанта»), которую характеризует как «захватывающую и поэтичную экспрессионистскую драму, которая сопоставима по уровню с лучшими его стихотворениями. Мелодраматический сюжет был преобразован в ней поэтическим видением в историю страдания и уничтожения человеческого существа» [23, с. 66]³.

Позднее драмы и драматические фрагменты Гейма были достаточно подробно исследованы с точки зрения тех источников, на которые опирался автор. Бернд Зайлер в 1971 г. в своей диссертации провел анализ не только пьес, но и всех произведений Гейма, имеющих в своей основе исторические сюжеты [27]. Основываясь на опубликованных дневниках автора, его конспектах, каталогах библиотек заведений, где он учился, Б. Зайлер предположил, к каким книгам мог обращаться Гейм, чем он мог пользоваться как первоисточником. В бумагах поэта упоминаются десятки имен: Клейст, Граббе, Бюхнер, Шиллер и многие другие⁴. Как отмечал Герман КORTE, Гейм составил для себя своеобразный «провокативный канон», включив в число своих любимцев в основном тех, кого считал бунтарями (как в стилистическом, так и в биографическом смысле); большинство этих авторов на тот момент не входили в гимназическую программу [22, с. 37]. Гейм был знаком и с современной ему драмой: обнаружены явные переклички и даже признаки прямого влияния Хуго фон Хофмансталя [23, с. 67]. Во всем, что касается построения сюжетов и работы с историческим материалом, Гейм старался подражать драматургу эпохи романтизма Христиану Дитриху Граббе, которого причислял к «четверым героям» своей юности [17, т. 3, с. 73] и даже наделял эпитетом *divus*, «божественный»⁵. Кроме влияния драматургов выявлены

---

³ *Atalanta, oder die Angst* стала единственной постоянно переиздаваемой пьесой Гейма: к столетию со дня рождения поэта ее поставили на сцене «Свободного театра Берлина» [9], в последние годы она дважды выходила отдельными изданиями [10; 11].

⁴ См. восторженные записи в его дневниках о Клейсте [17, т. 3, с. 99], Граббе [17, т. 3, с. 73], а также неоднократные перечисления личного пантеона, который Гейм именовал «мое олимпийское общество» [17, т. 3, с. 118, 128, 130, 138].

⁵ См. эпиграф к стихотворению *Die Hölle* [17, т. 1, с. 327].

многочисленные переключки с прозаиками, среди них называют его старших современников Альфреда Дове и Дмитрия Мережковского⁶.

Гейм вольно обращался с фактами в своих драмах и других сочинениях на исторические темы; это объясняют тем, что его образование было довольно поверхностным. Поэт, по-видимому, пользовался хаотичной выборкой разрозненных сведений, не вел систематической работы с источниками, даже когда обращался к сюжетам, близким ему по духу [27, с. 16]. Так, увлекаясь французской революцией, Гейм от раза к разу писал имена ее основных деятелей с ошибками: *Marrat*, *Dumourriez*, *St. Jüst* [27, с. 19].

Обстоятельства освоения наследия Гейма, когда отдельные части его архива попадали в научный оборот с большим запозданием, привели к тому, что поэзия и драматургия этого автора по отдельности, казалось бы, исследованы, но в то же время словно существуют отдельно друг от друга. Продуктивным кажется другой подход, при котором драма рассматривается не в качестве изолированной части, но как органичный элемент идиостиля автора. Возможно, междужанровое взаимовлияние драмы и лирики в случае с Геймом было существеннее, чем принято полагать. Б. Зайлер, сосредоточившийся на содержательной стороне исторических произведений Гейма, отмечал, что было бы интересно проследить, каким образом *формы и поэтические приемы*, разработанные Геймом в драмах, повлияли на него как на лирика [27, с. 8–9]. Публикатор наследия поэта К.Л. Шнайдер утверждал, что в своих драмах Гейм «разработал впечатляющий метафорический вокабуляр своих более поздних стихотворений, здесь он достиг уверенности в обращении с предпочитаемым им пятистопным ямбом, здесь вырисовывались уже на ранних этапах общие черты его поэтической картины мира» [29, с. 265].

Одной из мало исследованных сторон поэтики Гейма до сих пор остается его метрический репертуар. Те статистические подсчеты, что доступны на сегодня, как правило, ограничиваются только собственно стихотворениями, зачастую не включая в расчет драмы и все то, что выходит за рамки «зрелого периода»

---

⁶ Его трилогия «Христос и Антихрист» была у Гейма настольной книгой [27, с. 15].

1910–1912 гг. Однако и этих данных достаточно, чтобы определить доминирующую поэтическую форму, использовавшуюся Геймом практически повсеместно. Исследователь новонемецкой метрики Фриц Шлаве приводит сравнительные данные, иллюстрирующие формальный репертуар основных авторов от Векерлина (1600) до Вайнхебера (1945), и у Гейма с большим отрывом лидирует пятистопный ямб [28, с. 103]. Согласно этим сравнительным данным, Гейм написал этим размером в строгой строфической форме более двухсот стихотворений, больше половины общего количества своих произведений, то есть это почти столько же пятистопных ямбов, сколько насчиталось у Рильке и Георге вместе взятых [28, с. 102]. Очевидно, что это не случайная аберрация, но поэтический принцип, повторяющаяся схема, которую автор усвоил, развивал и применял на протяжении всей своей творческой эволюции.

Некая монотонность ритма в стихах Гейма отмечалась еще прижизненной критикой⁷. Приверженность Гейма строфическому пятистопному ямбу исследователи, как правило, связывают с влиянием Стефана Георге⁸, которому Гейм подражал и с которым боролся всю жизнь. Однако если рассматривать поэзию Гейма не как изолированный корпус «зрелых» стихотворений 1910–1912 гг., но поместить их в контекст идиостиля автора, включавшего, в том числе, и большой объем драматических текстов, мы сможем дополнить или даже отчасти пересмотреть эту устоявшуюся картину.

В экспрессионизмоведении существует известный парадокс. С одной стороны, как отмечает исследователь метрического репертуара экспрессионистов Роберт Ньютон, «ритм – наиболее важный формальный фактор поэзии экспрессионизма» [26, с. 243]. С другой стороны, утвердился стереотип о том, что экспрессионизм – это искусство дисгармонии, деформации, искажения. Между тем статистические данные Р. Ньютона, основанные на скрупулезном анализе антологии «Сумерки человечества» как авторитетного свода классических текстов этого направления, свидетельствуют: экспрессионисты активно пользовались традиционными поэти-

---

⁷ См. примеры в рецензиях на книгу Гейма «Вечный день» у К. Пинтуса [17, т. 4, с. 195], А. Дрея [17, т. 4, с. 205], Х. фон Вебера [17, т. 4, с. 206] и др.

⁸ Этого мнения придерживались Г. Корте [22, с. 41], К. Маутц [24, с. 150], П. Вирек [31, с. 5], К.Л. Шнайдер [30, с. 178], Д. Бройер [5, с. 293] и др.

ческими формами, видоизменяя и развивая их, и были не менее искусны в обращении с классической просодией, чем предшествовавшие им романтики, натуралисты или символисты. «Экспрессионисты просто перелили новую напряженность в существующие стихотворные формы» [26, с. 219]. Экспрессионизм, таким образом, не обязательно и всегда является искусством новации и деформации, его ценность состоит в том числе в тех образцах, которые он творчески переосмыслил.

В случае Георга Гейма можно предположить, что господствующий в его лирике пятистопный ямб также опирается на предшествующую традицию, и не только лирическую, через С. Георге, но и на драматическую. Сама возможность писать стихи пятистопным ямбом появилась в немецкой поэзии лишь в XVII в., но утвердилась не сразу, так как усвоенный из французской лирики размер требовал обязательной цезуры, что было для немецкоязычных поэтов непривычно. Наибольшее распространение пятистопный ямб получил в немецкой поэзии с середины XVIII в., и именно как драматический размер, разработанный сперва в переводах пьес Шекспира [25, с. 93], а затем и в оригинальных драмах Виланда и Лессинга [28, с. 56]. За этим пятистопником в немецкой традиции утвердилось название *Blankvers* (дословно «белый стих»), и его популярность изначально связана с гибкостью этой формы, позволявшей поэту-драматургу смещать цезуру, вводить пиррихии, спондеи, анжамбеманы, подстраивать ритм под речь персонажей. Как отмечает исследователь бланкверса Рудольф Халлер, немецкие поэты довольно рано осознали «прозаизирующий» эффект этой формы, который вызывал у них в равной степени восхищение и осуждение [6, с. 381]. Все эти особенности Георг Гейм перенял у своих любимых драматургов: Клейста, Шиллера, Габбе, но не только у них. Сам он признавался в дневнике: «Я охотнее читаю плохие драмы, чем хорошие. На ошибках большому учишься» [17, т. 3, с. 95] Поэтому в списках первоисточников исторических пьес Гейма можно обнаружить таких полузабытых авторов второго ряда, как Герман Лингг или Франц Хельд.

В обращении с бланкверсом Гейм постепенно достиг необычайной легкости, написав им огромное количество текстов, сотни и тысячи драматических строк. Есть примеры того, как поэт дважды разрабатывал один и тот же сюжет в разных формах: готовясь

написать пьесу о Наполеоне, он в 1908 г. набросал несколько сцен прозой [17, т. 2, с. 699–710], но два года спустя переписал все заново бланкверсом [17, т. 2, с. 711–722]. Кажется, он возвращался к этой форме естественным путем, и в ней же стали постепенно формироваться стилистические черты его будущих классических стихотворений. Приведем в качестве примера фрагмент монолога Аталанты из одноименной пьесы [17, т. 2, с. 368]:

Nun seh ich nur die Würmer und den Tod,
Das meilenlange Nichts, das Nichtmehrsein,
Die ganze Ewigkeit, den schwarzen Trichter,
Der grundlos aufgähnt, drin man ewig ruht.
Stumm, taub, blind. In seinem Fache jeder
Wie in der Lade Frucht, die dörren soll
Mit einem Täfelchen: Hier ruht in Gott
– Warum nicht in der Hölle – die und der.

И вот я вижу лишь червей и смерть,
Безмерное Ничто, небытие,
Всю вечность целиком, ее провал,
Бездонный зев, где обрету покой.
Глуха, нема, слепа. В ее жаровне,
Как плод в коробке, сохнуть обречен
С табличкой: «В мире упокоен...
– А разве не в аду – такой-то здесь»⁹.

У. Малендорф отмечает, что в этом монологе, как и во всей пьесе, «Гейм заставляет публику видеть все происходящее глазами Аталанты» [23, с. 64] и этот драматический эффект видения, как нам кажется, был затем перенесен им вместе с пятистопником из драмы в лирические произведения.

Кропотливая работа над большими текстами, написанными заданным размером, позволила Гейму «набить руку» и создать в немецкой поэзии то, что позднее стиховеды называли «визионерским катреном» (visionary quatrains) [26, с. 143] – разновидностью классического четверостишия, концептуально связанного в экс-

---

⁹ Здесь и далее художественные переводы принадлежат автору статьи.

прессионизме с мотивами монотонности, одновременности, мотивами шествия и столпотворения [26, с. 243]. Гейм оказался способен создавать стандартными поэтическими средствами эффект драматического нарастания, поступи истории, когда экспрессия как бы прорывается сквозь классический метр. По мнению Р. Ньютона, достигается это впечатление за счет многочисленных небольших сбоев ритма, пиррихий и анжамбеманов, последовательно применяющихся поэтом [26, с. 142]:

Wie Feuerregen füllt den Ozean
Der schwarze Gram. Die großen Wogen türmt
Der Südwind auf, der in die Segel stürmt,
Die schwarz und riesig flattern im Orkan.

Как дождь огня, стекает в океан
Печали мрак. И валы громоздит
Свирепый Зюйд и в парусах гудит,
Громадных, черных, словно ураган.

(«Легучий голландец» / *Der fliegende Holländer*: [17, т. 1, с. 201])

В сочетании с гротескным образным рядом, тревожными мотивами создается эффект направленной интенсивности. Но влияние драмы сказывается не только в форме, но в самой сценичности лирики Гейма. Многие из его стихотворений фактически написаны в форме драматических монологов, как, например, в повторяющемся у него сюжете обращения лирического героя к духам усопших:

Die Lider übereist, das Ohr verstopft
Vom Staub der Jahre, ruht ihr eure Zeit.
Nur manchmal ruft euch noch ein Traum, der klopft
Von fern an eure tote Ewigkeit...

Замёрзли ваши веки. Слух забит
Столетней пылью. Ваши спят века.
Лишь изредка мечта еще стучит
В безвременье могил издалека...

(«Родина мертвых» / *Die Heimat der Toten*: [17, т. 1, с. 209])

Dich grüßt der Dichter, düsteres Phantom,
Den durch die Nacht der Liebe Schatten führt,
Im unterirdisch ungeheuern Dom,
Wo schwarzer Sturm die Kirchenlampe schürt...

Поэт тебя приветствует, фантом.
Уводит тень любви во мрак ночной,
Под землю, в необъятный жуткий дом,
Где раздувает вихрь лампадный зной...

(«Летучий голландец» / Der fliegende Holländer: [17, т. 1, с. 202])

Иногда источником речи в стихотворении становятся сами инфернальные персонажи, порой довольно абстрактные:

Ich bin in Wüsten eine große Stadt
Hinter der Nacht und toten Meeren weit...

Я – город средь безжизненных пустынь,
Ночей и мертвой глубины морей...

(«Город мук» / Die Stadt der Qual: [17, т. 1, с. 349])

В «ранней» поэзии Гейма встречаются примеры, когда драма и лирика еще не вполне отделились друг от друга, и иным стихотворениям даже предпослана театральная ремарка, поясняющая читателю (или актеру), от чьего лица идет речь. Так, небольшую поэму «Песнь мертвых» (Gesang der Toten), над которой Гейм работал в конце 1909 г., открывает пояснение в скобках: «Мёртвые выходят вперед и образуют круг вокруг Вопросающего, они поют...» [17, т. 1, с. 715].

Сам поэт осознавал свою зацикленность на бланкверсе, и в последние месяцы 1911 г. в его лирике наметился некий поворот: Гейм стал экспериментировать с трехсложными размерами, хореем, верлибром, тоническими ритмами. 27 сентября 1911 г. он записал в дневнике: «Ямб есть ложь. По меньшей мере, латинская форма, “прозрачное, четырехгранное” – это цепь на мысли. По длинной дуге меня обратно приводит туда, откуда я однажды ушел, как того, кто идет по извилинам горной дороги, и вдруг оказывается

стоящим на том же месте горы, лишь одним склоном выше. Притянутая рифма есть богохульство...» [17, т. 3, с. 166].

Книга стихотворений «Вечный день» [15], подготовленная поэтом и изданная в 1911 г., должна была стать завершающим этапом на этом пути. Почти все стихотворения в ней написаны пятистопным ямбом, но в следующей книге Гейм готовился к переходу на новый уровень. Трагическая случайность привела к тому, что «Вечный день» остался единственным прижизненным собранием его стихотворений. Именно в нем заложена основа мифа о Гейме как монотонном поэте, лирике одного ритма. Тогда критик и издатель Херварт Вальден упрекал Гейма в «неспособности ритмически создавать форму» [32, с. 126], а соратник по «Новому клубу» Курт Хиллер позднее отказывал ему в праве называться экспрессионистом: «Мне он кажется скорее сюрреалистическим вариантом классициста... его способ выражения был искусным, но точно не был новшеством» [20, с. 32].

Своеобразный отпечаток наложила эта ритмическая монотонность и на последующую практику переиздания и переводов произведений Гейма. Долгое время все, что не подходило к образу автора «визионерских катренов», упускалось из вида или считалось незрелым и подражательным. На русской почве это привело к появлению прозаических переводов его стихотворений. Их автор, выдающийся филолог Михаил Гаспаров, как мне кажется, лучше других сформулировал миф о Гейме как лирике одного размера: «Со стихотворной формой он почти не экспериментировал, она была для него нейтральна» [1, с. 392]. Скорее всего, в распоряжении М.Л. Гаспарова при работе над переводами был сборник *Dichtungen* 1922 г. издания [16]¹⁰, в котором драмы Гейма не были представлены. Знай он об их существовании, возможно, его подход к переводимому тексту был бы иным. Ведь в своей монографии об истории европейского стиха М.Л. Гаспаров прослеживает те же генетические взаимосвязи немецкого пятистопного ямба и драматического бланкверса [2, с. 158].

Нужно признать, что взаимосвязь лирики и драмы в немецкой литературе XX в. все еще ждет обстоятельного изучения. Сти-

---

¹⁰ На это указывает как композиция переведенного М.Л. Гаспаровым корпуса, так и некоторые ошибки и опечатки, перекочевавшие в русский текст из этого издания. Подробнее см.: [Чёрный, с. 681–687].

хвед Дитер Бройер в 1991 г. отмечал: «Какое значение имел стих для драматургии XX в., почти неизвестно. Со времен драматических экспериментов натуралистов двух последних десятилетий XIX в. классическая бланкверс-драма, как и драматический стих в целом, пребывают в резерве» [5, с. 354]. Тем важнее в случае с авторами, работавшими в обоих жанрах, учитывать междужанровые связи, которые могут многое объяснить в идиостиле поэта-драматурга, скорректировать взгляд на его метрический и стилистический репертуар и творческую эволюцию в целом.

Список литературы

1. *Гаспаров М.Л.* От переводчика // *Гейм Г.* Вечный день. *Umbra vitae*. Небесная трагедия. М.: Наука, 2003. С. 392–393.
2. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. 2-е изд. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.
3. *Поруцков В.А.* Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Дёблин, Готфрид Бенн: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.03. СПб., 2015. 232 с.
4. *Чёрный А.В.* Георг Гейм в России: сто лет переводов и исследований // *Россия – Германия: литературные встречи (после 1945 года)*. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 651–695. DOI: 10.22455/978–5-9208–0683–3-651–695
5. *Breuer D.* Deutsche Metrik und Versgeschichte. 2. Aufl. München: Fink, 1991. 414 S.
6. *Haller R.* Studie über den deutschen Blankvers // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 1957. Nr. 31(3). S. 380–424. DOI: 10.1007/bf03376062
7. *Heym G.* Atalanta: Drama in 1 Aufzug // *Die Aktion*. 1911. Nr. 5. S. 145–150.
8. *Heym G.* Atalanta: ein Drama von Georg Heym // *Das Aktionsbuch* / hrsg. F. Pfemfert. Berlin-Wilmersdorf: Verlag der Wochenschrift Die Aktion, 1917. S. 296–304.
9. *Heym G.* Atalanta oder die Angst: zur Wiederaufnahme des Stückes durch die Freie Theateranstalt Berlin anlässlich des hundersten Geburtstages von Georg Heym. Berlin: Edition Sirene, [1987]. 16 S.
10. *Heym G.* Atalanta oder die Angst. Berlin: CreateSpace, 2017. 42 S.
11. *Heym G.* Atalanta oder die Angst. Berlin: Culturea, 2022. 62 S.

12. *Heym G.* Das lyrische Werk: sämtliche Gedichte 1910–1912 mit einer Auswahl der frühen Gedichte 1899–1909 / hrsg. K.L. Schneider. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977. 668 S.
13. *Heym G.* Der Athener Ausfahrt: Trauerspiel in einem Aufzug. Würzburg: Memminger's Buchdruckerei und Verlagsanstalt, 1907. 46 S.
14. *Heym G.* Der Dieb. Leipzig: Rowohlt, 1913. 146 S.
15. *Heym G.* Der ewige Tag. Leipzig: Rowohlt, 1911. 70 S.
16. *Heym G.* Dichtungen / hrsg. K. Pinthus und E. Loewenson. München: Kurt Wolff Verlag, 1922. 308 S.
17. *Heym G.* Dichtungen und Schriften. Gesamtausgabe: in 4 Bdn. / hrsg. K.L. Schneider. Hamburg und München: Heinrich Ellermann Verlag, 1960–1968.
18. *Heym G.* Gedichte 1910–1912: historisch-kritische Ausgabe aller Texte in genetischer Darstellung: in 2 Bdn. / hrsg. G. Dammann, G. Martens, K.L. Schneider. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993.
19. *Heym G.* Umbra vitae: nachgelassene Gedichte. Leipzig: Rowohlt, 1912. 72 S.
20. *Hiller K.* Begegnungen mit "Expressionisten" // Expressionismus: Aufzeichnungen und Erinnerungen der Zeitgenossen / hrsg. P. Raabe. Olten: Walter, 1965. S. 24–35.
21. Index zu Georg Heym: Gedichte 1910–1912 / bearbeitet von R.E. Brown. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1970. 274 S. DOI: 10.1515/9783110930412
22. *Korte H.* Georg Heym. Stuttgart: Metzler, 1982. 97 S. DOI: 10.1007/978-3-476-03908-8
23. *Mahlendorf U.* Georg Heym's Development as a Dramatist and Poet // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 63. No. 1. 1964. P. 58–71.
24. *Mautz K.* Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus: die Dichtung Georg Heyms. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1961. 388 S.
25. Metzler Lexikon Literatur: Begriffe und Definitionen / hrsg. D. Burdorf, C. Fasbender, B. Moennighoff. 3. Aufl. Stuttgart: Metzler, 2007. 845 S. DOI: 10.1007/978-3-476-05000-7
26. *Newton R.P.* Form in the "Menschheitsdämmerung": A Study of Prosodic Elements and Style in German Expressionist Poetry. Hague: Mouton, 1971. 270 p. DOI: 10.1515/9783110891010
27. *Seiler B.* Die historischen Dichtungen Georg Heyms: Analyse und Kommentar. München: Fink, 1972. 318 S.
28. *Schlawe F.* Neudeutsche Metrik. Stuttgart: Metzler, 1972. 108 S. DOI: 10.1007/978-3-476-03832-6
29. *Schneider K.L.* Nachwort // Georg Heym: ausgewählt von K.L. Schneider und G. Martens. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1971. S. 263–265.

30. Schneider K.L. Zerbrochene Formen: Wort und Bild im Expressionismus. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. 204 S.
31. Viereck P. Transplantings: Essays on Great German Poets with Translations. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009. 248 p. DOI: 10.4324/9781351321402
32. Walden H. Bab, der Lyriksucher // Der Sturm. 1912. Nr. 123/124. S. 125–126.

References

1. Gasparov, M.L. “Ot perevodchika” [“Translator’s Preface”]. Geim, G. *Vechnyi den'. Umbra vitae. Nebesnaya tragediya* [*The Eternal Day. Umbra Vitae. The Heavenly Tragedy*]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 392–393. (In Russ.)
2. Gasparov, M.L. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [*A Brief History of European Verse*]. 2nd ed. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2003, 272 p. (In Russ.)
3. Poruntsov, V.A. *Khudozhestvennyi mir maloi prozy nemetskogo ehkspressionizma 1910-kh gg.: Georg Geim, Al'fred Deblin, Gotfrid Benn* [*Creative World of the Minor Expressionist Prosa: Georg Heym, Alfred Döblin, Gottfried Benn*]. St Petersburg, 2015, 232 p. (In Russ.)
4. Chornyi, A.V. “Georg Geim v Rossii: sto let perevodov i issledovanii” [“Georg Heym in Russia: a Hundred Years of Translations and Studies”]. *Rossiya – Germaniya: literaturnye vstrechi (posle 1945 goda)* [Russia – Germany: Literary Encounters]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021, pp. 651–695. (In Russ.) DOI: 10.22455/978–5-9208–0683–3-651–695
5. Breuer, D. *Deutsche Metrik und Versgeschichte*. 2. Aufl. München, Fink, 1991, 414 S. (In German)
6. Haller, R. “Studie über den deutschen Blankvers”. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, no. 31(3), 1957, S. 380–424. (In German) DOI: 10.1007/bf03376062
7. Heym, G. “*Atalanta*: Drama in 1 Aufzug”. *Die Aktion*, no. 5, 1911, S. 145–150. (In German)
8. Heym, G. “*Atalanta*: ein Drama von Georg Heym”. *Das Aktionsbuch*, hrsg. F. Pfemfert. Berlin-Wilmersdorf, Verlag der Wochenschrift Die Aktion, 1917, S. 296–304. (In German)
9. Heym, G. *Atalanta oder die Angst*: zur Wiederaufnahme des Stückes durch die Freie Theateranstalt Berlin anlässlich des hundersten Geburtstages von Georg Heym. Berlin, Edition Sirene, [1987], 16 S. (In German)
10. Heym, G. *Atalanta oder die Angst*. Berlin, CreateSpace, 2017, 42 S. (In German)
11. Heym, G. *Atalanta oder die Angst*. Berlin, Culturea, 2022, 62 S. (In German)

12. Heym, G. *Das lyrische Werk*: sämtliche Gedichte 1910–1912 mit einer Auswahl der frühen Gedichte 1899–1909, hrsg. K.L. Schneider. München, Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1977, 668 S. (In German)
13. Heym, G. *Der Athener Ausfahrt*: Trauerspiel in einem Aufzug. Würzburg, Memminger's Buchdruckerei und Verlagsanstalt, 1907, 46 S. (In German)
14. Heym, G. *Der Dieb*. Leipzig, Rowohlt, 1913, 146 S. (In German)
15. Heym, G. *Der ewige Tag*. Leipzig, Rowohlt, 1911, 70 S. (In German)
16. Heym, G. *Dichtungen*, hrsg. K. Pinthus und E. Loewenson. München, Kurt Wolff Verlag, 1922, 308 S. (In German)
17. Heym, G. *Dichtungen und Schriften*. Gesamtausgabe: in 4 Bdn, hrsg. K.L. Schneider. Hamburg und München, Heinrich Ellermann Verlag, 1960–1968. (In German)
18. Heym, G. *Gedichte 1910–1912*: historisch-kritische Ausgabe aller Texte in genetischer Darstellung: in 2 Bdn, hrsg. G. Dammann, G. Martens, K.L. Schneider. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1993. (In German)
19. Heym, G. *Umbra vitae*: nachgelassene Gedichte. Leipzig, Rowohlt, 1912, 72 S. (In German)
20. Hiller, K. "Begegnungen mit 'Expressionisten'". *Expressionismus: Aufzeichnungen und Erinnerungen der Zeitgenossen*, hrsg. P. Raabe. Olten, Walter, 1965, S. 24–35. (In German)
21. *Index zu Georg Heym*: Gedichte 1910–1912, bearbeitet von R.E. Brown. Frankfurt am Main, Athenäum Verlag, 1970, 274 S. (In German) DOI: 10.1515/9783110930412
22. Korte, H. *Georg Heym*. Stuttgart, Metzler, 1982, 97 S. (In German) DOI: 10.1007/978-3-476-03908-8
23. Mahlendorf, U. "Georg Heym's Development as a Dramatist and Poet". *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 63, no. 1, 1964, pp. 58–71. (In English)
24. Mautz, K. *Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus*: die Dichtung Georg Heyms. Frankfurt am Main, Athenäum Verlag, 1961, 388 S. (In German)
25. *Metzler Lexikon Literatur*: Begriffe und Definitionen, hrsg. D. Burdorf, C. Fasbender, B. Moennighoff. 3. Aufl. Stuttgart, Metzler, 2007, 845 S. (In German) DOI: 10.1007/978-3-476-05000-7
26. Newton, R.P. *Form in the "Menschheitsdämmerung"*: A Study of Prosodic Elements and Style in German Expressionist Poetry. Hague, Mouton, 1971, 270 p. (In English) DOI: 10.1515/9783110891010
27. Seiler, B. *Die historischen Dichtungen Georg Heyms*: Analyse und Kommentar. München, Fink, 1972, 318 S. (In German)
28. Schlawe, F. *Neudeutsche Metrik*. Stuttgart, Metzler, 1972, 108 S. (In German) DOI: 10.1007/978-3-476-03832-6

-
29. Schneider, K.L. "Nachwort". *Georg Heym*: ausgewählt von K.L. Schneider und G. Martens. München, Nymphenburger Verlagshandlung, 1971, S. 263–265. (In German)
  30. Schneider, K.L. *Zerbrochene Formen*: Wort und Bild im Expressionismus. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967, 204 S. (In German)
  31. Viereck, P. *Transplantings*: Essays on Great German Poets with Translations. New Brunswick, Transaction Publishers, 2009, 248 p. (In English) DOI: 10.4324/9781351321402
  32. Walden, H. "Bab, der Lyriksucher". *Der Sturm*, no. 123/124, 1912, S. 125–126. (In German)

А.Л. Гумерова
© Гумерова А.Л., 2023

РЕЦЕПЦИЯ СЮЖЕТА О КУПИДОНЕ И ПСИХЕЕ В РОМАНЕ К.С. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»

Аннотация. Интерес к сюжету о Купидоне и Психее, заимствованному из романа Апулея «Превращения» («Золотой осел»), прослеживается как в ранних набросках К.С. Льюиса, так и в его последнем романе «Пока мы лиц не обрели» (1956). В 1922–1923 гг. Льюис пишет первый вариант стихотворения на сюжет мифа о Купидоне и Психее. Первая строка поэтического отрывка звучит как «История о Психее рассказана неправильно», а обрывается он на появлении брата-близнеца Психеи, о котором говорится: «он поведал миру историю, которую мы знаем». Роман же «Пока мы лиц не обрели» представляет собой пересказ истории о Купидоне и Психее сестрой Психеи, за исключением последнего абзаца, написанного другим персонажем романа после ее смерти. При этом внутри романа появляется вставное предание о Психее – рассказ жреца, который, по мнению героини-повествовательницы, противопоставлен реальной истории о Психее. «Пока мы лиц не обрели» написан почти одновременно с двумя другими произведениями Льюиса, в которых идет речь о встрече души с Богом – трактатом «Любовь» и завершающей повестью из цикла «Хроники Нарнии». Можно предположить, что основным смыслом мифа о Купидоне и Психее для Льюиса была встреча Души-Психеи с Купидоном-Любовью; и этот смысл был для него ключевым на протяжении всего творческого пути.

Ключевые слова: К.С. Льюис; миф; Апулей; античная традиция; пересказ; интерпретация мифа.

Получено: 15.08.2023

Принято к печати: 10.09.2023

Информация об авторе: Гумерова Анна Леонидовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, 25 а, 121069, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9795-0974>

E-mail: gratia4@yandex.ru

Для цитирования: Гумерова А.Л. Рецепция сюжета о Купидоне и Психее в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 39–52. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.03

Anna L. Gumerova

© Gumerova A.L., 2023

RECEPTION OF THE STORY ABOUT CUPID AND PSYCHE IN C.S. LEWIS' NOVEL *TILL WE HAVE FACES*

Abstract. C.S. Lewis' attraction to the story about Cupid and Psyche borrowed from Apuleius' novel *The Metamorphoses* (or *The Golden Ass*) can be traced both in the author's early drafts and in his last novel *Till We Have Faces* (1956). In 1922–1923 Lewis writes the first version of a poem based on the myth about Cupid and Psyche. The first line of the poetic fragment looks like this: “The Tale of Psyche is Unjustly Told”, and it ends abruptly on the appearance of Psyche's twin brother whom we are told about: “he <...> taught the story, as we have it, to the world”. The novel *Till We Have Faces* is a retelling of the story about Cupid and Psyche through the eyes of Psyche's sister except for the last passage written down after her death. At the same time, there is a tale within about Psyche, in the form of a natural cyclic myth, told by a priest and opposed, from the narrator's point of view, to the real story of Psyche. *Till We Have Faces* was written almost simultaneously with the other two Lewis' works considering the meeting of the soul with God (the philosophical treatise *The Four Loves* and the final story of the *Narnian* cycle). We can suppose that the main meaning of the myth about Cupid and Psyche was, for Lewis, Psyche/Soul's meeting with Cupid/Love, and this meaning was the key one for the writer throughout his creative way.

Keywords: C.S. Lewis; myth; Apuleius; antique tradition; retelling; interpretation of a myth.

Received: 15.08.2023

Accepted: 10.09.2023

Information about the author: Anna L. Gumerova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Street, 25 а, 121069, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9795-0974>

E-mail: gratia4@yandex.ru

For citation: Gumerova, A.L. “Reception of the Story about Cupid and Psyche in C.S. Lewis’ Novel *Till We have Faces*”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 39–52. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.03

Клайв С. Льюис (1898–1963) – богослов, историк и теоретик литературы, автор художественных произведений, из которых, пожалуй, наиболее известны детские «Хроники Нарнии». Роман «Пока мы лиц не обрели» (*Till We have Faces*), изданный в 1956 г., – последний роман писателя, одно из самых известных его произведений. В литературоведении существуют два основных подхода к этому роману. Он привлекает исследователей особенностями повествования и рецепции сюжета о Купидоне и Психее, заимствованного Льюисом из романа Апулея «Золотой осел» («Метаморфозы», или, в другом переводе, «Превращения»), как, например, в статье Дмитрия Махова «Трансгрессия в композиционной структуре романа К.С. Льюиса “Пока мы лиц не обрели”» – о проблеме структуры и точки зрения в этом романе [5], или в работе Тамар Зер (*Tamar Zehr*) *Till We Have Faces: C.S. Lewis’s Textual Metamorphosis* [14], посвященной преимущественно сопоставлению концепций *myth* и *story* в литературном и литературоведческом творчестве К.С. Льюиса и, в частности, этих понятий в романе «Пока мы лиц не обрели» как своего рода вершине художественного творчества писателя. Но гораздо чаще этот роман изучают как произведение о духовном пути и преображении героини. Так его рассматривает Л.Н. Ефимова в работе «Осмысление веры в творчестве К.С. Льюиса 1950–1960 годов», ставя его в один ряд с поздними богословскими трактатами Льюиса [2], или Эдит Хампфри в книге «Ввысь и вглубь. Христианские беседы с К.С. Льюисом»: исследовательница сверяет его с восточной святоотеческой литературой [6]. Эти подходы объединены в работе Питера Крифта (*Peter Kreeft*) *C.S. Lewis: a Critical Essay* (1969), в которой критик называет роман реалистическим или историческим произведением о противоречивых мифах, а его основную идею определяет как возможность встречи с Богом лицом к лицу [11, с. 35–36].

У романа есть подзаголовок – *a myth retold* (в русском переводе – «пересказанный миф»), однако мы имеем дело не с простым

пересказом мифа, а с новой его интерпретацией: в романе, по сравнению с произведением Апулея, появляются новые персонажи, мотивы, глубокая философия и психология. В истории Купидона и Психеи проявляется этическое кредо самого писателя.

«Пока мы лиц не обрели» – не первое обращение К.С. Льюиса к сюжету о Купидоне и Психее. В главе *Till We Have Faces: A Study of the Soul and the Self* коллективной монографии «К.С. Льюис: Жизнь, творчество и наследие» (C.S. Lewis: Life, Works, and Legacy) Карен Роу (Karen Rowe) приводит слова К.С. Льюиса в первой публикации романа: «Это новое истолкование старой истории жило в голове у автора со студенческих лет, становясь с годами все глубже и прочнее. Можно сказать, он работал над нею большую часть жизнь. Недавно он нашел то, что казалось правильной формой, и разные темы внезапно переплелись: грубоватая повесть о варварах, сознание уродливой женщины, мрачное идолопоклонство и слабое озарение, враждующие друг с другом и с предвидением, и тот хаос, который учиняет предназначение – или даже вера – в человеческой жизни» (цит. по: [10, р. 136])¹. Как можно видеть, Льюис говорит и о форме повествования, которая оказалась своего рода ключом к истории, и о содержании и смысле романа; таким образом, оба подхода к изучению этого романа основаны на авторской позиции.

Карен Роу указывает, что в 1922 г. Льюис думал о пьесе о Психее и Каспиане [10, р. 136]. А в 1923 г. на сюжет мифа о Купидоне и Психее он написал стихотворение, от которого сохранилось всего несколько четверостиший. Интересно, что, судя по дневниковой записи 1923 г., с самого начала для Льюиса была очевидна невидимость Дворца Психеи. «Моя голова заполнена прежней идеей стихотворения на тему моей собственной версии истории Купидона и Психеи, в которой сестра Психеи не завидовала бы Дворцу, который показывала ей Психея, а видела бы вместо него только болота» [7, р. 266]. К теме зависти Льюис вернется в романе «Пока мы лиц не обрели», однако можно отметить, что в первом подступе к идее романа Психея должна, по мнению Льюиса, показывать свой дворец одной сестре, а не двум.

---

¹ Здесь и далее перевод цитат из англоязычных источников мой. – А. Г.

В сохранившемся же стихотворном отрывке появляются брат-близнец Психеи по имени Джардис, «такой же прекрасный, как она», «брат, а не сестра» – о нем говорится: «он поведал миру историю, дошедшую до нас», – и их старшая сестра, дочь короля от первого брака, по имени Каспиана² (Caspian), которая качала их обоих на коленях [9, р. 133]. О сюжете стихотворения можно только догадываться; очевидно, старшая сестра должна была посетить Психею и увидеть болота вместо Дворца, но, возможно, в отличие от версии, которую Льюис принимает в романе, сестра была бы более любящей; а вместо средней сестры здесь возникает брат-близнец (интересно, что в финале романа «Пока мы лиц не обрели» Оруаль видит себя и Психею в зеркале «неотлично похожими» [3, т. 2, с. 239] – таким образом тема двойничества тоже сохраняется).

Многие детали ненаписанного стихотворения – невидимый дворец, история, рассказанная братом или сестрой Психеи, и сама необходимость поведать миру историю – появятся в романе «Пока мы лиц не обрели». Замечу, что интерес Льюиса к истории о Купидоне и Психее в 1922–1923 гг. свидетельствует об интересе к рассказу Апулея и его рецепции в литературе. Первая строка поэтического отрывка звучит как «История о Психее рассказана неправильно» [9, р. 131]. Интересно, что почти то же самое Льюис скажет в письме Кэтрин Фаррер от 2 апреля 1955 г., во время работы над романом: «Апулей во всем ошибся. Старшая сестра (я оставил только одну) не видела дворец Психеи, когда посетила ее. Она видела только скалы и вереск <...> это история всякого милого, любящего агностика, чей любимый человек внезапно “ударился в религию”, или даже обычного теплохладного христианина, чей любимый человек слышал Призыв» [8, р. 415]. Необходимо заметить, что в своей последней прижизненной монографии *An Experiment in Criticism* («Литературно-критический эксперимент»), в главе, посвященной мифу, Льюис указывает, что греческое слово *mythos* обозначает не то, что мы сейчас называем мифом, а любой вариант *story* [12, р. 42], – т.е., в сущности, рассказ.

---

²Это имя впоследствии будет носить один из персонажей «Хроник Нарнии» Льюиса, принц Каспиан. Никаких других аллюзий на это стихотворение в «Хрониках Нарнии» нет.

В авторском послесловии к американскому изданию романа (1957) Льюис скажет: «Я не чувствовал никакой потребности быть верным Апулею, который и сам почти наверняка всего лишь пересказал миф, а не сочинил его» [3, т. 2, с. 243]. Из этих слов можно понять, что миф о Купидоне и Психее Льюис полагает существующим до Апулея; это отражается в структуре и содержании романа, о чем я скажу ниже.

В этом же предисловии Льюис пишет: «Главное изменение, внесенное мною в миф, – то обстоятельство, что дворец Психеи невидим для глаз прочих смертных. Впрочем, изменение – не вполне точное слово; я почувствовал при первом же прочтении книги, что именно так должно было быть. <...> Эта поправка, безусловно, изменила характер героини и сделала весь миф менее однозначным, пока в конце концов полностью не поменяла его на другой лад» [3, т. 2, с. 243]. Действительно, можно видеть, что это изменение Льюис внес еще при первых размышлениях об этой истории.

Повествование глубоко психологично и в нем несомненен отпечаток литературы XX в., – как отмечает Эдит Хамфри, «Льюис в своем рассказе создает миф наших дней <...> эта история направлена напрямую в наше время» [6, с. 232].

Весь роман целиком – это произведение персонажа, повествование главной героини от первого лица, за исключением последнего абзаца, написанного после ее смерти: «Я, Арном, жрец Афродиты, сохранил этот свиток и положил его в храме. По пятнам после слов “Я могла бы...” легко заключить, что, когда Царицу настигла смерть, голова ее упала на свиток. По этой причине мы не можем прочесть последние слова. Эта книга была написана Оруалью, Царицей Гломской. <...> Если путник, направляющийся в Грецию, найдет эту книгу, пусть он возьмет ее с собой, ибо таково было самое заветное желание нашей Царицы» [3, т. 2, с. 240]. Благодаря этим заключительным словам произведения у текста всего остального романа появляется рамка, т.е. он становится «текстом в тексте». Интересно, что даже в «Золотом осле» сюжет о Купидоне и Психее – вставное повествование; история рассказана старухой девушке-пленнице, а осел-повествователь жалеет, что не может ничего записать [1, с. 141–142, 192]. (Роман Льюиса делится на две части; первая представляет собой в основном пересказ ис-

тории Купидона и Психеи от лица Оруали, вторая повествует о преображении Оруали, однако там появляются дословно заимствованные сцены из рассказа о Купидоне и Психее.)

Итак, каким же образом у Льюиса миф переделан «на другой лад»?

Действие происходит в неопределенной северо-восточной стране Глом. Время действия не указано, но героиня знакома с «Федоном» Платона [3, т. 2, с. 220]. Вместе с тем действие очевидно происходит в дохристианское время – в финале романа, в загробном мире учитель героини на ее вопрос «Правда ли, что придет день, когда боги станут прекрасными?» отвечает: «Наш век станет вскоре далеким прошлым <...> мы видим перед собой незавершенный мир» [3, т. 2, с. 237]. Концепция языческого мифа, который является, по словам исследователя творчества К.С. Льюиса А. Макграта, «предвосхищением той полноты истины, которая открылась только в христианской вере и через посредство христианской веры» [4, с. 195], характерна для многих произведений Льюиса. Сюжет романа относится к более раннему времени, чем «Золотой осел» Апулея.

Сестер в романе три, как и у Апулея, хотя, судя по раннему наброску, Льюис думал сделать одну из сестер братом, а судя по письму Кэтрин Фаррер, возможно, намеревался объединить старших сестер в одну. Главная героиня романа – Оруаль, любящая и ревнивая сестра Психеи; вторая сестра, Редиваль, завидует Психее и устраивает так, чтобы ее принесли в жертву (т.е. на определенном повороте сюжета Редиваль оказывается в роли Венеры Апулея). На момент жертвы-брака Психеи у Апулея обе сестры замужем. У Льюиса – наоборот, обе старшие сестры Психеи – девушки, а сестра-рассказчица так и не вступает в брак.

В романе, в отличие от рассказа Апулея, ни Купидон, ни Венера почти не появляются как действующие лица. Венера («Унгит» в романе) присутствует в романе только в виде изображений, в том числе в виде «Венеры палеолита», которая, по описанию, находится в храме Унгит в стране Глом – и Оруаль во время одного из видений во второй части романа отождествляет свое отражение в зеркале с Унгит. У Апулея Венера действует и говорит; некоторые действия Венеры Льюис передает Оруали, как бы готовя читателя к отождествлению Оруали и Унгит. Так, Венера

смеется над беременной Психеей – Оруаль злится при мысли о том, что «Психея родит от голодранца» [3, т. 2, с. 122], Венера бьет Психею – Оруаль тоже бьет Психею, когда требует от нее, чтобы та ушла от мужа [3, т. 2, с. 108]. Наконец, Психея должна «принести красоту» для Унгит, но когда она приносит сосуд, образ Оруали уже слит с образом Унгит. Голос «Купидона» – сына Унгит – появляется дважды: в сцене, когда Оруаль слышит, как Психея зажигает лампу и затем плачет, и в финале, где слышен его голос, а его самого тоже не видно. Вообще мир богов в романе, с одной стороны, близок людям, существует рядом с ними, персонажи соотносят свои действия с волей богов, с другой – он явно иной, существующий по другим законам и этическим правилам.

В предисловии к первому изданию романа Льюис писал о «правильной форме». Действительно, форма романа крайне интересна: Оруаль постоянно подчеркивает, что она пишет книгу, причем книгу для чужеземца-грека, несколько раз обращается к возможному читателю напрямую (у этого читателя есть характеристики – например, он мог бы сражаться в рядах гоплитов), призывает его судить о правильности или справедливости происходящего; а в конце романа мы узнаем, что книга, повествующая обо всех событиях, будет передана в Грецию, т.е., возможно, во внутрироманной реальности именно книга Оруали могла бы стать источником рассказа для романа Апулея; как мы помним, книга Оруали написана до Рождества Христова.

В конце первой части романа главная героиня Оруаль, сестра Психеи, попадает в храм богини, где жрец рассказывает ей священное предание, в котором она узнает историю Психеи, причем рассказ жреца сюжетно оказывается ближе к повествованию Апулея, чем события, которые мы видели ранее глазами Оруали. Рассказ жреца звучит как природный циклический миф, противопоставленный (или сопоставленный) истории, происходящей в романной реальности, а начало рассказа – сказочный зачин, схожий с началом этой истории у Апулея. «В далекой земле жили царь и царица, и были у них три дочери. Младшая царевна была прекраснее всех царевен на земле...» [3, т. 2, с. 192]. В оригинале рассказ жреца начинается словами «Once upon a time in a certain land...» [12, p. 250], и это же выражение встречается в раннем стихотворе-

нии Льюиса, цитированном выше: «Famous poets sing // That once upon a time there lived a king...» [9, p. 132].

Оруаль, выслушав рассказ жреца, причем для нее – это история ее жизни, задает вопрос: «Ты хочешь сказать, что настанет день, когда Истра вновь вернется к своему богу, и тогда вы снимете с нее черный покров?».

И получает ответ, содержащий определение статуса повествования; для жреца оно – природный миф.

«<...> Священное предание, оно о священном – о том, что мы делаем в храме. С весны и до конца лета Истра – богиня. Затем во время жатвы мы вносим в храм лампу, и бог улетает прочь. Тогда мы покрываем Истре лицо. Всю зиму она бродит по свету, испытывая лишения и обливаясь слезами...» [3, т. 2, с. 196].

И свою книгу Оруаль начинает писать именно как ответ на рассказ жреца – показать, как было «на самом деле», обвиняя богов еще и в том, что ее история превратилась в такой несправедливый миф. Заметим, что к этому моменту повествования читатель прочитал большую часть книги, которую Оруаль только собирается писать.

История Купидона и Психеи у Апулея не была циклическим мифом; по предположению Льюиса, высказанному в предисловии к американскому изданию романа, Апулей пересказал существующий миф. Льюис словно допускает, что у Апулеевского сюжета о Купидоне и Психее два источника – собственно книга Оруали, сложное психологическое повествование, и привычный циклический миф, построенный по обычным канонам жанра, именно такой, каким мог бы выглядеть миф о Купидоне и Психее, если бы он существовал.

В романе «Пока мы лиц не обрели» так или иначе переосмысляются многие эпизоды из «Золотого осла» Апулея. Однако наибольший интерес представляют собой четыре эпизода (у Апулея это попытка Психеи утопиться и три испытания, которым подвергает ее Венера), они повторяются в произведении К.С. Льюиса дважды – в основном тексте романа в виде действия, сна или видения Оруали, и в финальной главе, где действие происходит уже в загробном мире, в виде оживших картин, показанных ей там [3, т. 2, с. 232–233]. Во всех этих случаях Льюис, как правило, сохраняет внешние детали истории Апулея, однако меняет дейст-

вующих лиц. Так, в эпизоде, который в романе Льюиса представляется аналогом попытки Психеи из «Золотого осла» покончить с собой, в первом случае с собой пытается покончить сама рассказчица Оруаль, но останавливает ее бог [Льюис 1998–2000, т. 2, с. 218–219], – и эта деталь совпадает с текстом Апулея [Апулей 1931, с. 167–168]; а во втором, в картинках из загробного мира, покончить с собой пытается Психея, но мы не видим бога – слова бога, призыв к Психее остановиться произносит сама Оруаль, которая находится в этот момент вне этой сцены [3, т. 2, с. 232]. Описание испытаний Венеры тоже меняется – картинки из загробного мира в целом довольно близко повторяют сюжет Апулея, за исключением того, что из них полностью пропадает Венера (у Льюиса это могла быть Унгит или Оруаль), а во всех случаях действует **только** Психея; в основном тексте романа, где повествователем выступает Оруаль, все эти истории оказываются сном или видением героини. Причем в одном из примеров ее образ раздваивается – она выступает и в роли Психеи, разбирающей зерна, и в роли муравья, который ей помогает [3, т. 2, с. 201–202], а в двух других – Психея присутствует одновременно с ней или упоминается (она собирает шерсть божественных овец, которые в это время отвлечены на Оруаль [3, т. 2, с. 221–222], и, судя по намеку, к ней, а не к Оруали, послан орел [3, т. 2, с. 223–224]). Таким образом, трансформация эпизодов романа Апулея у Льюиса выявляет идею единства Оруали и Психеи – можно снова вспомнить идею близнецов из раннего стихотворения К.С. Льюиса, где близнец Психеи должен был стать рассказчиком этой истории.

После видения, в котором Оруаль смотрит на свое отражение в зеркале, понимает свое тождество с Унгит и думает, каким образом она могла бы преобразиться, избавиться от этого сходства, она вспоминает об Элевсине: «Я знала, что далеко в Греции, в Элевсине, существуют такие обряды, в которых, говорят, человек умирает, воскресает и живет вновь, хотя все это время душа не оставляет его тело» [3, т. 2, с. 220]. Заметим, что в финале «Золотого осла» Апулея, где тоже говорится о посвящении, возможном преображении, главный герой проходит одно посвящение за другим, словно в насмешку [1, с. 347–350]. Можно предположить, что финальное отсутствие описания преобразования в романе К.С. Льюиса тоже является отражением финала романа Апулея, т.е. итоговое

преображение не может быть описано словами; как мы помним, несмотря на то что преобразование героини совершилось, последние слова книги Оруали прочитать нельзя. Примечательно, что трактат К.С. Льюиса «Любовь», который, как отмечает Карен Роу, был написан чуть позже, чем его последний роман, и может восприниматься как комментарий к нему [см.: 10, р. 136], заканчивается словами: «Здесь и кончится моя книга. Дальше я идти не смею. <...> Когда ты знаешь, что видишь сон, ты уже не совсем спишь. Но о пробуждении расскажут те, кто достойней меня» [3, т. 1, с. 278]. А написанная в это же время повесть из цикла «Хроники Нарнии» «Последняя битва» – на определенное сходство настоящей Нарнии в ней и мира богов в «Пока мы лиц не обрели» также указывает Карен Роу [см.: 10, р. 136] – заканчивается такими словами: «И пока Он говорил, Он все меньше и меньше походил на Льва. А то, что случилось дальше, было так прекрасно, что писать об этом я не могу. <...> Вся их жизнь в нашем мире, все приключения в Нарнии были только обложкой и титульным листом; теперь, наконец, началась Глава Первая Великой Истории, которую не читал ни один человек на земле» [3, т. 6, с. 325]. Как можно видеть, финал «Хроник Нарнии» – и в каком-то смысле трактата «Любовь» – совпадает с финалом романа «Пока мы лиц не обрели»: встреча с божеством, вызывающая восторг и благоговение, и невозможность говорить об этом. К.С. Льюис писал, что основное изменение, которое он внес в рассказ Апулея, – «невидимый дворец» Психеи, и именно это изменило миф «на новый лад»; но в итоге перед нами история о сложном и болезненном преодолении невозможности видеть. Если мы предположим, что основным смыслом мифа о Купидоне и Психее для Льюиса была встреча Души-Психеи с Купидоном-Любовью, то без сомнения можно сказать, этот смысл был для него ключевым на протяжении всего творческого пути.

Таким образом, для Льюиса в рецепции сюжета о Купидоне и Психее была важна некая изначальная история, лежащая в основе мифа – история более глубокая, чем попытки ее рассказать. Однако и в первом его стихотворении на эту тему, и в романе «Пока мы лиц не обрели», неизменной остается роль брата или сестры Психеи – сохранить и передать эту историю дальше, и, как мы видим по роману, даже в искаженном пересказе может рас-

крыться подлинная история. В последнем романе К.С. Льюиса мы видим преображенный миф – и миф, преображающий человека и мир, а финал повествования – своего рода размыкание границ истории, мира или личности для встречи с божеством.

Список литературы

1. *Апулей, Люций*. Золотой осел (Превращения): в 11 книгах / пер. М. Кузмина. 3-е пересм. изд. Л.: Academia, 1931. 378 с.
2. *Ефимова Л.Н.* Осмысление веры в творчестве К.С. Льюиса 1950–1960 годов // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIII Виноградовские чтения» (г. Москва, 15–17 октября 2013 года) Т. III: Зарубежная филология. Философия. История. Часть 2. М.: МГПУ, 2014. С. 96–105.
3. *Льюис К.С.* Собрание сочинений: в 8 т. / пер. с англ. Минск; М.: Виноград; М.: Фонд о. Александра Меня; СПб: «Библия для всех». 1998–2000.
4. *Макграт А.* Клайв Стейплз Льюис. Человек, подаривший миру Нарнию / пер. с англ. Л.Б. Сумм. М.: Эксмо, 2019. 520 с.
5. *Махов Д.А.* Трансгрессия в композиционной структуре романа К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция: сб. статей / сост. и ред. В.Я. Малкина, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2019. С. 140–147.
6. *Хампфри Э.М.* Ввысь и вглубь. Христианские беседы с К.С. Льюисом / пер. дьякона Петра (Лонгана); под ред. Н. Холмогоровой. М.: Никея, 2022. 368 с.
7. *All My Road Before Me: The Diary of C.S. Lewis, 1922–1927.* L.: HarperCollins, 1991. 483 p.
8. *Collected Letters of Lewis C.S.: in 3 vols.* L.: HarperCollins, 2004. Vol. 3. 1817 p.
9. *Collected Poems of C.S. Lewis.* Kent: The Kent State University Press, 2015. 485 p.
10. *C.S. Lewis: Life, Works, and Legacy: in 4 vols. Vol. 2: Fantasist, Mythmaker, and Poet.* L.: Greenwood Publishing Group, 2007. 324 p.
11. *Kreeft P.* C.S. Lewis: a Critical Essay. W.B. Eerdmans, 1969. 48 p.
12. *Lewis C.S.* An Experiment in Criticism. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 133 p.
13. *Lewis C.S.* Till We Have Faces. A Myth Retold. L.: Collins, 1979. 320 p.

14. Zehr T.P. Till We Have Faces: C.S. Lewis's Textual Metamorphosis. A thesis presented to the University of Waterloo. 2012. 112 p. [Electronic recourse]. URL: <https://uwspace.uwaterloo.ca/handle/10012/6986?show=full> (date of access: 28.07.2023).

References

1. Apulei, Lucii. *Zolotoi osel (Prevrashcheniya)* [*The Golden Ass (The Metamorphoses)*]: in 11 books, trans. by M. Kuz'min. 3rd ed., revised. Leningrad, Academia Publ., 1931, 378 p. (In Russ.)
2. Ehfimova, L.N. "Osmyslenie very v tvorchestve K.S. L'yuisa 1950–1960 godov" ["Awareness of Faith in C.S. Lewis' Works in the 1950–1960"]. *Sbornik nauchnikh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi koferentsii "XIII Vinogradovskie chtenia"* [Collection of research papers from the International Scientific Conference "13 Vinogradov Readings"]. Vol. 3: Foreign philology. Philosophy. History. Part 2. Moscow, MGPU Publ., 2014, pp. 96–105. (In Russ.)
3. L'yuis, K.S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 8 vols. Minsk, Moscow, Vinograd Publ, 1998–2000. (In Russ.)
4. McGrath, A. *Klaiv Steiplz L'yuis. Chelovek, podarivshii miru Narniyu* [C.S. Lewis – A Life]. Moscow, Ehksmo Publ., 2019, 520 p. (In Russ.)
5. Makhov, D.A. "Transgressiya v kompozicionnoi strukture romana K.S. L'yuisa *Poka my litz ne obreli*" ["Transgression in the Composition Structure of C.S. Lewis' Novel Till We Have Faces"]. *Nabludatel' iskazhennikh mirov: poehtika i retsepsiya* [The Spectator of Distorted Worlds: Poetics and Reception]: Collected papers, ed. by V. Ya. Malkina, S.P. Pavlinskii. Moscow, Editus Publ., 2019, pp. 140–147. (In Russ.)
6. Humphrey, E.M. *Vvys' i vglub'. Khristianskie besedy s K.S. L'yuisom* [Christian Conversations with C.S. Lewis], transl. from English [Humphrey, E.M. *Further Up and Further In. Orthodox Conversations with C.S. Lewis in Scripture and Theology*]. Moscow, Nikea Publ., 2022, 368 p. (In Russ.)
7. *All My Road Before Me: The Diary of C.S. Lewis, 1922–1927*. London, HarperCollins, 1991, 483 p. (In English)
8. *Collected Letters of Lewis C.S.*: in 3 vols. London, HarperCollins, 2004, vol. 3, 1817 p. (In English)
9. *Collected Poems of C.S. Lewis*. Kent, The Kent State University Press, 2015, 485 p. (In English)

10. *C.S. Lewis: Life, Works, and Legacy*: in 4 vols. Vol. 2: *Fantasia, Mythmaker, and Poet*. London, Greenwood Publishing Group, 2007, 324 p. (In English)
11. Kreeft, P. *C.S. Lewis: A Critical Essay*. W.B. Eerdmans, 1969, 48 p. (In English)
12. Lewis, C.S. *An Experiment in Criticism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1965, 133 p. (In English)
13. Lewis, C.S. *Till We Have Faces. A Myth Retold*. London, Collins, 1979, 320 p. (In English)
14. Zehr, T.P. *Till We Have Faces: C.S. Lewis's Textual Metamorphosis*. A thesis presented to the University of Waterloo, 2012, 112 p. Available at: <https://uwspace.uwaterloo.ca/handle/10012/6986?show=full> (date of access: 28.07.2023) (In English)

Т.Н. Андреюшкина

© Андреюшкина Т.Н., 2023

ПРЕТЕКСТЫ «ИНВЕНТАРИЗАЦИИ» ГЮНТЕРА АЙХА

Аннотация. В статье рассматриваются несколько стихотворений-претекстов «Инвентаризации» Г. Айха, стиль которых сравнивается с написанными в то же время стихотворениями Айха «16-й лагерь» и «Рецепт оладьев». С одной стороны, претекстами «Инвентаризации» могли быть одноименное сюрреалистическое стихотворение Ж. Превера и «Инвентарь» периода миграции Маши Калеко. С другой стороны, образцом для Айха могли стать и военные песни В. фон Нибельшютца и Й. Вайнхебера. Но главным претекстом «Инвентаризации» является стихотворение Р. Вайнера 1916 г. В статье анализируются три перевода «Инвентаризации» (И. Фрадкина, В. Биbihина и Ю. Лившица) с точки зрения сохранения в них поэтологического характера стихотворения Айха. Представлены также несколько трансформированных вариантов «Инвентаризации» Айха в творчестве Г. Рюма, К. Драверта, Р. Гернхардта и Х.М. Энценсбергера. Историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы исследования позволили продемонстрировать основные характеристики лирического жанра инвентаризации, его актуальность не только в переходный период смены литературных направлений и становления нового художественного языка в послевоенный период, но и в современной поэзии, сохраняющей предшествующие поэтические традиции.

Ключевые слова: инвентаризация; поэтологическое стихотворение; претекст; художественный перевод; поэтические трансформации; Гюнтер Айх.

Получено: 03.08.2023

Принято к печати: 01.09.2023

Информация об авторе: Андреюшкина Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета, ул. Белорусская, 14, 445020, Тольятти, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2818-983X>

E-mail: andr8757@mail.ru

Для цитирования: Андреюшкина Т.Н. Претексты «Инвентаризации» Гюнтера Айха // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 53–77. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.04

Tatiana N. Andreyushkina

© Andreyushkina T.N., 2023

PRETEXTS OF GÜNTER EICH'S *INVENTORY*

Abstract. The article discusses several poems-pretexts of *Inventory* by Günter Eich, the style of which is compared with the poems of Eich written at the same time: *Camp 16* and *Recipe for Pancakes*. On the one hand, the pretexts of *Inventory* could be the surrealist poem of the same name by Jacques Prévert and Masha Kaleko's *Inventory* of the migration period. On the other hand, the military songs of Wolf von Nibelschütz and Josef Weinheber could also become a model for Eich. But the main pretext of the *Inventory* is the poem written in 1916 by Richard Weiner. The article analyzes three translations of Eich's *Inventory* (I. Fradkin, V. Bibikhin and Yu. Livshits) from the point of view of preserving the poetological nature of Eich's poem in them. Also several transformed versions of Eich's *Inventory* in the works of G. Rühm, K. Dravert, R. Gernhardt and H.M. Enzensberger are presented. Historical-literary and comparative methods of research made it possible to demonstrate the main characteristics of the lyrical genre of inventory, its relevance not only in the transitional period of changing literary trends and the formation of a new artistic language in the post-war period, but also in modern poetry, which preserves previous poetic traditions.

Keywords: inventory; poetological poem; pretext; literary translation; poetic transformations; Günter Eich.

Received: 03.08.2023

Accepted: 01.09.2023

Information about the author: Tatiana N. Andreyushkina, DSc in Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Togliatti State University, Belorusskaya Street, 14, 445020, Togliatti, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2818-983X>

E-mail: andr8757@mail.ru

For citation: Andreyushkina, T.N. "Pretexts of Günter Eich's *Inventory*". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 53–77. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.04

Стихотворение Гюнтера Айха (*Günter Eich*, 1907–1972) «Инвентаризация» было написано в последний год войны, хотя опубликовано позже, и сразу стало хрестоматийным по нескольким причинам. Айх, принимавший участие в войне и оказавшийся после войны в американском лагере, с одной стороны, выступает в роли типичного лирического героя, который совершает расчет с прежней солдатской жизнью и проводит инвентаризацию того, с чем он выходит в новую мирную жизнь. По этой причине Й. Фогт называет «Инвентаризацию» «лагерным стихотворением» [16, S. 91]. С другой стороны, Айх, участник «Группы 47», стал представителем новой литературы, а его стихотворение, которое относится к поэтологическим стихотворениям, явилось стилеобразующим для нового поколения поэтов.

Dies ist meine Mütze,
dies ist mein Mantel,
hier mein Rasierzeug
im Beutel aus Leinen.

Это моя шапка,
а это пальто,
здесь моя бритва
в холщевом мешке.

Konservenbüchse:
Mein Teller, mein Becher,
ich hab in das Weißblech
den Namen geritzt.

Консервная банка
служит чашкой и кружкой,
на этой светлой жестянке
нацарапал я свое имя.

Geritzt hier mit diesem
kostbaren Nagel,
den vor begehrliehen
Augen ich berge.

Нацарапал этим
бесценным гвоздем,
который прячу
от завистливых глаз.

Im Brotbeutel sind
ein Paar wollene Socken
und einiges, was ich
niemand verrate,

В хлебном мешке
пара шерстяных носков
и еще кое-что, о чем
никому не скажу,

so dient es als Kissen
nachts meinem Kopf.
Die Pappe hier liegt
zwischen mir und der Erde.

Die Bleistiftsmine
lieb ich am meisten:
Tags schreibt sie mir Verse,
die nachts ich erdacht.

Dies ist mein Notizbuch,
dies meine Zeltbahn,
dies ist mein Handtuch,
dies ist mein Zwirn [12, S. 35–36].

и что служит мне ночью
подушкой.
А эта картонка
лежит между мной и землей.

Огрызок карандаша
люблю я больше всего:
днем я пишу им стихи,
что сочиняю ночью.

Это мой блокнот,
это плащ-палатка,
это полотенце,
а это мои нитки¹.

Целью данной статьи является показать, какие стихотворения стали стилиобразующими для «Инвентаризации» Айха. Главным претекстом ее можно назвать стихотворение «Жан Баптист Шарден» (*Jean Baptiste Chardin*) Рихарда Вайнера (*Richard Weiner*, 1884–1937), рожденного в Австро-Венгрии еврейско-чешского писателя, поэта и журналиста. Вайнер изучал химию в Праге, Цюрихе, Ахене, с 1912 г. был журналистом чешской газеты в Париже. В 1914 г. попал на сербский фронт, в 1915 г. был признан негодным к военной службе в связи с нервным заболеванием, после чего вернулся к работе в пражской газете. Первая публикация его коротких рассказов появилась в 1916 г. В 1919 г. он вернулся в Париж, а в 1936 г. больной раком желудка вернулся умирать в Прагу. Его могила в родном городе на юге Чехии была разрушена во время одного из погромов в период Второй мировой войны. Критики сравнивали Вайнера с Кафкой, называли странным, загадочным писателем, выразившим боль своего поколения. Склонность Вайнера к пограничным ситуациям делает его писателем, стоящим между сюрреализмом и экзистенциализмом.

---

¹ Здесь и далее без указания имени переводчика перевод выполнен автором статьи.

Dies ist mein Tisch,
Dies meine Hausschuh,
Dies ist mein Glas,
Dies ist mein Kännchen.

Это мой стол,
Это мои тапки,
Это стакан,
А это чайник.

Dies meine Etagere,
Dies meine Pfeife,
Dose für Zucker,
Großvaters Erbstück.

Это этажерка,
Это моя трубка,
Вазочка для сахара –
Дедушкино наследство.

Dies ist mein Esszimmer,
Dies meine Ecke,
Dies ist mein Hund,
Dies meine Katze.

Это столовая,
Это мой уголок,
Это моя собака,
А это кошка.

Hier ist mein Wedgewood,
Dort ist mein Sevrès.
Das lustige Bildchen,
Fragos Geschenk.

Это мой веджвуд,
Там мой севр.
Веселая картинка –
Подарок Фраго.

Bläuliche Schalen
Hab ich sehr gern.
Blumen am Fenster
Liebe ich sehr.

Голубые чашки
Я очень люблю.
Цветы на окне
Я тоже люблю.

Fuchsien aber
Seh ich am liebsten.
Meine Charlotte
Lieber den Flieder.

Но больше всего
Я люблю фуксии.
А моя Шарлотта –
Любит сирень.

Täglich um elfe
Frühstücken wir.
Abends um achte
Deckt man zu Tisch.

Утром в одиннадцать
У нас завтрак.
Вечером в восемь
Накрывают на стол.

Esse am liebsten
Spargel mit Sauce,
Wildpret auf Pfeffer,
Erdbeer mit Creme.

Больше всего люблю
Спаржу под соусом,
Мясо с перцем,
Землянику со сливками.

Und die Charlotte
Liebet ihre Austern,
Hühnchen auf Schwammerln,
Hummerragout.

Gut ist's zu Hause,
Sehr gut zu Hause,
Dies meine Ecke,
Dies meine Hauschuh.

Glattes Email
Glanzüberquillt.
Dies ist mein Weib.
Dies ist mein Bild [14, S. 117].

А Шарлотта
Любит устрицы,
Жареную курочку
И из омаров рагу.

Как хорошо дома,
Ну, очень хорошо,
Это мой уголок,
Это мои тапки.

Гладкая эмаль
Сверкает блеском.
Это моя жена.
Это моя картина.

Эти 11 четырехстиший, переведенных на немецкий язык Й.В. Лёвенбахом, могли вдохновить Айха на создание его «Инвентаризации» как своей формой, так и ироничным взглядом на вещи. Первое, что сближает оба текста – это чередование катренов с описанием бытовых предметов, окружающих лирического героя в его будничной жизни. Название стихотворения Вайнера апеллирует к жанровым картинам Жана Баптиста Шардена (1699–1779). Натюрморты, бытовые сцены из жизни третьего сословия, портреты французского художника XVIII в. были отмечены естественностью образов, мастерской передачей света и воздуха, материальности предметов. Среди картин Шардена нет той, что так подробно описана Вайнером, понятно, что это собирательный образ жанровой картины в стиле Шардена, созданный поэтом, на что указывает последняя строка в его стихотворении («это моя картина»).

В большей степени созданная Вайнером бытовая картинка напоминает идиллический экфрасис в духе бидермейера, что не имело ни малейшего отношения к холостяцкой жизни чешского поэта и может восприниматься как пародия на филистерский образ жизни. Обращает на себя внимание сходство повторов в текстах Вайнера и Айха таких конструкций, как *dies ist mein...*, *hier ist...*, *... lieb ich am meisten / seh ich am liebsten*. Главное отличие двух стихотворений состоит в том, что в стихотворении Вайнера в основном описывается устроенный мещанский быт

героя и вещи, связанные со столовой и едой, а у Айха – маломальски обустроенный солдатский быт в плену. Однако и у Айха есть стихотворение «Рецепт оладьев», в котором он описывает приготовление оладьев в плену.

Die Trockenmilch der Firma Harrison Brothers, Chikago,
das Eipulver von Walkers, Merrymaker & Co., Kingstown, Alabama,
das von der deutschen Campführung nicht unterschlagene Mehl
und die Zuckerration von drei Tagen
ergeben, gemischt mit dem gut gechlorten Wasser des Altvaters Rhein,
eines schönen Pfannkuchenteig.
Man brate ihn in der Schmalzportion für acht Mann
auf dem Deckel einer Konservenbüchse und über dem Feuer
von lange gedörrtem Gras.

Wenn ihr ihn dann gemeinsam verzehrt,
jeder sein Achtel,
oh, dann spürt ihr, wenn er auf der Zunge zergeht,
in einer üppigen Sekunde das Glück der geborgenen Kindheit,
wo ihr in die Küche euch schlichtet, ein Stück
Teig zu erbetteln in der Vorweihnachtszeit,
oder ein Stück Waffel, weil Besuch gekommen war am Sonntagnachmittag,
spürt ihr in der schnell vergangenen Sekunde allen
Kuchenduft der Kinderjahre, habt noch einmal
fest gepackt den Schürzenzipfel der Mutter,
o Ofenwärme, Mutterwärme – [...] [10, S. 331–332]

Сухое молоко фирмы братьев Гаррисон, Чикаго,
яичный порошок Уокер, Мерримейкер энд Компании,
Кингстаун, Алабама,
не растасканная немецким командованием лагеря мука
и трехдневный рацион сахара
дают, замешанные на густо хлорированной воде дедушки Рейна,
прекрасное тесто для оладьев.
Жарьте его в порции смальца для восьми человек
на крышке от большой консервной банки, над костром
из давно высохшей травы.

Когда потом вы вместе поедаете все,
каждый свою восьмушку, – о, когда она тает на языке, вы ощущаете
в какую-то роскошную секунду счастье затаенного детства,
где вы прокрадываетесь на кухню, чтобы
выпросить кусочек теста в канун Рождества,
или кусочек вафли, потому что в это воскресенье были гости:
в мимолетную секунду вы ощущаете все кухонные запахи детских лет,
еще раз крепко вцепляетесь в подол материнского передника –
о, печное тепло, материнское тепло – [...] [5, с. 330]

В отличие от инвентарно-бидермейеровского стиля Вайнера в этом стихотворении при всей убогости солдатской кухни дана реалистически яркая картина приготовления оладьев, с конкретным названием ингредиентов. В ней через запахи и вкусовые ощущения героя по-импрессионистски наглядно переданы забытые чувства, связанные с домом, материнским теплом, детством. Конечно, форма стихотворения больше напоминает прозу, чем инвентарный стиль Вайнера или самого Айха в «Инвентаризации».

Приведем еще одно стихотворение Айха, написанное им в плену, чтобы показать отличие стиля «Инвентаризации», которая воспринимается, учитывая ее сходство со стихотворением Вайнера, скорее пародией на последнее, чем стихотворением поэта пейзажной лирики Айха. Стихотворение «16-й лагерь» может дать нам представление о стиле Айха, свойственном его довоенной лирике, сформировавшейся под влиянием пейзажной лирики Оскара Лёрке (*Oscar Loerke*, 1884–1941) и Вилли Лемана (*Willy Lehmann*, 1884–1942).

Вижу прямо перед собою
за колючей проволокой Рейн.
Земляное жилище строю,
палатки не имея своей.

Нет у меня и одеяла,
в Опладене осталась шинель.
Ощушаю, что товарищей не стало,
залезая в узкую щель.

Постелью мне клок люцерны.
Ночью говорю с одним собой.
Смутно шепчутся волны Рейна.
Сиянье звезд над головой.

Люцерна скоро завянет.
Небо стало черней земли.
В шуме Рейна тех слов не станет,
что меня убаюкать могли.

За дождем ничего не увижу,
не спасет земляной кров;
растопчут в дорожную жижу
весеннюю зелень лугов.

Ах, под дождем с грозой
товарищей не найдешь,
рады дружить со мною
только червь земляной и вошь [5, с. 321].

Стихотворение, в отличие от гетероморфных строк и свободного ритма «Рецепта оладьев», написано привычными рифмованными четверостишиями с трехстопным дактилическим размером. Форма стиха, краткость предложений, совпадающих с длиной строк, отсутствие эпитетов напоминают «Инвентаризацию». Но в отличие от «Инвентаризации», в этом стихотворении у пленного солдата нет и самых необходимых вещей (плащ-палатки, шинели, одеяла, карандаша). Здесь чувствуется отчаяние одиночества, но при этом в тексте упоминаются топосы пейзажной поэзии: «зелень лугов», «сиянье звезд над головой», «шептание волн Рейна», чего нет в «Инвентаризации».

Кроме стихотворения Вайнера претекстами «Инвентаризации» можно назвать стихотворения Йозефа Вайнхебера (*Josef Weinheber*, 1892–1945) и Вольфа фон Нибельшютца (*Wolf von Nibelschütz*, 1913–1960), в которых имеет место размышление о системе вещей. Австрийский поэт Й. Вайнхебер, отмеченный премиями при власти нацистов и покончивший жизнь самоубийством в конце войны, был фигурой неоднозначной. Он работал с разно-

образными лирическими формами. Так, в «Хороводе» (*Der Reigen*, 1942) Вайнхебера преобладает список явлений природы (*бабочка, косуля, цветок, звезда, земля, дерево*), хотя их следовало ожидать именно у Айха, сформировавшегося в традиции натурмагической лирики. Общим у обоих является отношение к слову – для обоих это самая святая вещь.

Meine Dinge sind fromm. [...]
Hier ist Falter und Reh.

Мои вещи от бога. [...]
Вот бабочка и косуля.

Hier ist Blume und Stern. [...]
Hier ist heiliges Land. [...]

Вот цветок и звезда. [...]
Вот святая земля. [...]

Denn das Wort ist ein Hort,
und den Tod überwands.

Потому что слово укрытие,
и оно преодолело смерть.

Hier ist Ursprung und Ziel.
Hier ist heiliger Ort,

Вот исток и цель.
Вот святое место.

hier ist Boden und Baum. [...]
Meine Dinge sind fromm. [9, S. 316–317]

Вот земля и дерево. [...]
Мои вещи от бога.

7-строфное стихотворение Вайнхебера «В траве» (*Im Grase*, 1936) своей формой: 3-стопными трохеями, лирическими формулами, повторами и звукописью, совпадением краткого предложения со строкой, а также религиозными ассоциациями – могло быть претекстом «Инвентаризации» Г. Айха.

as ist deine Stille.
Ja, ich hör dich schon.
Salbei und Kamille,
Thymian und Mohn. [9, S. 318]

Это твоя тишина.
Да, уже слышу тебя.
Шалфей и ромашка,
Тимьян и мак.

«Простые вещи: песни солдата» (*Die schlichten Dinge. Lieder eines Soldaten*, 1941) В. фон Нибельшютца. В терцетах Нибельшютца показан внутренний спор в душе музыканта. Он – арфист в традиции Гёте, вынужденный стать солдатом, но песня в его сердце еще живет, а его сын уже рождается солдатом.

Вернемся к стихотворению Айха и рассмотрим несколько его переводов стихотворения, чтобы лучше понять смысл.

«Вот моя шапка, / А это – шинель. / Прибор для бритья / В холщевом мешочке. // Консервная банка – / Стакан и тарелка. / Я имя мое / Нацарапал на жести. // Нацарапал вот этой / Драгоценной иголкой, / Которую прячу / От завистливых глаз. // В сумке для хлеба / Шерстяные носки / И еще кое-что, / А что – не скажу. // По ночам эта сумка / Мне служит подушкой, / А клеенку стелю я / Между землею и мной. // Больше всего / Я люблю карандаш: / Днем он пишет стихи, / Что я ночью придумал. // Вот мой блокнот. / Вот мои нитки. / Вот мой плащ-палатка. / Вот мое полотенце» [6, с. 46].

В переводе И. Фрадкина хотелось бы обратить внимание на две вещи: Айх имеет в виду не иголку (*die Nadel*), а гвоздь (*der Nagel*). Понятно, что иголка возникает по ассоциации с нитками, которые упоминаются в последней строфе. Но со словом «гвоздь» связаны такие смыслы, как: *einen Nagel im Kopfe haben* (*быть гордым*), *die Uniform an den Nagel hängen* (*оставить военную службу*), *ans Kreuz nageln* (*распять на кресте*), *Nagelmale* (*стигмы распятого Христа*). Вторая поправка касается слова *die Papper* – это не «клеенка», а «картон», «папка», «обложка книги».

Существует также перевод В.В. Бибихина:

«Это моя фуражка, / это моя шинель, / здесь в полотняном футляре/ мой станок для бритья. // Консервная банка: / моя тарелка, мой бокал, / на луженой жести / я нацарапал имя. // Нацарапал вот этим / драгоценным гвоздем, / который я прячу / от завистливых глаз. // В сумке для хлеба / пара шерстяных носков / и кое-что, мною / никому не показываемое. // Все вместе мне ночью служит / подушкой голове. / Здесь лежит картон / между мной и землею. // Графит от карандаша – / самое мое любимое; / днем он мне пишет стихи, / придуманные ночью. // Это моя записная книжка, / это моя плащ-палатка, / это мое полотенце, / это мои нитки» [5, с. 320–321].

В этом переводе появились и «гвоздь», и «картон», но выбивающимися из лаконичного стиля Айха стали два причастия: «не показываемое» и «придуманные», а также несколько неуклюжее звучащее «Все вместе мне ночью служит / подушкой голове» – два дополнения в дательном падеже излишни.

В феврале 2020 г. Юрий Лифшиц сделал еще один перевод «Инвентаризации»:

«Вот моя фуражка, / вот моя шинель, / вот моя бритва / в сумочной тряпице. // Консервная банка: / вот моя кружка и миска, / на жести имя мое / я нацарапал. // Нацарапал моим / бесценным гвоздем, / от глаз завидующих / я прячу его. // В моем подсумке пара / носков шерстяных / и что-то, о чем / не скажу никому, // и это подушкой / мне служит ночами, / картон мой – граница / меж мной и землей. // Нужней всего грифель: / днем он кропает / стихи, что ночами / я составляю. // Вот мой блокнот, / вот мой дождевик, / вот мой утиральник, / вот моя дратва» [7].

В этом переводе, приближенном к «солдатскому» языку, много слов, далеких от литературного стиля Айха: *тряпица, кружка, миска, подсумок, утиральник, дратва*. Но особенно серьезные возражения вызывает слово «кропает» вместо «пишет». Тем самым Лифшиц в большей степени характеризует солдата, чем поэт Айха. Он не учитывает смыслы, которые заложены, на первый взгляд, в простых словах стихотворения, созвучных другим, не менее важным словам для немецкой поэзии: Mine (*графитный стержень карандаша; мина*) – Minne (*любовь*), Mütze (*шутовской колпак*) – Mützer (*землеройка*). Большие сомнения вызывает использование слова «дратва», вытесняющего слово «нитки» в конце стихотворения, поскольку в немецком языке со словом «нитки» образованы такие идиоматические выражения, как: *er hat Zwirn* (*он на выдумку горазд, у него много идей*).

Возвращаясь от переводов к собственно тексту Айха, следует констатировать, что поэт уловил дух послевоенной литературы, которая в период разрухи после поражения должна была помочь возвращающимся с войны солдатам обрести опору в жизни, чтобы начать жить сначала. Не случайно Й. Фогт сравнивает «Инвентаризацию» Айха с «Фугой смерти» Пауля Целана и определяет его не только как стихотворение «после Освенцима» (Теодор Адорно), но и как стихотворение «после Сталинграда» [16, S. 87]. Тем, кто потерял в войну почти все и возвращался в материальную и духовную пустоту, хотелось остановить свой взгляд на простых предметах, которые необходимы каждому человеку. Поэтому сухое перечисление основных вещей ежедневного обихода было тем, что могло обеспечить изначальное скудное существование, а

также обретение индивидуальности. Это проявляется в определениях, содержащих оценку: «драгоценная иголка», которой владеет лирический герой, царапая свое имя на банке, и «завистливые глаза» людей, которым процесс самоидентификации еще только предстоит.

Стихотворение Айха, описывающее инвентарь солдата, вернувшегося с фронта (шапка, шинель, чашка, кружка и т.д.), может служить примером тайного использования алфавита². Это чрезвычайно просто написанное стихотворение содержит в основном существительные (25 по количеству букв алфавита), называющие вещи на 15 букв алфавита. Таким образом, если следовать мысли об алфавите как картине мира, то в этом стихотворении показывается как бы половина мира, а вторая половина оказывается утраченной в войну и в плену.

Особое место в «Инвентаризации» Айха занимают слова, имеющие отношение к процессу письма. Лирическим героем выделяется «карандашный графитный стержень», но это слово имеет также значение «мина», что в послевоенной ситуации немало важно, сложное слово, усиливающее словосочетание «драгоценная иголка». Иголка позволяет пометить личные вещи, которые перечисляются в начале стихотворения; карандаш позволяет не только выразить свои мысли и чувства, служащие для общей ориентации героя в окружающем мире, но и записать стихи, придуманные ночью (поэтому и слово «записная книжка» стоит в последней строфе на первом месте). Отдельные, перекликающиеся между собой слова первой и последней строф, образующие раму стихотворения, имеют расширительное значение: слово «нитки» может содержать упоминание о писательской работе, так как ткачество

---

² Алфавит в 119-м псалме Библии под названием «Золотой алфавит» понимается как некая целостность, отражение мира в принятом порядке божественного творения. Переводя этот тезис на язык поэзии, предположим, что алфавит представляет собой некий способ организации, упорядочивания материала, установления порядка художником в соответствии со своим мировоззрением в рамках божественного творения, а в нериторическую эпоху – и выходя за эти рамки. Использование алфавита как модели божественного мироустройства отражало движение от целостного восприятия миропорядка, по которому строилось общество в риторические эпохи, до диффузного его изображения, которому соответствуют элементы разного рода усечения алфавита в новую эпоху.

всегда связывалось с поэтическим трудом (Meister Zwirn – пре-небр. «портной»), так и нити Ариадны, которая помогла Тезею выбраться из лабиринта.

Творчество Айха, представителя герметической поэзии, широко использующего мифологические мотивы и библейскую метафорику, которая угадывается и в этом стихотворении, допускает метафорическое толкование анализируемого стихотворения. Предположение, что разбитое на краткие строки 28-строчное стихотворение может быть прочитано как 14-строчный сонет, подтверждает факт герметичности его формы и содержания. Г. Дрюг видит в стихотворении парадигму сапфической оды [11, S. 354], Й. Ценке считает его эквивалентом нибелунговой строфы (эпического четырехстишия с использованием аллитерационного стиха, которым написана средневековая «Песнь о Нибелунгах») [16, S. 99], Й. Фогт определяет его жанр как «крипто-сонет» [16, S. 101]. Айх, перу которого принадлежит не один сонет, создал простое и непритязательное стихотворение, отличающееся герметичностью художественной формы, что обеспечило ему продолжительную жизнь. Не случайно «Инвентаризация» Айха, в свою очередь, послужила претекстом для стихотворений многих других авторов (Ханц Магнус Энценсбергер, Роберт Гернхардт и др.).

Продолжая наши наблюдения, связанные с предполагаемым знакомством Айха с традициями французского сюрреализма, заметим, что Айх мог знать и стихотворение Жака Превера «Инвентаризация», потому что многие из стихотворений французского поэта печатались в журналах. В одноименном стихотворении Превера Айха могло привлечь отсутствие лирической исповедальности (не случайно последующие сборники Превера называются «Всякая всячина» (1966), «Вещи и прочее» (1972). В 1970-е годы в Германии тенденция к описанию повседневности в поэзии нашла свое выражение в «новой субъективности», которая уходит корнями в предвоенную поэзию «новой деловитости». «Заостряя эту черту, некоторые французские критики утверждали, что Превер ввел в поэзию местоимение “он” вместо “я” и занял позицию наблюдателя – ироничного, проницательного, сопрягающего разноречивые факты не для того, чтобы выразить свои ощущения, а просто чтобы “отстраненно” показать: вот что происходит с вами» [4, с. 310].

Сходная позиция просматривается и в стихотворении «Инвентарь» Маши Калеко (1907–1975), где нет героя, а есть только вещи и явления во взаимосвязи с этими вещами, что не мешает автору создать потрясающую по проникновенности картину жизни эмигранта [1].

Айх, в отличие от Превера и Калеко, с одной стороны, продолжает жанр криптограммного сонета, подключаясь к классической жанровой традиции, с другой стороны, он, как и Калеко, использует скупые средства, характерные как для поэзии «новой деловитости», так и для других экспериментальных направлений – дадаизма, сюрреализма и конкретной поэзии. Для поэзии Превера в целом и для «Инвентаризации» в частности (так же, как для Айха и Калеко) характерно широкое использование анафоры, аллитерации, ассонанса вместо отсутствующих рифм. Строки начинаются с одного и того же слова, меняется лишь их финал, и с каждой новой единицей нарастает сила гиперболы. Повтор особенно характерен для жанра «инвентаризации». Он играет роль своеобразного поэтического рефрена, проигрывая исходный мотив как бы в ином регистре, усиливая его звучание, обнажая внутренний драматизм и поднимая отдельный предмет, случай или ситуацию до уровня обобщения.

Проанализированные выше стихотворения, при определенном сходстве, которое им обеспечивает принадлежность к одному жанру, являются уникальными также и в творчестве каждого из поэтов. Стихотворения написаны в «пограничной ситуации», когда их авторы искали новые способы выражения, новый, лаконичный язык, завуалированно опираясь на существующие поэтические формы. Таким образом, объединяющей их чертой, помимо дескриптивности, явилось своеобразное выражение отношения каждого из авторов к слову, к поэтическому ремеслу, что относит все анализируемые стихотворения к жанру поэтологического стихотворения [2]. Особое место среди проанализированных стихотворений занимает «Инвентаризация» Айха, по праву названная Й. Фогтом «эпохальным стихотворением» [16, S. 87].

Ряд подражаний, для которых, в свою очередь, «Инвентаризации» Айха является претекстом, открывает стихотворение Герхарда Рюма «Кое-что» (*Einiges*, 1970), написанное в русле «новой субъективности». О том, что стихотворение продолжает традицию

поэтологических стихотворений, посвященных писательскому труду, свидетельствуют такие его образы, как стол, пишущая машинка, ручка, записная книжка, папка, бумага, стихотворение. Таким образом, в нем не только частично цитируются Гюнтер Айх и Эрнст Яндль («den mind öffnen und schließen»), но и прокладывается дорога к поэтологическим инвентаризациям Курта Драверта и Роберта Гернхардта. Уже известный перечислительный ряд дополнен такими предметами, как открытая пачка сигарет, наполовину заполненная бутылка вишневого рома, старая папка (только автор знает, что в ней: а это почти прямая цитата из Айха. – Т. А.). Кроме того, читатель узнает, что автор пишет стихотворение под названием «Февраль», действие происходит в час дня и герой предвкушает обед.

auf dem tisch
 ist ein graues tuch
 darauf ein geöffnetes päckchen mit zigaretten
 glänzendes gelb zerrissenes blau
 daneben eine halbvolle flasche inländer kirschrum
 (österreichisches erzeugnis)
 davor die schreibmaschine mit meinen fingern
 links daneben ein kugelschreiber
 ein notizheft (orangefarben)
 darunter ein weißes blatt papier mit einem gedicht
 titel februar
 daneben (schon am rande des tisches) eine abgenützte mappe
 sie ist geschlossen (aber ich weiß was sie enthält) [...] [9, S. 704]

«на столе / серая скатерть / на ней открытая пачка сигарет / картинка на которой с блестящей желтизной и разорванной голубизной / рядом наполовину пустая бутылка с вишневым ромом / (австрийский продукт) / перед ней пишущая машинка с моими пальцами / рядом слева ручка / записная книжка (оранжевого цвета) / под ней белый лист бумаги со стихом / называется “февраль” / рядом (почти на краю стола) старая папка / она закрыта (но я знаю, что в ней)».

Стихотворение Рюма написано без знаков препинания, без прописных букв, строки разной длины образуют единый текст

без деления на строфы. Самая длинная строка в середине стихотворения делит его на две части. Особенностью текста является наличие четырех комментариев, данных в первой части в скобках. Стихотворение начинается двумя и заканчивается тремя короткими строками, что придает ему рамочную конструкцию. Кроме того, внутри стихотворения находятся высказывания, начинающиеся с красной строки. Тем самым выделяется список вещей, их расположение на столе (*на нем, рядом, перед бутылкой, под книжкой*). Таким образом, в стихотворении цитируется и «длинное стихотворение» поэтов «новой субъективности» и уже упоминавшиеся приметы «конкретной поэзии», представителем которой автор в свое время был, а также герметической поэзии Айха (см.: [3, с. 170–171]).

Стихотворение Курта Драверта «Вторая инвентаризация» (1986) с посвящением в эпиграфе Г. Айху также относится к ряду стихотворений, инспирированных «Инвентаризацией» последнего. Как и в стихотворении Рюма, описание начинается со стола.

Ein Tisch.
Ein Stuhl.
Ein Karton für altes Papier, Abfälle,
leere Zigarettenschachteln, Briefe,
die keiner Antwort bedürfen.
3 Meter entfernt: Ein Schrank.
Ein Tisch.
Ein Stuhl.
Ein Karton
für Notizen, Belege, Rechnungen.
Das Bett. [...]
Zerknüllte Seiten, begonnene und verlorene
Sätze, die Schreibschine. [9, S. 712]

«Стол. / Стул. / Коробка для ненужных бумаг, мусора, / пустых сигаретных пачек, писем, / на которые не нужно отвечать. / 3 метра далее: шкаф. / Стол. / Стул. / Коробка / для записок, бумаг, счетов. / Кровать [...]. / Скомканные страницы, начатые и потертые / предложения, пишущая машинка».

В стихотворении дается описание комнаты с помощью свободного расположения слов на странице, словно отражающих размещение предметов в комнате. Вместе с тем конфигурация первой половины стиха напоминает барочную форму сонета с выдвижением определенных строк в строфах. Во второй половине стихотворения, состоящей из равномерных строф (из 4–6 строк) есть квазицитаты из других стихотворений Айха: «Das ist mein Zimmer»; «Das ist mein Vorteil» [9, S. 712]. Описывается комната, являющаяся одновременно рабочим кабинетом писателя. Все, что в ней находится – столы, стулья, подоконник, коробки, чемодан, пол, – служит для размещения книг и рукописей. Только одному хозяину известно, где что лежит, он движется среди знакомых ему предметов, но у него, как и у Айха, есть и опыт их утраты (см.: [3, с. 171–172]).

Стихотворение Роберта Гернхардта, написанное через 10 лет после Драверта, «Инвентаризация 1996, или я показываю Айху свое царство», создано в наши дни и является литературной пародией на криптосонет Айха.

Но «Инвентаризация 1996...» Гернхардта – такая пародия, которая совсем не иронизирует по поводу содержания или формы оригинала. В то время как стихотворения-инвентаризации Айха и Калеко порождены войной, лирика Рюма, Драверта, Гернхардта связана с мирным настоящим. В стихотворении Гернхардта – другое время, другие вещи, но при этом форма пародируемого стихотворения Айха передана почти без изменений. Скорее, Гернхардт слегка иронизирует по поводу новой ситуации, когда поэт связан с новыми технологиями и карандаш и записную книжку заменили компьютер, принтер, телефон с автоответчиком и другие новые средства коммуникации (см.: [3, с. 173–174]).

Dies ist mein Schreibtisch,
dies ist mein Drehstuhl,
hier mein Computer,
darunter der Drucker.

Telefonanlage:
Mein Hörer, mein Sprecher.

After the beep
you can leave the message.

Sie können die Nachricht
natürlich auch faxen.
Ich ruf sie so bald wie
möglich zurück.

Im Hängeschränk sind
die Korrespondenzen
und einiges, was ich
niemand verrate,

sonst kostet dies Wissen
noch mal meinen Kopf.
Der Kelim hier liegt
zwischen mir und den Dielen.

Das Kopiergerät dort
ist mir am liebsten:
Tags kopiert er die Texte,
die ich nachts getippt.

Dies ist mein Notizbuch,
dies sind meine Tagebücher,
dies ist meine Bibliothek,
dies ist mein Reich [13, S. 89].

«Это мой письменный стол, / это вращающееся кресло, /
здесь компьютер, / под ним – принтер. // Телефон с автоответчи-
ком: / Запись, ответ: / “После гудка / Вы можете оставить свое со-
общение”. / Вы можете, конечно, / послать сообщение и факсом. /
Я перезвоню Вам сразу, / как только смогу. // В подвесном шкаф-
чике – / корреспонденция / и нечто, о чем я / никому не скажу, //
иначе это снова / может стоять мне головы. / Коврик лежит / между
мной и полом. // Тот копировальный аппарат / я люблю больше
всего: / днем я копирую на нем тексты, / которые ночью набираю

на клавиатуре. // Это моя записная книжка, / это – дневники, / это моя библиотека, / это мое царство».

В стихотворении все упоминаемые предметы связаны с деятельностью писателя. Они более удобные и комфортные, чем во времена Айха, но и здесь есть некие тайные вещи, о которых автор лишь кратко упоминает: приватная корреспонденция и записная книжка, дневники и библиотека – необходимые составляющие труда писателя.

«Уединенный дом» из книги «Шрифт для слепых» (1964) Ханца Магнуса Энценсбергера – самый первый отклик на «Инвентаризацию» Г. Айха, что подтверждается посвящением ему в эпиграфе. Айх, как и Энценсбергер, входил в «Группу 47». В стихотворении Энценсбергер описал свой дом в Норвегии, в котором он чувствовал себя достаточно удаленным от социальной турбулентности Европы 1960-х годов. Но, подобно тому как Айх в американском лагере для военнопленных, где была написана «Инвентаризация», проводит инвентаризацию вещей и мыслей немецкого солдата сразу после войны, так и Энценсбергер в период Карибского кризиса размышляет о возможности существования после атомной войны.

когда я просыпаюсь
мой дом молчит.
только птицы щебечут.
я выглядываю из окна
никого. здесь

не тянутся мимо дороги.
не протянута проволока в небе
и нет проволоки в земле.
спокойно лежит все живое
под лезвием топора.

я ставлю воду
я нарезаю хлеб.
с нетерпением нажимаю
красную кнопку
маленького транзистора

«карибский кризис...стирает белее
и белее и белее...
готовность № 1... третья степень...
that's the way I love you...
ценные бумаги снова в цене...»

я не берусь за топор.
я не разбиваю прибор на куски.
зловещие голоса
успокаивают меня, я слышу:
мы все еще живы.

мой дом молчит.
я не знаю, как ставят ловушки
и как делать топор из кремня,
когда последнее лезвие
ржавчина съест [8, с. 24].

Молчание дома свидетельствует не об идиллии жизни в удаленном месте, а о напряженности ожидания мирного разрешения кризиса («спокойно лежит все живое / под лезвием топора»). Политические новости из транзистора перемежаются рекламой стирального порошка и новостями с биржи. Лирический герой плохо представляет себе перспективу жизни в качестве Робинзона во второй половине XX в. («я не знаю, как ставят ловушки / и как делать топор из кремня»). Мотив робинзонады как вынужденного одиночества героя, отторгнутого обществом, найдет отклик в немецкой поэзии того времени (Карл Кролов, Кирш Райниг и др.).

Отличие инвентаризации Энценсбергера от инвентаризации Айха состоит в том, что у Айха герой перечисляет свой инвентарь, готовясь к миру. Герой Энценсбергера при всей видимости мира (молчание дома) в послевоенной Европе ощущает себя накануне потенциальной войны. Его инвентарь сведен к минимуму (дом с окном, за которым щебечут птицы; вода на плите, хлеб, транзистор, топор). Он перечисляет и то, чего нет (нет людей снаружи, нет дорог, нет проволоки, нет ловушек на птиц или зверя, но нет и ярости: «я не берусь за топор»), остается лишь напряженное ожидание исхода кризиса.

«Плач по яблоку» (1964), который Энценсбергер определяет как «элегию» (Nänie), представляет в жанровом отношении собой контаминацию элегии и инвентаризации. Как и «Инвентаризация» Айха, «Плач» апеллирует к довоенному «потерянному раю» и написан в примитивистском стиле стихотворений Вайнера, Айха или Маши Калеко.

здесь было яблоко
здесь стоял стол
здесь был дом
здесь был город
здесь лежала страна.

это яблоко там
это наша земля
прекрасная планета
на которой росли яблоки
и едоки яблок [8, с. 33].

В стихотворении используется принцип восходящей градации (яблоко, стол, дом, город, страна, земля, планета). Но прошедшее время указывает на ситуацию после «изгнания из рая», под которым понимается сад («прекрасная планета»), где жили в своих домах и странах на планете Земля люди, которые по неуказанной причине (катастрофа или война) его утратили.

«Что является моралью лирики Энценсбергера? Она называется “счастьем”. А что есть у него идея? Она называется “утопией”» [15, S. 18], – считает Г.Е. Хольтхузен. При склонности Энценсбергера к утопическим картинам, он поэт, который после войны одним из первых вернул политику как тему в поэзию. И определение «яростный молодой человек» (zorniger junger Mann [15, S. 18]), которое он получил незамедлительно, сразу же после выхода первого сборника стихов, относится в первую очередь к его гражданской позиции, к его отношению к общественным и политическим проблемам своего времени. А это, прежде всего, ядерная угроза, о которой он предупреждает в своих стихотворениях.

«Инвентаризация» Айха остается хрестоматийным стихотворением не только потому, что задела чувствительную струну

своего времени, но и потому, что выразила важные проблемы для поэта любой эпохи. Поэтому так важно было найти те претексты (Вайнер, Вайнхебер, Нибельшютц, Маша Калеко), которые были переосмыслены и переработаны поэтом для создания этого произведения. Кроме того, Айх нашел такие метапоэтические средства, которые были использованы поэтами последующих поколений (Рюм, Драверт, Гернхардт, Энценсбергер), откликнувшихся на стихотворение Айха, проводя вторичную, или метаинвентаризацию своих поэтических средств.

Список литературы

1. *Андреюшкина Т.Н.* Стихотворение-инвентаризация в поэзии Ж.Превера, М. Калеко, Г. Айха и Р. Гернхардта: сопоставительный анализ // Вестник Пермского университета. 2014. № 3. С. 154–160.
2. *Андреюшкина Т.Н.* Стихотворение-инвентаризация как поэтологический каталог // Миргород. 2019. № 2(14). С. 61–77.
3. *Андреюшкина Т.Н.* Стихотворение-каталог в немецкоязычной поэзии XX века. М.: Инфра-М, 2022. 225 с.
4. *Балашова Т.В.* Французская поэзия XX века. М.: Наука, 1982. 410 с.
5. *Бёль Г.* Франкфуртские лекции // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р.А. Гальцева. М.: Политиздат, 1991. С. 310–335.
6. История литературы ФРГ / отв. ред. И.М. Фрадкин. М.: Наука, 1980. 687 с.
7. *Лившиц Ю.* «Инвентаризация» Г. Айха. URL: <https://poezia.ru/works/150998> (дата обращения: 12.07.2023).
8. *Энценсбергер Х.М.* Головоломка: стихотворения и проза / пер. с нем. В. Куприянова. М.: ОГИ, 2019. 192 с.
9. *Deutsche Gedichte* / hrsg. von B. Wiese. Berlin, 1993. 799 S.
10. *Deutsche Lyrik: in 10 Bdn* / hrsg. von W. Killy. München: DTV, 2001. Bd. 9. 504 S.
11. *Drügh H.* Ästhetik der Beschreibung. Poetische und kulturelle Energie deskriptiver Texte (1700–2000). Tübingen: Francke, 2007. 354 S.
12. *Eich G.* Gesammelte Werke. Frankfurt a. M., 1991. Bd. 1. 240 S.
13. *Gernhardt R.* Reim und Zeit. Gedichte. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. 175 S.
14. *Jüngste tschechische Lyrik: Eine Anthologie* / hrsg. von Franz Pfemfert. Berlin-Wilmersdorf: Verlag der Wochenschrift Die Aktion, 1916. 120 S.

15. Über H.M. Enzensberger / hrsg. von J. Schickel. 3. Aufl. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973. 306 S.
16. *Vogt J.* Erinnerung, Schuld und Neubeginn. Weltkrieg und Holocaust. Oxford: Lang, 2014. 765 S.

References

1. Andreyushkina, T.N. "Stikhotvorenie-inventarizatsiya v poehsii J. Prevera, M. Kaleko, G. Aikcha i R. Gernhardta: sopostavitelnyi analiz" ["Inventory-poem in the Poetry of J. Prever, M. Kaleko, G. Eich and R. Gernhardt: A Comparative Analysis"]. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3, 2014, pp. 154–160. (In Russ.)
2. Andreyushkina, T.N. "Stikhotvorenie-inventarizatsiya kak poetologicheskii katalog" ["Inventory-poem as a Poetological Catalog"]. *Mirgorod*, no. 2(14), 2019, pp. 61–77. (In Russ.)
3. Andreyushkina, T.N. *Stikhotvorenie-katalog v nemetskoyazychnoi poehzii XX veka* [*Poem-catalog in the German Poetry of the 20th Century*]. Moscow, Infra-M Publ., 2022, 225 p. (In Russ.)
4. Balashova, T.V. *Frantsuzskaya poehziya XX veka* [*French Poetry of the 20th Century*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 410 p. (In Russ.)
5. Böll, H. "Frankfurtskie lektzii" ["Frankfurt Lectures"]. *Samosoznanie evropeiskoi kultury XX veka. Mysliteli i pisateli Zapada o meste kultury v sovremennom obshchestve* [*Self-consciousness of European Culture of the 20th Century. Thinkers and Writers of the West about the Place of Culture in Modern World*], comp. R.A. Gal'tseva. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 310–335. (In Russ.)
6. *Istoriya literatury FRG* [*Literary History of FRG*], ed. I.M. Fradkin. Moscow, Nauka Publ., 1980, 687 p. (In Russ.)
7. Livshiz, Yu. "Inventarizatsiya G. Aicha" ["Inventory of G. Eich"]. Available at: <https://poezia.ru/works/150998> (date of access: 12.07.2023). (In Russ.)
8. Enzensberger, H.M. *Golovolomka: stikhotvoreniya i proza* [*Puzzle: Poems and prose*], transl. V. Kupriyanov. Moscow, Press Publ., 2019, 192 p. (In Russ.)
9. *Deutsche Gedichte*, hrsg. von B. Wiese. Berlin, 1993, 799 S. (In German)
10. *Deutsche Lyrik*: in 10 Bdn, hrsg. von W. Killy. München, DTV, 2001, Bd. 9, 504 S. (In German)
11. Drügh, H. *Ästhetik der Beschreibung. Poetische und kulturelle Energie deskriptiver Texte (1700–2000)*. Tübingen, Francke, 2007, 354 S. (In German)
12. Eich, G. *Gesammelte Werke*. Frankfurt a. M., 1991, Bd. 1, 240 S. (In German)

13. Gernhardt, R. *Reim und Zeit. Gedichte*. Stuttgart, Philipp Reclam jun., 2005, 175 S. (In German)
14. *Jüngste tschechische Lyrik*: Eine Anthologie, hrsg. von Franz Pfemfert. Berlin-Wilmersdorf, Verlag der Wochenschrift Die Aktion, 1916, 120 S. (In German)
15. *Über H.M. Enzensberger*, hrsg. von J. Schickel. 3. Aufl. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1973, 306 S. (In German)
16. Vogt, J. *Erinnerung, Schuld und Neubeginn. Weltkrieg und Holocaust*. Oxford, Lang, 2014, 765 S. (In German)

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.05

А.В. Кизим

© Кизим А.В., 2023

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ПРИЗЫВЫ К КНЯЗЬЯМ-СОВРЕМЕННОКАМ

Аннотация. В статье доказывается обоснованность гипотезы Н.С. Демковой, что «Слово о полку Игоре» было написано в 1194–1196 гг. Уточняется, что, скорее всего, памятник был написан весной 1196 г. Анализируются призывы, которые есть в памятнике, и предпринимается попытка понять, когда они были актуальны. Доказывается, что призыв к князьям отомстить за разгром Игоря и защитить Русскую землю от хана Кончака и других половцев принадлежит не Автору, а герою произведения. Из этого следует, что этот призыв был актуален во время событий, описанных в произведении, а не во время его создания. При этом, судя по всему, главная цель Автора – убедить русских князей прекратить воевать друг с другом. А это было особенно актуально весной 1196 г., когда после нескольких лет относительного мира на Руси началась новая междоусобица, в которой приняли участие почти все княжества Древней Руси. Вероятно, Автор, создавая свое произведение, пытался эту войну остановить. Приводятся цитаты из памятника, которые могут свидетельствовать о том, что он был создан весной 1196 г.

Ключевые слова: «Слово о полку Игоре»; интерпретация; датировка; авторская позиция; идея произведения.

Получено: 03.08.2023

Принято к печати: 01.09.2023

Информация об авторе: Кизим Антон Викторович, учитель истории, Университет Синергия, Ленинградский проспект, 80 Г, 127015, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-7720-8995>

E-mail: alex-komnin@yandex.ru

Для цитирования: Кизим А.В. К вопросу о датировке «Слова о полку Игореве»: призывы к князьям-современникам // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 78–94. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.05

Anton V. Kizim
© Kizim A.V., 2023

ON THE QUESTION OF THE DATING OF *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN*: CALLS TO CONTEMPORARY PRINCES

Abstract. The article proves the validity of the hypothesis of N.S. Demkova that *The Tale of Igor's Campaign* was written in 1194–1196. It is specified that, most likely, the monument was written in the spring of 1196. The appeals in the monument are analyzed, and an attempt is made to understand when they were relevant. It is proved that the call to the princes to avenge the defeat of Igor and to protect the Russian land from Khan Konchak and other Polovtsians does not belong to the Author, but to the hero of the work. It follows that the call was relevant during the events described in the work, and not at the time of its creation. At the same time, apparently, the main goal of the Author was to convince the Russian princes to stop fighting with each other. This was especially true in the spring of 1196, when after several years of relative peace in Rus' a new civil strife began, in which almost all the principalities of Ancient Rus' took part. Probably, the Author, creating his work, tried to stop this war. Quotes from the monument are given, which may indicate that it was created in the spring of 1196.

Keywords: *The Tale of Igor's Campaign*; interpretation; dating; author's position; idea of work.

Received: 03.08.2023

Accepted: 01.09.2023

Information about the author: Anton V. Kizim, Teacher of History, Synergy University, Leningradsky Avenue, 80 G, 127015, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-7720-8995>

E-mail: alex-komnin@yandex.ru

For citation: Kizim, A.V. "On the Question of the Dating of *The Tale of Igor's Campaign*: Calls to Contemporary Princes". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 78–94. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.05

С тех пор как в 1800 г. было опубликовано «Слово о полку Игореве», повествовавшее про неудачный поход русского князя Игоря Святославича 1185 г., не утихают споры о времени создания этого произведения (см.: [7]). Назывался и 1185 год, и время нака-

нуне издания, т.е. конец XVIII в. А.А. Зализняк, доказывая, что «Слово...» не могло быть написано в конце XVIII в., все-таки делал оговорку, что маленькая вероятность такой датировки существует [8, с. 445]. Можно сказать, никакая версия не может быть стопроцентно опровергнута или доказана. Исследователи могут только констатировать, какая из них наиболее вероятна.

В своей статье А.А. Горский дает широкую датировку написания «Слова...»: 1188–1196 г. [3, с. 35]. Для ранней границы приводится следующее обоснование. В 1188 г. вернулся на Русь сын Игоря – Владимир, который женился на дочери хана Кончака. Можно увидеть намек на это событие в диалоге Гзака и Кончака. «Рече Кончак ко Гзѣ: “Аже соколь къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивичею”. И рече Гзакъ къ Кончакови: “Аще его опутаевѣ красною дивичею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнут наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ”» [16, с. 266]. Следовательно, «Слово...» не могло быть написано ранее того, как Владимир вернулся. А поздняя граница обосновывается тем, что в 1196 г. умер брат Игоря буй-тур Всеволод, которому в конце произведения поется здравица. «Слава Игорю Святъславличю, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравии, князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плъки!» [там же]. Значит, «Слово...» не могло быть написано позже смерти Всеволода. Так определяются наиболее вероятная верхняя и нижняя граница создания памятника. При этом сам А.А. Горский считает наиболее вероятной самую раннюю из возможных датировок, т.е. 1188 г. (см.: [3, с. 37]). А вот Н.С. Демкова считала, что «Слово...» было написано в 1195–1196 гг. (см.: [5, с. 74–75]). Мне показалась наиболее убедительной версия Н.С. Демковой. В своей работе 2022 г. я показываю, почему считаю наиболее вероятной версию, что «Слово...» было написано в 1196 г. [10].

В 2022 г. вышла статья А.М. Ранчина, которая посвящена этому вопросу [14]. В ней он критикует версию Н.С. Демковой и отстаивает более раннюю датировку, т.е. доказывает, что «Слово...» было написано в 1188 г. Поскольку в данной статье критикуется и моя работа, я решил ответить.

А.М. Ранчин сосредоточивается на проблемах, которые являются решающими для ответа на вопрос, когда, скорее всего, было написано «Слово...». И главная из них, пожалуй, следующая: когда

были наиболее актуальны призывы Автора? То есть, поняв, когда было особенно важно призывать к тому, к чему призывает Автор, мы поймем, когда, скорее всего, было написано «Слово...».

А.М. Ранчин обращает внимание на призывы: «Постоять за раны Игоревы» и «закрыть Полю ворота» (см.: [3, с. 37]) – и доказывает, что эти призывы были актуальны вскоре после описанных событий, а чем больше проходило времени, тем менее актуальны становились эти призывы (см.: [14, с. 76–77]). И спорить с этим тезисом трудно. Но дело в том, что в «Слове...» есть разные призывы. И кроме призыва: «Вступита, господина, въ злата стремена» [16, с. 262]¹, там есть призыв: «Уже понизите стяжи свои, вонзите свои мечи верезени» [16, с. 264]². Можно сказать, эти призывы противоположны. Дело в том, что Автор говорит не только о проблеме борьбы с половцами, но и о проблеме междоусобиц. И вот на проблему междоусобиц как раз и обращается особое внимание в работах Н.С. Демковой и в моей статье.

Эта проблема стала актуальна как раз в 1195–1196 гг., вскоре после смерти Святослава Всеволодовича Киевского в 1194 г. Многим кажется, что в Древней Руси со времен Ярослава Мудрого (или Владимира Мономаха) и вплоть до монгольского нашествия все время происходили усобицы. На самом деле, это время можно разделить на разные периоды. В правление Святослава (1181–1194) была как раз относительная стабильность, когда конфликты между князьями, как правило, решались мирно. Воевали князья в основном с соседями, например с половцами.

А вот после смерти Святослава началась борьба за сферы влияния, и тогда стало актуально говорить «рекоста бо брать брату: “Се мое, а то мое же”. И начяша князи про малое “се великое” мльвити» [16, с. 258]. На это и указывает Н.С. Демкова. В качестве примера она приводит случай, когда ставший киевским князем Рюрик Ростиславич поссорился и Романом Волынским и Всеволодом Юрьевичем Владимирским (см.: [6, с. 47]). Упоминая этот пример, А.М. Ранчин отмечает, что такие случаи были постоянными (см.: [14, с. 71]), но других примеров не приводит. В его

---

¹ «Вступите же, господа, в золотые стремена» (здесь и далее перевод мой. – А. К.).

² «Не вздымайте более стяги свои, вложите в ножны мечи свои затупившиеся».

интерпретации неясно, какой случай имел в виду Автор. При этом у Автора говорится именно о начавшемся новом периоде: «Уже бо, братие, не веселая година вѣстала... Усобица княземъ на поганяя погыбе» [16, с. 258]. Здесь речь идет о том печальном времени, когда борьба с язычниками прекратилась и начались конфликты между князьями. И Н.С. Демкова указывает, что очередной период усобиц начался после смерти Святослава (см.: [6, с. 48]). И если «Слово...» написано в 1196 г., то эта проблема была очень актуальна.

Особого внимания заслуживает другой конфликт, также упомянутый в статье А.М. Ранчина. Рюрик Ростиславич обещал Ярославу Черниговскому Витебск, но не согласовал свои действия с братом Давыдом Смоленским. Это привело к началу войны, в которой приняли участие почти все княжества (Черниговское, Киевское, Смоленское, Полоцкое, Владимиро-Суздальское, Рязанское, Волынское и Галицкое) (см.: [18, с. 555–556]). Нас же особенно интересует начальный период этого противостояния, а именно весна 1196 г. Тогда в Смоленское княжество с одной стороны вторглись войска, посланные главой Ольговичей Ярославом Черниговским, а с другой – войска полоцких князей, которые были союзниками Ольговичей. Давыд Смоленский был вынужден обороняться от вторжения с двух сторон, пока ему не оказал помощь брат Рюрик Киевский. Именно в это время было актуально призывать князей «опустить стяги». Таких крупных конфликтов не было с 1181 г. (когда закончилась очередная усобица и началось тринадцатилетнее княжение Святослава). А позже «Слово...» не могло быть написано, так как в мае умер брат Игоря Всеволод³.

И весной 1196 г. складывается ситуация, которая могла вызвать следующий отрывок про братьев Ростиславичей: «Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы, нѣ розно ся им хоботы пашутъ» [16, с. 264]. По версии Н.С. Демковой, «старому Владимиру», княжившему в Киеве, противопоставляются новые

---

³ Гипотетически Автор мог написать «Слово...» и после смерти Всеволода Святославича, если не знал о ней. Но это может быть лишь небольшой промежуток времени. «Слово...» могло быть написано, вероятно, летом 1196 г., но осенью уже вряд ли.

правители Киева – братья Ростиславичи (см.: [4, с. 170–171])⁴. И во время их правления произошел упомянутый выше конфликт с Ольговичами. При этом братья почти весь 1196 г. никак не могли согласовать действия. В начале 1196 г. Рюрик заключил отдельный мир с Ярославом Черниговским и, как уже говорилось, обещал ему Витебск. Но он не согласовал позицию с Давыдом, и, когда племянник Ярослава пошел к Витебску, начались боевые действия. Рюрик на помощь не приходил, оставаясь в Киеве, а Давыд сидел в Смоленске. Боевые действия вел их племянник, который попал в плен. Лишь тогда, когда Ярослав лично направился в Смоленское княжество с подкреплением (до этого черниговскими войсками командовал его племянник) и возникла реальная угроза взятия Смоленска, Рюрик начал действовать и заставил Ярослава отступить в Черниговскую землю, где в дальнейшем продолжилась война. Но и потом Ростиславичи не смогли согласовать действия и стали воевать порознь (летом на Черниговскую землю напал один Рюрик, осенью – Давыд). Я полагаю, что именно эта несогласованность и стала причиной для причитания Автора, который, скорее всего, написал труд весной, когда боевые действия шли в Смоленской земле, а буй-тур Всеволод был еще жив.

Однако традиционно считается, что здесь речь идет об эпизоде 1185 г., когда Давыд Смоленский со своей дружиной стоял у Треполя и не пришел на помощь к брату Рюрику и Святославу Киевскому, которые ждали его, чтобы пойти в Переяславльскую землю бороться с Кончаком: «Святослав же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ противу половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со смолняны» [13, стб. 647]. Эту версию приводит и А.М. Ранчин, замечая, что она хорошо ложится в повествование о действиях в 1185 г. (см.: [14, с. 70]). Да, в этом преимущество данной версии. Но и у версии о 1196 г. есть свои плюсы.

Во-первых, как заметила Н.С. Демкова, «старого Владимира» более логично противопоставлять нынешнему киевскому князю, а в 1185 г. он противопоставлялся бы Святославу Киевскому (см.: [4, с. 171]). Во-вторых, в версии 1196 г. проблема выглядит гораздо масштабней. Если в 1185 г. один из князей не принял участие в

---

⁴ Формально, правда, киевским князем был только Рюрик, но Давыд, согласно летописи, ему помогал.

общем походе, то в 1196 г. несогласованность киевского князя и его брата привела к развитию новой усобицы. Причем это произошло после мирного периода, который длился почти 15 лет (с 1181 до 1196 г.). В-третьих, в ситуации 1185 г. очевидно, что ответственность у братьев разная. Если Давыд со своей дружиной подвел тех, кто его ждал, то Рюрика летописец ни в чем не обвиняет. Однако в высказывании разницы в ответственности братьев не видно. А вот в 1196 г. можно говорить о вине обоих князей. И тогда высказывание выглядит более логичным. В-четвертых, в 1196 г. более явно видна проблема взаимоотношений между князьями. Дело в том, что в 1185 г., согласно летописной повести, на помощь Рюрику отказалась идти дружина Давыда: «Мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом, намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ» [13, стб. 647]. Ответственность с Давыда в значительной степени снимается. При этом в 1196 г. об уважительных причинах несогласованности братьев не говорится. Ответственность лежит полностью на них. А ведь Автора явно волнует именно проблема взаимоотношения князей. Ну и, в-пятых, мне кажется, в пользу версии 1196 г. говорит слово «нынѣ». Это единственный раз, когда в «Слове...» используется данное слово. То есть, вероятно, в данном отрывке подразумевается ситуация, которая была на момент написания произведения. Но в версии про 1185 г. говорится о том, что Автор написал позже описанных событий. По версии В.П. Андриановой-Перетц, Автор упомянула отказ Давыда помочь брату, потому что этот случай был еще свежим в памяти (см.: [1, с. 169]). Вместе с тем, в версии про 1196 г. речь идет о настоящем времени. То есть согласно данной версии «Слове...» писалось как раз тогда, когда братья не могли согласовать действия и их «хоботы врозь развивались». И тогда более понятно слово «нынѣ», т.е. «сейчас».

А.М. Рачнин пишет, что сравнивать со «старым Владимиром», который ходил в походы, более логично Давыда, который не пошел на половцев (см.: [14, с. 72]). Но в данном вопросе мы можем только предполагать концепцию Автора. Он вспоминает «старого Владимира», потому что тот ходил в походы или потому, что при нем Русь была единой? Мы не знаем, и оба варианта вполне возможны. И Владимир Мономах, и Владимир Святой запомни-

лись как сильные князья, при которых Русь была едина и при которых совершались походы.

А.М. Ранчин верно заметил, что, в отличие от Н.С. Демковой, я считаю, что Автор в 1196 г. поддерживал противников Ольговичей (см.: [14, с. 72]). Здесь нет смысла повторять все аргументы, многие из которых уже приводил, например, Б.А. Рыбаков (см.: [15, с. 148–152]). Сосредоточимся на основных аргументах, которые свидетельствуют не только о политической позиции Автора, но и о времени написания Слова.

И в первую очередь здесь надо сказать про отношение Автора к родоначальнику Ольговичей и деду Игоря, т.е. к Олегу Святославичу, который благодаря «Слову...» известен под прозвищем Гориславич⁵. Про него Автор говорит: «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше⁶» [16, с. 258], т.е. называет деда Игоря «крамольником». А ярким примером межкняжеских усобиц в «Слове...» является описание битвы на Нежатиной Ниве 1078 г., которую Олег проиграл и которая произошла из-за войны, начатой Олегом. Из былых времен упоминается несколько князей, но крамольником называется только Олег. Более вероятно, что так скорее мог написать противник Ольговичей, чем сторонник. А актуально ругать Олега стало именно в 1196 г., когда шла новая война между Мономашичами и Ольговичами. При Святославе, как уже говорилось, крупных конфликтов не было. Мономашич Рюрик и Ольгович Святослав вместе ходили на половцев. А вот после смерти Святослава начались ссоры, во время которых Мономашичи даже потребовали от Ольговичей, чтобы те навсегда отказались от прав на Киев. А в 1196 г. конфликт перешел в стадию кровопролития.

Причем современники могли заметить интересные параллели. В 1078 г. Олег с братьями владели Черниговом и воевали против киевского князя Изяслава и смоленского князя Владимира Мономаха. В 1196 г. Ольговичи во главе с Ярославом Черниговским воевали против киевского князя Рюрика и смоленского князя

---

⁵ Есть две версии по поводу того, что означает прозвище. По одной – «славен тем, что принес много горя». По второй – «славен тем, что пережил много горя». Интересно, что в обоих случаях Игоря тоже можно назвать «Гореславичем». Он тоже много горя пережил и много горя Русской земле принес. См.: [20].

⁶ См.: [16, с. 258].

Давыда. Описание трагедии старой усобицы особенно звучало на фоне разгорающейся новой.

А.М. Ранчин пишет, что Игорь – антипод Олега, потому что если Олег на Нежатиной Ниве сотрудничал с половцами, то Игорь в «Слове...» воевал с ними (см.: [14, с. 75]). Но, как я уже отмечал в своей работе, между внуком и дедом прослеживается параллель, так как они оба своими действиями принесли зло Русской земле (см.: [10, с. 203]). Впрочем, для вопроса хронологии более принципиальна критика Олега, чем Игоря. Если Игоря могли критиковать в любой момент после 1185 г.⁷, то Олега Святославича при Святославе (который тоже был внуком Олега) критиковать было несвоевременно. А вот в 1195–1196 гг. эта критика была вполне актуальна.

А еще в пользу версии 1196 г. говорит то, кого именно Автор призывает прекратить усобицу: «Ярославе и вси внуце Всеслави!» [16, с. 264]. Под внуками Всеслава все исследователи понимают полоцких князей, так как в Полоцком княжестве правили потомки Всеслава Полоцкого, еще одного из героев «Слова...». А вот в вопросе о личности Ярослава у исследователей единства нет (см.: [19]). Так вот, в 1196 г. в Смоленское княжество вторглись как раз Ярослав (Черниговский) и полоцкие князья. Впрочем, непосредственно вторжением руководил племянник Ярослава Черниговского, но он пошел по приказу дяди и ближе к концу весны, лично возглавив войска, идущие на помощь к племяннику и полоцким союзникам. То есть, можно сказать, инициаторами новой усобицы были «Ярослав и внуки Всеслава». Вполне логично предположить, что именно эту усобицу Автор их призывает прекратить.

Некоторые исследователи уже предполагали, что здесь речь идет о Ярославе Черниговском (см.: [9, с. 264–265; 11, с. 238]). Но так как «Слово...» они датировали сравнительно рано, никто из них не связывал это обращение с усобицей 1196 г.

Также исследователями была выдвинута правдоподобная гипотеза, к чему относится фраза «Вы бо своими крамолами начясте наводите поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславию:

---

⁷Б.А. Рыбаков был сторонником самой ранней из возможных датировок и при этом доказывал прохладные отношения Автора к Игорю. То есть вопрос об отношении к Игорю не определяет вопрос о датировке.

которую бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи» [16, с. 264]. Вероятно, здесь речь идет о крупной усобице 1180–1181 гг., после которой начался стабильный период княжения Святослава. В той усобице среди противников Ольговичей оказались и смоленские Ростиславичи. Тогда Ярослав Черниговский вместе с половецкой помощью ходил походом в земли Смоленского княжества, и его поддержала часть полоцких князей, которые привели с собой союзников литовцев. Таким образом, из-за усобицы на территории Полоцкого княжества оказались язычники, а Полоцкое княжество как раз и было «жизнью Всеслава».

На эту версию есть возражение, что Ярослав действовал в согласии с братом Святославом, а его Автор не осуждает (см.: [2, с. 154]). Но в ситуации 1196 г. это легко объяснимо, ведь Святослав к тому времени уже умер. Более интересен вопрос, почему не осуждаются Игорь и Всеволод, ведь летопись говорит, что Ольговичи действовали заодно. Однако, если говорить о конкретных действиях и принимаемых решениях, то фактически мы видим только Ярослава Черниговского и его племянника. Похоже, Игорь и Всеволод активно в компании весной 1196 г. не участвовали (Всеволод, вероятно, в это время уже болел). Поэтому Автор обращается только к главному инициатору. И в условиях 1196 г. намек на усобицу 1180–1181 гг. был вполне логичен. Во-первых, напрашивались параллели, связанные с тем, что в обоих случаях воевал Ярослав Всеволодович и его полоцкие союзники, а боевые действия происходили на территории Смоленского и Полоцкого княжеств. А во-вторых, когда новая усобица прервала мирный период, логично было вспомнить последнюю усобицу перед тем, как этот период начался.

В связи с вышесказанным интересен следующий момент. Если гипотезы относительно этого отрывка и отрывка, связанного со стягами Ростиславичей, верны, то у данных отрывков есть следующие общие моменты. Во-первых, в них Автор говорит об актуальной ситуации. В одном говорит, какая «ныне» ситуация, в другом обращается к князьям с прямым призывом. Во-вторых, Автор описывает две стороны конфликта. С одной стороны, Рюрик и Давыд, с другой – Ярослав Черниговский и полоцкие князья. В-третьих, в обоих случаях говорится о стягах (одни стоят врозь, а другие надо опустить). Таким образом, мы видим, у кого в мо-

мент написания «Слова...» были подняты стяги, т.е. кто в это время воевал.

А теперь обратим внимание на призывы, которые особо выделяет А.М. Ранчин. А именно: «Отомстите за раны Игоря Святославича», «Закройте полю ворота» и «Стреля в Кончака». Можно согласиться, что чем дальше от похода Игоря были эти призывы, тем менее они были актуальны. И я полагаю, что наиболее актуальны они были в 1185 г., когда Игорь был в плену, а ханы Кончак и Гзак нападали на Русь. Я считаю, что эти призывы входят в «Золотое слово Святослава», т.е. Автор вкладывает эти слова в уста киевского князя Святослава Всеволодовича, призывающего других князей на защиту Русской земли, которая подверглась нападению после разгрома Игоря. О том, что Святослав призывал остальных князей на защиту Руси, мы знаем не только из «Слова...», но и из двух летописей.

В Ипатьевской летописи приводится обращение киевского князя к Давыду Смоленскому. «Рекли бяхомъ поити на половци и лѣтовати на Донѣ, нынѣ же половци се побѣдилѣ Игоря и брата его и съсыномъ, а поеди, брате, постережи землѣ Рускойѣ» [13, стб. 646]. Брат Давыда Рюрик тоже пришел на помощь. Из текста видно, что звались и другие («Давыдъ же приде по Днепру, придоша же ины помочи» [там же]). В Лаврентьевской летописи также говорится о призыве, хотя никто из призываемых князей поименно не назван. «...А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи. И собращася к нему г Киеву и выступиша г Каневу. Половци же, услышавше всю землю Русскую идуще, бѣжаша за Донъ» [12, стб. 399].

В Ипатьевской летописи интересны следующие слова, которые произносит Святослав: «О, любя моя братья, и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! Дал ми Богъ притомити поганяя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю» [13, стб. 645]. Упоминание здесь «открытых ворот», очевидно, перекликается со «Словом...», в котором князья призываются эти ворота «загородить»: «Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую» [16, с. 262]. И вполне логично, что оба раза про «ворота» говорит Святослав Киевский.

Что имеется в виду под образом «отворенных ворот»? Южнорусские княжества, будучи союзниками, составляли единую

систему обороны. В эту линию входили Рязанское, Черниговское, Переяславльское, Киевское, Волынское и Галицкое княжества. Но в результате похода Игоря Черниговское княжество потеряло много своих воинов и ему стало не хватать защитников. В единой системе обороны образовалась брешь. Половцы, естественно, этим воспользовались, атаковав слабозащищенные места. То есть ворвались в ворота, которые открыл Игорь. Образовавшуюся брешь надо было срочно заделывать. Для этого князь Святослав и обратился за помощью к другим князьям.

Вот когда особенно было актуально звать князей «закрыть Полю ворота». Срочно надо было идти на помощь беззащитным русским землям. Затем и оборона восстановилась, и опасность становилась меньше.

И призыв «за раны Игоря» тоже был особенно актуален тогда, когда Игорь находился в плену. Ведь одно дело – сражаться за князя, который страдает в плену и, возможно, вот-вот скончается от ран, и другое – за князя, который из плена сбежал. По крайней мере, славе пленного князя никто бы не завидовал. Когда же Игорь вернулся, призыв сражаться за его раны звучал бы уже не так уместно. Мы не знаем, звучал ли реально такой призыв, но в 1185 г. он выглядит логичным.

Ну и призывать «стрелять в Кончака» было особенно актуально в 1185 г., когда Кончак вторгся в Переяславское княжество. Позже он был не так опасен, а во время переговоров Игоря о возвращении родственников подобные призывы вообще могли помешать. Наиболее актуален этот призыв был сразу после поражения и пленения Игоря. И именно тогда, по версии Автора, князь Святослав обратился с этим призывом к князю Ярославу Галицкому. Это обращение, по замечанию Н.С. Демковой, «...входит в состав литературной по своему происхождению речи – в состав “золотого слова Святослава”, который – по сюжету “Слова” – произнес свое в 1185 году, сразу после получения известия о поражении Игоря» [5, с. 32].

Так что еще раз соглашусь с мнением А.М. Ранчина, что чем больше времени проходило с похода Игоря, тем менее актуальны были призывы «Отомстить за раны Игоревы» и «закрыть Полю ворота». А особенно они были актуальны в 1185 г. И Автор делает эти призывы частью речи Святослава, которая, согласно

«Слову...», была произнесена в 1185 г. Это не призыв Автора к современникам, а призыв Святослава к князьям во время действия «Слова...».

Однако надо признать, что, по мнению многих исследователей, призыв к князьям «отомстить за раны Игоря» относится к словам Автора, а не к речи Святослава. По их версии, к «Златому слову Святослава» относится только часть с упреками в отношении Ольговичей, а призыв к Мономашичам и Ярославу Осмомыслу принадлежит самому Автору. Этому вопросу уделяется особое внимание в работе Л.В. Соколовой «Святослав Всеволодович Киевский и его “злато слово” в “Слове о полку Игореве”» [17]. Исследовательница разбирает аргументы, которые приводят сторонники «авторской речи», и доказывает их несостоятельность. Вот некоторые аргументы Л.В. Соколовой в пользу того, что призыв к князьям относится к речи киевского князя (см.: [17, с. 33–35]).

В Ипатьевской летописи есть параллель как с первой частью «Злата Слова», где упрекаются Ольговичи, так и со второй, где призываются Мономашичи.

«Злато слово» хорошо согласуется с данными летописей, в которых Святослав выступил организатором обороны Руси, когда она подверглась нападению Кончака и Гзака.

Название «Слово...» подразумевает, что эта речь относится к ораторскому жанру, что предполагает речь, содержащую определенный призыв. Но если в части, где осуждаются Ольговичи, никаких призывов нет (Игорь и Всеволод все равно никаким призывам не могли внять, так как находились в плену), то вот в части, где идет обращение к Мономашичам, как раз и есть призыв защитить землю Русскую.

Если бы в «злато слово» входила только часть с упреками, то у него не было бы основания называться «златым».

Наконец, затрагивается вопрос о ранней границе написания «Слова...». Как уже говорилось, отрывок про спорящих ханов Гзака и Кончака говорит о том, что Автор знал про возвращение Владимира Игоревича домой. А так как Владимир вернулся в 1188 г., то и «Слово...» должно было быть написано не раньше этого года. Но в 1187 г. умер Ярослав Осмомысл, который есть среди тех князей, которых призывают «отомстить за раны Игоревы». И если это Автор общается к Ярославу Галицкому, то получается, что он об-

щается с покойником. Если же к Ярославу Галицкому обращается Святослав, то такой несурзности нет.

Так что, судя по всему, в «Слове...» только один момент, где Автор обращается к князьям-современникам: это – отрывок, где Ярослав и полоцкие князья призываются к прекращению войны. А это было особенно актуально весной 1196 г.

Основная идея «Слова...» – это единство Русской земли. При князе Святославе Всеволодовиче относительное единство было достигнуто. Русские князья перестали воевать друг с другом и стали воевать с соседями. Но после смерти Святослава вновь возникли конфликты между теми, кто еще недавно вместе боролся за Русь. И вновь одни князья пошли войной на других. И вот тогда стало актуально призывать русских князей к единству. И именно этот призыв звучит в «Слове о полку Игореве».

Список литературы

1. *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII вв. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1968. 202 с.
2. *Горский А.А.* Комментарий // Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 111–167.
3. *Горский А.А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1986. С. 29–37.
4. *Демкова Н.С.* Из комментария к тексту «Слова о полку Игореве»: «...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы...» // Труды Отдела древнерусской литературы (далее ТОДРЛ) / под ред. Л.В. Соколовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 162–172.
5. *Демкова Н.С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. 1973. № 14. Вып. 3. С. 72–77.
6. *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература: поэтика, интерпретация, источники: сб. статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1997. 220 с.
7. *Дмитриев Л.А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 246–251.

8. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
9. Зеленокоренный А.М. Ярослав из «Слова о Полку Игореве» // Сборник Русского исторического общества. Т. 3(151). М., 2000. С. 260–267.
10. Кизим А.В. «Слово о полку Игореве» против Игоря Святославича // Урал. 2022. № 3. С. 199–206.
11. Подлипчук Ю.В. «Слово о полку Игореве»: научный перевод и комментарий. М.: Наука, 2004. 327 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд.: Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. 199 стб.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 2. 2-е изд.: Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 938 стб. + 108 с.
14. Ранчин А.М. Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» и об авторской позиции в памятнике // Литературоведческий журнал. 2022. № 4(58). С. 65–80. DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.04
15. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая гвардия, 1991. 288 с.
16. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 254–267.
17. Соколова Л.В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 7–46.
18. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I. М.: Мысль, 1988. 555 с.
19. Творогов О.В. Ярославли внуки // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 293–295.
20. Фомин А.И. Гориславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб., Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 47–48.

References

1. Adrianova-Peretts, V.P. *“Slovo o polku Igoreve” i pamyatniki russkoi literatury XI–XIII vekov* [“The Tale of Igor’s Campaign” and Monuments of Russian Literature of the 11th – 13th Centuries]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1968, 202 p. (In Russ.)
2. Gorskii, A.A. “Комментарий” [“Comment”]. *Slovo o polku Igoreve, Igorya, syna Svyatoslavlya, vnuka Ol’gova* [The Tale of Igor’s Campaign, of Igor, the son of

- Svyatoslav, the grandson of Oleg*]. Moscow, Rossiiskaya Politicheskaya Ehntsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2002, pp. 111–167. (In Russ.)
3. Gorskii, A.A. “Problema daty sozdaniya ‘Slova o polku Igoreve’” [“The Problem of the Creation Date of *The Tale of Igor’s Campaign*”]. *Issledovaniya “Slova o polku Igoreve”* [Studies of “*The Tale of Igor’s Campaign*”], ed. D.S. Likhachev. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1986, pp. 29–37. (In Russ.)
  4. Demkova, N.S. “Iz kommentariya k tekstu ‘Slova o polku Igoreve’: ‘sego bo nyne stasha styazi Ryurikovy, a družii – Davidovy’” [“From the Commentary to the Text of *The Tale of Igor’s Campaign*: ‘sego bo nyne stasha styazi Ryurikovy, a družii – Davidovy’”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) Rossiiskoi akademii nauk*, ed. L.V. Sokolova. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, vol. 55, pp. 162–172. (In Russ.)
  5. Demkova, N.S. “K voprosu o vremeni napisaniya ‘Slova o polku Igoreve’” [“To the Question of the Time of Writing *The Tale of Igor’s Campaign*”]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya: istoriya, yazyk, literatura*, vol. 14, issue 3, 1973, pp. 72–77. (In Russ.)
  6. Demkova, N.S. *Srednevekovaya russkaya literatura. Poetika, interpretatsiya, istochniki. Sbornik statei* [Medieval Russian Literature. Poetics, Interpretation, Sources. Collection of Articles]. St Petersburg, Izdatel’sтво Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1997, 220 p. (In Russ.)
  7. Dmitriev, L.A. “Vremya sozdaniya ‘Slova’” [“The Time of Creation of the ‘Tale’”]. *Entsiklopediya “Slova o polku Igoreve”* [Encyclopedia of “*The Tale of Igor’s Campaign*”]: in 5 vols. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., vol. 1, 1995, pp. 246–251. (In Russ.)
  8. Zaliznyak, A.A. “*Slovo o polku Igoreve*”: *vzglyad lingvista* [“*The Tale of Igor’s Campaign*”: the Linguist’s view], 3rd ed., revised. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008, 480 p. (In Russ.)
  9. Zelenokorenniy, A.M. “Yaroslav iz ‘Slova o polku Igoreve’” [“Yaroslav from *The Tale of Igor’s Campaign*”]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, vol. 3(151). Moscow, 2000, pp. 260–267. (In Russ.)
  10. Kizim, A.V. “‘Slovo o polku Igoreve’ protiv Igorya Svyatoslavicha” [“*The Tale of Igor’s Campaign* against Igor Svyatoslavich”]. *Ural*, no. 3, 2022, pp. 199–206.
  11. Podlipchuk, Yu. V. “*Slovo o polku Igoreve*”: *nauchnyi perevod i kommentarii* [“*The Tale of Igor’s Campaign*”: Scientific Translation and Commentary]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 327 p.
  12. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Izdatel’sтво Akademii nauk SSSR Publ., 1927, vol. 1, 2nd ed.: Lavrent’evskaya letopis’. Issue 2, 199 cols. (In Russ.)

13. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1908, vol. 2, 2nd ed.: Ipat'evskaya letopis', 938 cols.+108 p. (In Russ.)
14. Ranchin, A.M. "Once Again about the Dating of 'The Tale of Igor's Campaign' and about the Author's Position in the Monument". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(58), 2022, pp. 65–80. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.04
15. Rybakov, B.A. *Petr Borislavich: poisk avtora "Slova o polku Igoreve"* [Pyotr Borislavich: Search for the author of "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991, 288 p. (In Russ.)
16. "Slovo o polku Igoreve" ["The Tale of Igor's Campaign"]. *Biblioteka Drevnei Rusy*. RAN, IRLI, ed. Lihachev D.S., Dvitreiev L.A., Alexeeva A.A., Ponirko N.V. St Petersburg, Nauka Publ., vol. 4: 12th century, pp. 254–267. (In Russ.)
17. Sokolova L.V. "Svyatoslav Vsevolodovich Kievskii i ego 'zlato slovo' v 'Slove o polku Igoreve'" ["Svyatoslav Vsevolodovich of Kyiv and His 'Golden Word' in The Tale of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., vol. 52, 2001, pp. 7–46.
18. Solov'ev, S.M. *Sochineniya* [Works]: in 18 books. Bk I. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 555 p. (In Russ.)
19. Tvorogov, O.V. "Yaroslavli vnuki" ["Yaroslavli grandchildren"]. *Ehntsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"]: in 5 vols. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., vol. 5, 1995, pp. 293–295. (In Russ.)
20. Fomin, A.I. "Gorislavich" ["Gorislavich"]. *Ehntsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"]: in 5 vols. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., vol. 2, 1995, pp. 47–48. (In Russ.)

М.Ю. Осокин

© Осокин М.Ю., 2023

**ЕЛАГИНОМАХИЯ. I. «БЕЗУМНОЙ РИФМАЧ»:
Н. ПОПОВСКИЙ ИЛИ И. БАРКОВ?
К РЕВИЗИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОЙН XVIII в.**

Аннотация. Описание первой в русской литературе XVIII в. скандальной полемики 1753–1754 гг. об Иване Елагине, его эпистолы «К Сумарокову» и «Сатиры на петиметра и кокеток» дополняется рукописной сатирой «Безумной рифмач». Г.Н. Моисеева в 1973 г. процитировала этот текст по неполному списку Г.Ф. Миллера, атрибутировав ломоносовскому ученику Николаю Поповскому. Полный текст сатиры остался в «Тетради 1-й разных критических сочинений» (1779) из бумаг казанского помещика Феопемпта Молодцова (1758–1817), который жил в Петербурге и коллекционировал сочинения, миновавшие печать. У Молодцова сатира приписана другому ученику Ломоносова – Ивану Баркову. В первой части статьи текст впервые публикуется полностью с указанием разночтений по миллеровскому списку и с комментарием, из которого следует, что автор обсуждал аргументацию с Ломоносовым. Текст транслирует ломоносовские тезисы, редуцируя критику Сумарокова и приправляя ее горацианством, проводниками которого в России были и Поповский, и Барков. Во второй части статьи будут рассмотрены обе кандидатуры и решен вопрос об авторстве.

Ключевые слова: полемика; сатира; Иван Елагин; Николай Поповский; Александр Сумароков; Иван Барков.

Получено: 01.08.2023

Принято к печати: 01.09.2023

Информация об авторе: *Осокин* Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Таиланд.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-280X>E-mail: mike.osokin@gmail.com

Для цитирования: Осокин М.Ю. Елагиномачия. I. «Безумной рифмач»: Н. Поповский или И. Барков? К ревизии литературных войн XVIII в. // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 95–116. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.06

Mikhail Yu. Osokin

© Osokin M. Yu., 2023

**ELAGINOMACHIA. I. THE MAD RHYMER: BY N. POPOVSKY
OR I. BARKOV? TOWARDS THE REVISION
OF THE EIGHTEENTH-CENTURY LITERARY WARS**

Abstract. This article complements a picture of controversy over Ivan Elagin's *Satire on a Fop and Coquettes* and epistle *To Sumarokov*, which were the reason of the first literary scandal of the eighteenth century in 1753–1754. The full text of the satire *The Mad Rhymer* on Ivan Elagin was remained in manuscript 'First Notebook of Diverse Critical Works' (1779) from Feopempt Molostvov's archive and now is published for the first time. Molostvov, the Kazan nobleman who lived in Petersburg and collected unpublished literary works. In his copy the satire was attributed to M. Lomonosov's disciple Ivan Barkov. In 1973, G.N. Moiseeva quoted a part of this satire with attribution to N. Popovsky, another Lomonosov's disciple. She used Gerhard Friedrich Müller's manuscript book where the satire was incomplete and anonymous. It is clear that the author of this satire followed the argument of Lomonosov, reflecting the position commonly known from Lomonosov's letters to Ivan Shuvalov, epigram on Elagin, and others Lomonosov's polemic texts. This sometimes makes it clearer, but cut down the criticism of Lomonosov about Sumarokov. Both attributions of the satire to Popovsky and Barkov is considered in the second part of the article, where the issue of authorship is resolved.

Keywords: controversy; satire; Lomonosov; Nikolai Popovsky; A. Sumarokov; Ivan Elagin; Ivan Barkov.

Received: 01.08.2023

Accepted: 01.09.2023

Information about the author: Mikhail Yu. Osokin, PhD in Philology, Independent Researcher, Thailand.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-280X>

E-mail: mike.osokin@gmail.com

For citation: Osokin, M. Yu. "Elaginomachia. I. *The Mad Rhymer*: by N. Popovsky or I. Barkov? Towards the Revision of the Literary Wars of the Eighteenth Century". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 95–116. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.06

Рукописные «Послание к А.П. Сумарокову» («Научи, творец Семиры...») и «Сатира на петиметра и кокеток» И.П. Елагина, умеренно восхвалявшие А.П. Сумарокова и задевавшие М.В. Ломоносова, вызвали первую в истории русской литературы скандальную полемику, состоявшую из более полутора десятков текстов pro et contra [12, т. 2, с. 372–394; 7, с. 137–141, 146–147]. Помимо возражений со стороны Ломоносова, которых добился от него в ноябре 1753 г. И.И. Шувалов, елагинские послания вызвали небывалое доселе «бешенство между писцами», как сформулировал В.К. Тредиаковский. В битву вступили последователи, ученики или поборники обоих поэтов, посторонние сочинители и вовсе дилетанты¹. Елагин «наш спокойный мир на шайки разделил», скажет автор стихов «Какой ужасный крик и вопль мой слух пронзает...». Как и в контroversивной сатире, литературные выпады перемешивались с сатирическими (тема петиметров), то и другое увязывалось с личностью и скреплялось оскорблениями.

Из описаний битвы с Елагиным выпал один из первых полемических текстов, с которого она, по-видимому, начиналась, – сатира «Я не стыжусь признать свою охоту явно...». В 1973 г. ее процитировала Г.Н. Моисеева по списку Г.-Ф. Миллера², разделив своим комментарием на две части, и не до конца³. Теперь это уже не имеет значения, поскольку в миллеровском сборнике на 26 четвертках данный текст, озаглавленный «Сатира на Е*...» и

---

¹ Неопубликованный цикл из четырех непрофессиональных эпиграмм против всех – на Ломоносова «От 4 ноября. К рыболову» («Я любуюся читал все рыбацки дела...»), Сумарокова «К Глазмигу» («Не ты ль, Мигай, на немочки женат...»), Елагина «К Балабану» («Но ты, Перфильев сын, на что сатиры клал...») и Н.Е. Муравьева «К Кабану» («Кабан Ерофейч, гуляя в долинах...») – сочинен одним автором, подписавшимся «Школник» [НИОР Библиотеки Академии наук (СПб.). Текущие пост. № 640, л. 23 об., ср.: [11, с. 119].

² РГАДА. Ф. 911 (Портфели Миллера). Портфель № 150, ч. 1. Д. 20 («Стихи Баркова на 26 четверках»). Л. 25–26. Далее – *Мил.* Название единицы хранения – архивное и условное; сборник содержит сатиры, принадлежавшие разным сочинителям, в том числе Баркову, над барковскими текстами стоят соответствующие пометы рядом с заглавиями, «Сатира на Е*...» не подписана.

³ В *Мил.* после слов «И обступили два кругом великим стадом» есть еще 44 стиха, без оповещений опущенных в публикации [9, с. 56–64]. Г.Н. Моисеева (1922–1993) предупредила, что это лишь предварительное сообщение, но за 20 лет продолжение не опубликовала.

шедший последним, донесен не полностью: после слов «Когда заслугами не меньше он сияет», которыми обрывается рукопись, должны быть еще 96 стихов, т.е. утрачено более половины.

Более полный текст дошел в сборнике Ф.Л. Молостова, имеющем оригинальное название «Тетрадь 1-я Разных критических сочинений»⁴. Феопемпт Львович Молостов (1758–1817) – казанский помещик, каптернамус лейб-гвардии Преображенского полка (в отставке – секунд-майор), живший в Петербурге, интересовавшийся литературой и составлявший рукописные тетради с сочинениями, которые минуют печать⁵. Тетрадь с «критическими» сочинениями составлялась, вероятно, около 1779 г., которым датируется связанная с нею «Тетрадь 2-я. Забавных сочинений. Тет. VI»⁶. «Критическая» тетрадь открывается елагинской «Сатирой на петиметра» («Открытель таинства любовных намыры...», л. 1–2 об.), за которой следуют два ответа на нее: «Возражение или превращенны (так! – М. О.) петиметр» («Открытель таинства поносных намыры...», л. 2 об. – 3) и «Сатира Безумной рифмач» («Я не стыжусь признать свою охоту явно...», л. 3 об. – 5), последняя подписана: «С. БРКВ», т.е. «сочинение Баркова».

В сборнике Миллера текст анонимен. Обнаружив его, Г.Н. Моисеева отвергла атрибуцию сатиры «Возражение, или Превращенный “Петиметр”» Н.Н. Поповскому, предложенную П.Н. Берковым [2, с. 114–134], поддержанную Л.Б. Модзалевским [8, с. 130–136] и закреплённую в двухтомнике «Поэты XVIII века» [12, т. 2, с. 384–386, 531–532], и приписала ему новонайденную «Сатиру на Елагина» на основании письма Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 г. – того же, на котором основывались Берков и Модзалевский, атрибутируя Поповскому «Превращен-

---

⁴ ОРИК Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального ун-та [НБ КФУ]. Ед. хр. 2384 («Собрание разнородных литературных произведений, изданных и неизданных, XVIII в. Разбитые тетради в лист»), далее – *Мол.* 2384.

⁵ Общую характеристику его литературных вкусов и круга чтения см.: [17, 135–138]. Документы Молостовых хранились до начала 1918 г. в селе Никольском (на Бездне) Спасского уезда Казанской губернии, затем рукописный архив, книжное и художественное родовое собрание, в том числе записки Феопемпта, перевезли в Казань [17, с. 53].

⁶ ОРИК НБ КФУ. Ед. хр. 2391 («Собрание разных сочинений в стихах и прозе 1779 г.»). Тетрадка в 4-ку. 11 л.

ного “Петиметра”». Все позднейшие исследователи либо прошли мимо атрибуции и атетезы, либо отвергли их, поскольку они шли в комплекте с атрибуцией «Превращенного “Петиметра”» Тредиаковскому, взятой с потолка.

I. Текст

В основу публикации положен *Мол. 2384* как наиболее полный. При явной помрачающей смысл и / или сбивающей метр порче выбор делался в пользу исправного по *Мил.*, остальные значимые различия, в том числе ухудшающие, сохранены⁷.

Сатира

Безумной рифмач

Я не стыжусь признать свою охоту явно,
Что упражнение в стихах мне было нравно,
А⁸ ныне, Меценат, тобо<ю> ободрен,
Я мы<шлю,> что наверх Парнаса возведен.
И струны к пению своей я лиры строю,
Чтобы твоей ея⁹ наполнить похвалою.
Но злость завистников и их неправ<ой> суд
Влекут к опасности мой сей приятной труд.
<Они и белое> хотят чтоб сделать <черным,>
И самой доброй <слог> игралищем позорным,
Хоть словом вкусу их одним не угодишь,

---

⁷ Создавать компиляцию, т.е. выправлять первые 74 стиха по *Мил.*, а остальное оставить как есть, не имело смысла; это легко сделать по сноскам. В угловых скобках до 74 стиха – исправления явно испорченных мест по *Мил.*, с 75 стиха – мои конъектуры, предлагаемые в крайних случаях, остальные альтернативные прочтения убраны в сноски. Для образца приведу некоторые ошибки переписчика, чтобы на них больше не отвлекаться: «Я мысль что наверх Парнаса возведен» вместо «Я мышлю, что наверх Парнаса возведен»; «...и их неправда суд» вместо «...и их неправой суд»; «И наиболее хотят чтоб сделать гордым» вместо «Они и белое хотят чтоб зделать черным»; «И самой доброй мох» вместо «И самой доброй слог», «Что с воплем на меня течет ужасно бой» вместо «Что с воплем на меня течет ужасным в бой» и т.п. Орфографические различия (в *Мил.* «безумно», «зделать», «российской», «которой» etc.) за варианты не считались.

⁸ *Мил.*: «И».

⁹ *Мил.*: «Чтоб оную твоей».

То злости в их сердцах ничем не утолишь.
 Лишь в руки¹⁰ я перо с забавой¹¹ принимаю,
 Страшусь и буйную их наглость представляю.
 И вижу наперед уж сей нелепой строй,
 Что с воплем на меня течет ужасн<ым в> бой.
 И вижу¹² вокруг себя людей толпы велики
 И слышу грубые ругательства и крики:
 «Ты сперва научись, как рифмы прибирать,
 Что стихотворству есть <всему>¹³ глава и мать!»
 Великой дружбы знак сказать другому явно,
 Как естли что-нибудь он сделал неисправно.
 Безумно нам¹⁴ тово стыдиться и краснеть,
 Что¹⁵ может сделать нас¹⁶ исправнейшими впредь.
 Отчаян тот глупец, что¹⁷ в гордости упорной
 Не любит правды, лстя себя хвалой притворной.
 Но исправление тогда <приятно всем,
 Как нет ругательства и нет насмешки в нем.
 Наш ум>¹⁸ тогда словам и увещаньям внемлет,
 Как строгость мщения¹⁹ охоты не отъемлет.
 Но можно ли судью толь кроткого сыскать
 И щастия сего могу ль я ожидать,
 Еще не показав ни малого успеху,
 Не болше ль подал им притчину <я> ко смеху²⁰,
 Когда уже и сам российский Аполлон,
 Которой показал в стихах прямой закон,
 Которой таинства парнасския изведаль

¹⁰ Мил.: «Лишь толко».

¹¹ Мил.: «с бумагой».

¹² Мил.: «Я вижу».

¹³ Мил.: «стихотворчеству всему». В Мол. 2384 «всему» пропущено. Кавычки добавлены мною.

¹⁴ В Мол. так же; у Моисеевой: «безумно как».

¹⁵ Мил.: «Кто».

¹⁶ Мил.: «зделать их».

¹⁷ Мил.: «кто».

¹⁸ Заключенные в угловые скобки строки в Мол. 2384 пропущены.

¹⁹ Мил.: «лишняя».

²⁰ Мил.: «Не болше ль им подам теперь причины к смеху». В Мол. 2384 метр сбит.

И к подражанию любителям их предал,
От дерзких не изъят ругателей клевет,
Но²¹ общую судьбу по злобе их несет.
Коль важность замыслов порочить постыдились,
<На рифмы и слова безстыдно устремились,>²²
Чтобы хоть чем-нибудь другому повредить, [3 об./4]
Коль самой вещь не могут уязвить;
Как волки, будучи томимы лютым голодом
И обступили²³ льва кругом великим стадом,
Не сытой челюсти хотят в корысть иметь,
Но крепости его не могли одолеть,
Неистово ревут и от досады воют.
И землю лишь когти²⁴ в надежде тщетно²⁵ роют.
И, в пущей²⁶ зависти взирая на него,
<Глазами лстятся лишь, зуб неймет ничего,>²⁷
Зубами хлопя, лишь пасти разевают.
То спереди к нему то сзади забегают,
А он в бесстрашии спокойно зрит на них,
Дивясь с презрением пустой заботе их.
Разумной человек и доброй²⁸ не обидит,
Хотя в ком подлинно погрешности увидит²⁹.
Меж умными людьми примеров нет таких,
Ругаться с зависти³⁰ успех<у> чтоб других³¹.
Вергилия любил Гораций в жизни крайню,
Тибуб<л>ла³² почитал Овидий чрезвычайно.

---

²¹ Мил.: «И».

²² В Мол. 2384 стих пропущен.

²³ Мил.: «оступили».

²⁴ Мил.: «кохтми».

²⁵ Мил.: «тщетной».

²⁶ Мил.: «тошей».

²⁷ В Мол. 2384 стих пропущен.

²⁸ Мил.: «ни мало».

²⁹ Мил.: «Хотя погрешность в ком и подлинно увидит».

³⁰ Мил.: «Ругаться зависти».

³¹ Мил.: «у других».

³² Альбий Тибулл, древнеримский поэт, автор двух книг элегий, был современником Овидия. Овидий написал на его смерть стихи («Любовные элегии», III, 9), где сокрушался, что не успел с ним познакомиться.

И каждый умереть за друга был готов,
Так жили славные писатели стихов.
Не разевал зато отнюдь Вергилий рта,
Что лишню речь вложил в стихи Гораций иногда³³.
Но остры мысли³⁴ в нем и силу почитал,
За малую всегда погрешность то вменял³⁵,
Кто сим³⁶ обилует и нужды не имеет,
Завидовать другим недостаткам не умеет.
Подобно так как сим³⁷ обилует умом,
Без зависти успех тот видит и в другом.
Честь одного отнюдь другому не мешает,
Когда заслугами не меньше он сияет³⁸.
Но <к>то³⁹ сам чувствует, что в нем доброты нет,
Что пред другим ево в ничто уж ставит свет,
Котораго своя признаться совесть нудит,
Что перед протчими полушки он не судит,
То<т>⁴⁰ есть и пить, и спать не может без того,
Чтобы не поносить и изругать кого.
Вертеться и потеть одна вот их забота,
И праздник без того великая суббота.
Как город полонить и, видев что-нибудь,
Чем лзя пред протчими другова честь тронуть,
И только вскользь того считают и в забаву,
Чтобы бессовестно терзать чужую славу.
Хоть ты не слушаешь, но он как дверь скрипит,
Хоть верь <ты>, хоть не верь, он с тенью говорит.
Нет добродетели на свете ни единой,

---

³³ Мил.: «Не поднимал зато отнюдь Вергилий рати, / Что лишню речь вложил Гораций в стих некстати». В Мол. 2384 стихи искажены, но со смыслом (ср. с волками, «разевающими пасти» на льва, в ст. 45–46), поэтому сохраняются, хотя в собрании сочинений автора, которого я назову во второй части статьи, разумеется, следует предпочесть редакцию Мил.

³⁴ Мил.: «острый замысл».

³⁵ Мил.: «На малую всего погрешность не вменял».

³⁶ Мил.: «кто чем».

³⁷ Мил.: «кто сам».

³⁸ Здесь список Миллера обрывается.

³⁹ В рукописи: «что».

⁴⁰ В рукописи: «То».

Чтобы завистникам не быть к хуле притчиной.
Сия последует за ней всегда, как тень,
Что телом движется повсюду всякой день. [4/4 об.]
Такая же судьба и стихотворцов славных,
Примеры из времян привести возможно давних.
Зоил Гомеров<ы> всегда стихи ругал,
<Карв>или<й>⁴¹ дерзостно Вергилия терзал,
Тут завсегда худых такая характеры,
Чтоб хуля добрая стихи, не видеть меры,
Нелзя из прибыли себ<е>⁴² не проклинять,
<.....>⁴³
Цыгану и жиду не обмануть в <тов>аре⁴⁴,
Барышнику молчать торговлей на базаре,
Так быть нельзя тому, чтобы похвальный слог
Худой пиит снести покойным духом мог.
Но⁴⁵ путь хотя худой, однако же пиита,
А что то<т>⁴⁶ чистый муж, несносной волокита?
На что ты силишься наверх Парнасских гор
И вмешиваешься пиит в священный хор?
Ты разнишь в пении, и голос твой нескладен,
И Аполлону ты и музам стал досаден,
Или за то тебя пиитою почесть,
Что несколько стихов случилось тебе сплесть?
Так человеком лзя назвати и сороку,
Которая проговорит речей со строку.
Тебе ль, подумай сам, ево уж поносить,
Вороне тяжело орла вить уязвить,
И лзя ли с соколом равняться черепахе?

---

⁴¹ В рукописи: «Бобилли». Вероятно, имелся в виду Карвилий Пиктор (Carvilius Pictor), сочинивший книгу «Бич Энея» (Aeneomastix), о которой известно по упоминаниям в «Жизнеописаниях» Светония и «Жизнеописании Вергилия» Элия Доната.

⁴² В рукописи: «себя».

⁴³ Судя по отсутствию рифмы, выпущен один стих – что-то типа <Подобно плуту как не можно не солгать> или <И как мошеннику не можно не соврать>, – но не более, поскольку следом идут два стиха с женской рифмой.

⁴⁴ В рукописи: «всконаре».

⁴⁵ Возможно, надо: «то».

⁴⁶ В рукописи: «а что то». Возможно, надо: «тот» или «а что ты».

Тебе бы должно быть теперь в великом страхе:
Арахна в паука за то превращена,
Что лутче хвастала Минервы прясть она.
Смо<т>ри же, чтоб тебя отмщением престрогим
Не сделал Аполлон каким четвероногим.
Но самым тем он уж довольно похвален,
Что он нестройностью твоею укорен,
Все доброе отнюдь не нравится худому,
Прекрасныя стихи врало, как ты, такому,
Ему за честь твоя вменяется хула,
Незнающего брань ему что похвала⁴⁷.
Заткнув уши, итти с стыда тому прилично,
Которому он мстит и жалит необычно.
Учителю весьма ты б больше услужил,
Когда б не сказывал, что он тебя учил.
По правде, должен он⁴⁸ от ревности терзаться,
Что принужден еще в стопах ты запираешься,
Что лишняя склады в стопах тебя манят⁴⁹,
На семь и восемь стоп с <ш>ести⁵⁰ они скользят, [4 об./5]
Приметь, что женский стих тринадцать принимает,
Двенадцать мужеский, а больше не бывает.
Трояко укорен благий учитель твой,
Несмыслинной твоей, во-первых, похвалой,
Потом, худым твоим в учении успехом,
Мешаешь ты ево свои<м> напрасно смехом.
Но третей больше ты ему наносишь стыд,
Что будто рифмы он перед тобой творит,
Из рифм поэзию обедной⁵¹ составляешь,
Ты в рифмах красоту и важность полагаешь.
Ты по мостам пройди и у ребят спросись,
Услышишь рифмов тьму, лишь только не ленись,

---

⁴⁷ В рукописи: «Не знающего брань есть мужа что похвала».

⁴⁸ В рукописи: «он должен».

⁴⁹ Склады – слоги.

⁵⁰ Написано скорее «сести».

⁵¹ *Обедный* – связанный с обедью, изделиями из дерева (ободьев, оглоблей и проч.), т.е., как можно понять, Елагин, придавая цену рифмам, почитает сочинение стихов ремеслом сродни изготовлению обедей.

Засыпляют оными оне десятерых,
Ты найдешь там себе довольно гожих в стих.
Защитник истенны, пороков злых гонитель,
Зачем не придано и веры покровитель⁵²?
Некстати жалуешь титулом ты чужим,
Не мню, <ре>шеньем⁵³ чтоб доволен был твоим.
Всяк видит то: отнюдь хвалить ты не умеешь
И только грубостью <и> завистью чернеешь,
Напрасно, друг мой, ты смеяться хочешь тем,
Кому доволну честь дал в щастье он твоём:
Как стихотворцом быть сначала ты старался,
Коль часто именем ево ты пролыгался.
Когда ж он в имени имеет только сил,
Что и надежде путь <т>ебе⁵⁴ им отвратил,
Но ты представь себе, что может он делами.
И сам учитель твой то доказал стихами,
Сначала он и сам другим в<о>след ходил,
Однако наконец за благо рассудил
Последовать тому, кто показал дорогу
Удобно к лехкому и свойственному слогу.
И то рифмам⁵⁵ мужским свободу учинил,
Российския стихи чрез то обогатил.

В «Безумном рифмаче» (далее – *БР*) выделяются два слоя – «ломоносовский» и «горацианский», описание последнего ушло во вторую часть статьи, не уместившись в публикацию по условиям объема, и там же будет решен вопрос, поставленный в заголовке статьи.

---

⁵² Выделений в списке не было, они добавлены мною: в первых двух случаях это цитирование характеристик Сумарокова из сатиры Елагина, в третьем – попытка зарифмовать ломоносовскую остроту, известную по письму Шувалову. О проблеме, задаваемой этим стихом, см. в комментарии ниже.

⁵³ В рукописи: «лишеньем».

⁵⁴ В рукописи: «себе».

⁵⁵ Вероятно, надо: «и рифмам кто» или «и рифмам тем» или «и рифмам так».

II. «Ломоносовский» субстрат

Автор *БР* определенно знал позицию Ломоносова: в сатире зарифмованы его сетования на «зоилов», претензии к неподходящим «титулам», пожалованным Сумарокову Елагиным, к пародии на «Тамиру», к несоблюдению «стихотворческой меры» (размера) etc. Эта аргументация теперь известна по двум письмам Ломоносова к Шувалову 1753 г. – письму о «зоилах», содержавшему «основательное оправдание... подражаний древним» (№ 35 из ПСС, буду называть его для удобства «Оправдание»), и письму о рифмах и титулах («Милостивый государь! По желанию вашему все, что в моей силе состоит, готов исполнить», № 36 из ПСС, далее – «Исполнение»), – а также по эпиграмме «Златой младых людей и беспечальной век...» и записке 1760 г., опровергающей «Речь о постепенном развитии изящных наук в России» аббата Этьена Лефевра.

Ломоносов бесспорно тяготился попытками натравить его на Елагина и старался избежать участия в склоках, предпочитая, чтобы за него отвечали последователи – сторонники или ученики. К «Оправданию» прилагалась сатира Поповского. Попытка уклониться от ответа не устроила Шувалова (вопрос о его роли и стратегиях я пока сознательно обхожу), он хотел, чтобы Ломоносов возразил на критику сам, в результате появилось «Исполнение», которое сделалось публичным и включалось в рукописные сборники. Оно входит, в частности, в современный полемике «селифонтовский» сборник⁵⁶, в сборник А.А. Ржевского⁵⁷ и в «Разные стиходействии» под названием «Писмо, сочиненное прозою чрез С Э»⁵⁸. «Исполнение», напечатанное по неисправному списку в академическом собрании сочинений Ломоносова⁵⁹, в исправлен-

---

⁵⁶ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 977. Л. 5–6 об. По датировке И.З. Сермана, 1760-х [14, с. 100], по филиграммам – 1750-х [7, с. 132].

⁵⁷ ОР БАН. 12.4.28, л. 7, далее – *Ржев.*

⁵⁸ ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 4542. Л. 28–29; на рукописи в XIX в. приписано карандашом: «Ломоносов. Смирд. I. 708». Далее – *РС*.

⁵⁹ Этот список был опубликован в «Московском телеграфе» в 1828 г. На необходимость исправить его по спискам ИРЛИ и ОР БАН указывали дважды: в 1964 г. И.З. Серман, в 1976 – И.Ф. Мартынов и И.А. Шанская. Серман определил его как ответ на письмо «Государь мой, имею честь вам сообщить Епистолю г. Елагина...» [14, с. 100–101], – тоже распушенное в публике, – которое он атрибутировал самому И.И. Шувалову.

ном виде логичнее печатать не с письмами, а со статьями. Никто другой, кроме Шувалова, не мог распустить «Исполнение» в рукописях, и это было сделано с согласия адресанта, который изначально сочинял его в расчете на публичность. Когда Ломоносов писал: «По желанию вашему все, что в моей силе состоит, готов исполнить, и только одного избавлен быть прошу, чтоб мне не вступить ни в какие критические споры», — он имел в виду, что это письмо и будет его ответом, и вложил туда столько красноречия, сколько в партикулярные письма не вкладывал.

Коль важность замыслов порочить постыдились, / На рифмы и слова безстыдно устремились. — Рифму «Россия / Индия» из ломоносовской «Оды на день восшествия на престол Императрицы Елисаветы Петровны» (1747) осудил Сумароков в «Критике на оду» (<не позже 1751 г.>): «Индия и Россия — рифмы самые бедные и выговором, и тем, что они обе имена свойственные, что только в самой нужде полагается»⁶⁰. Елагин, высмеяв пиндаризм Ломоносова в пародии на «Тамиру», присягнул в «Сатире на петиметров» Сумарокову как мастеру рифмовки и легкого, ясного слога и повторил его замечание: «Или как наш Пиндар, вписав в свой стих *Россию*, / Любуется, сыска<в> к ней рифмою *Индию*»⁶¹. Это было нарративным перемигиванием (*clin d'œil narratif*, как бы двусмысленно это ни звучало в случае с Сумароковым), — он знает его критику, и он с нею заодно, — но выглядело совершенно неприлично, потому что Ломоносов в тексте упоминался мимоходом, не слишком к месту, только в этой связи и больше ни в какой. Шувалову не сразу удалось разжечь пламя с помощью одной искры. В *БР* она погашена горацанским уроком *Verum ubi plura nitent in carmine...* о соразмерности критики делам (сочинениям, где достоинства явно перевешивают недостатки). В «Исполнении», перед тем как перейти к разгрому Елагина и его учителя, Ломоносов отразит эскападу, вооружившись Расином: «В присланном Елагина письме к Сумарокову, где он употребленный Лом<оносовым> рифм: Россия — Индия на смех в пример поставил, я подлинно знаю, что сей рифм так же нехорош, как Mit<h>ridate et Ar<b>ate у Расина, и для того Елагин лжет, чтоб он

⁶⁰ См.: [16, т. X, с. 84]. Позже он спародировал ее в «Оде вздорной III» («Среди зимы в часы мороза...»), где рифмуются «Италия / Ост-Индия».

⁶¹ Ржев., л. 6.

им любовался»⁶². В трагедии Расина «Митридат» (1673) имена царя Митридата и его конфидента губернатора Нимфеи Арбата рифмуются пять раз («Mithridate / Arbate», I. 1, II. 1, II. 3, V. 3, V. 4); и Арбата (I. 1), и Митридата (III. 1) Расин рифмует с Евфратом. Я не отыскал свидетельств, что во Франции XVII–XVIII вв. это считалось «примером неудачной рифмовки собственных имен» [14, с. 101] или даже выносилось на суд⁶³. Ломоносов не винится, а ссылается на прецедент: если классику позволительно релатинизировать «Арбейта» (Arbatum), чтобы срифмовать с «Митридатом» (Mithridatum), простительно и насильственное ударение в «Индии»; это графическая рифма, где графика вынуждает читать второе слово не по правилам.

Но что тот чистый муж, несносный волокита. – Темой эпиграмм на Елагина станет его женитьба на Наталье Алексеевне Ратиковой, бывшей камер-юнгфере (комнатной девушке) Елизаветы. Брак заключен не позднее 1750 г. [6, с. 197], в период службы в Лейб-Кампанском корпусе, где он пробыл до 17 марта 1751 г. [4, с. 97], и был последним: Елагин завещает все имущество Наталье Алексеевне, «а по ней дочери его, действительной статской советнице Александре Ивановне Бутурлиной» [3, с. 202]⁶⁴. В Петербурге говорили, что Елагин узаконил чужую дочь и женился, согласившись с такой кондицией. Ни в академическом «Оправдании», ни в

---

⁶² Цитирую список ИРЛИ по: [14, с. 102] с поправлением испорченного «Mithridate et Ardате». В других это место испорчено хуже, а французские слова опущены, ср.: «я подлинно знаю, что сей рифм так же хорош, как у россияна... и для того елагин лжет» (РС, с. 28), «Я подлинно знаю, что сей рифм так же нехорош, как [оставлено пустое место. – М. О.] у Расина» (Ржев., л. 7).

⁶³ Замечание об этой рифме будет у П. Верлена (А. F. Cazals, 1888). О новых смыслах, возникающих из рифм «Митридата», в том числе о поэтологической перспективе рифмовки имен конфидентов с именами хозяев (Митридат / Арбат, Моним / Федим): [18, р. 29–33].

⁶⁴ Тут опубликованы выдержки из духовной и впервые установлена девичья фамилия жены Елагина по дворянской родословной книге Санкт-Петербургской губернии за 1789 г. В завещании указано, что у Елагина были две дочери – Александра Ивановна, вышедшая замуж за действительного статского советника Николая Ивановича Бутурлина, и Марья Ивановна, умершая в девицах в 1774 г., рядом с которой он велел себя похоронить в Александро-Невском монастыре. Сумароков издал «Элегию на смерть Марии Ивановны Елагиной, дочери Ивана Перфильевича, 1774 года» («Елагина, куда твою судьбою...»).

полемическом «Исполнении» Ломоносова не было «личностей», но он напишет эпиграмму из 28 стихов «Златой младых людей и безсуетной век...», которая в *РС* имеет заголовок «Епиграмма на сатиру Ел<агина> чрез Л<омоносова>». В ней Елагин выводится как потаскун, который, женившись, потерял право «любить» и оттого ополчился на молодых людей и незамужних красавиц, обнеся их кокетками и щеголями. Ломоносов рекомендовал оскорбленным напоминать Елагину, что он прикрыл своей женитьбой сексуальные проказы князя, от которого понесла Ратикова:

И знайте, что чего теперь не имеет сам,
То хочет запретить ругательствами вам.
Обиду вы свою напрасную отмстите,
И глупому в глаза насмешнику скажите: <...>
Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,
Что будешь подлинно на перву ночь свояком,
Что будешь вотчим слыть, на девушке женься,
Или отец княжне, сам будучи не князь⁶⁵, –

и этому совету последует автор «Превращенного “Петиметра”», который повторит *bon mot*:

Известно то уж всем, что знал ты и до брака,
Что будешь ты иметь и сам в ту ночь свояка
И будешь вотчим слыть, на девушке женься,
Или отец княжне, сам будучи не князь⁶⁶.

«Чистый муж» в *БР* отсылает к тому же обстоятельству; «личность» редуцирована, но глухой отзвук ее слышится. Упрек в волокитстве будет повторен в эпиграмме Школьника «К Балабану»: «Но ты, Перфильев сын, на что сатиры клал, / На что кокеток ты уж пуще всех ругал<,> / Вить ты и сам какет и арешик был! / Ты и всем маллашкам не мил! <...> Сам скорее всех понял петиметров поступки: / Сам же ты хватал у какеток всегда юпки<,> / А ныне стал хулить подобных себе людей...»⁶⁷.

---

⁶⁵ *РС*, с. 26. Публикацию по ломоносовскому автографу см.: [5, т. 8, с. 540].

⁶⁶ *РС*, с. 25; НИОР БАН. Тек. пост. 640, л. 21 об.

⁶⁷ НИОР БАН. Тек. пост. 640. Л. 23–23 об.

И Аполлону ты и музам стал досаден. – Ср. в «Исполнении»: «Однако еще несноснее, что он Апполонна, действительно столкнув с Парнасса, хочет муз отдать в послушание Александру П.»⁶⁸.

Вергилия любил Гораций в жизни крайню, / Тибула почитал Овидий чрезвычайно ~ Зоил Гомеров<ы> всегда стихи ругал ~ Ему за честь твоя вменяется хула, / Незнающего брань ему что похвала. – Персоналии Гомер vs Зоил, Овидий, Вергилий фигурируют в «Оправдании», где Ломоносов доказывает, что его высокопарность имеет классические образцы, и что «шайка» Елагина, критикуя его, унижает поэтов древности: «они [ненавистники] меня своей хулой хвалят <...> я весьма тому рад, что имею общую часть с толь великими людьми [Гомером, Овидием и Вергилием], и за великую честь почитаю с ними быть опорочен неправо; напротив того, за великое несчастье, ежели зоил меня похвалит» [5, т. 10, с. 492].

Что лишняя склады в стопах тебя манят. – Елагин, сатира которого писана 6-стопным ямбом, где стихи с мужскими рифмами имеют 12 слогов, а с женскими – 13, укоряется переходами на 7-стопный (ср. «Понравится ль убор его таким, каков он сам», «И одяние его надмеру похваляют») и даже 8-стопный ямб. (Они могли быть просто рукописными искажениями и довольно легко выправляются, но выправлять их нельзя, иначе будет не понятно, к чему придирались в них современники.) В «Исполнении» Ломоносов замечал, что Елагин «уже больше десяти лет назад стихи кропать начал и поныне, как из прилагаемых строчек видно, стихотворческой меры и стоп не знает, не упоминая чистых мыслей, справедливости изображений и надлежащим образом употребления похвал и примеров» [5, т. 10, с. 493].

Но третей больше ты ему наносишь стыд, / Что будто рифмы он перед тобой творит. – Отсылка к ст. 7–16 «Сатиры на петиметра», где Елагин обращается к Сумарокову с вопросом «Где рифмы ты берешь...» и восхищается его навыком рифмовать: «Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся, / И ищучи ее, работал и ломался; / Не вижу, чтоб искав сердился ты на них: / Они, встречаясь, кладутся сами в стих» [РС, л. 19]. Изображение мук творчества у Елагина превращается в автокарикатуру в ст. 17–22, где он пишет,

⁶⁸ Ржев., 7 об., ср.: [5, т. 10, с. 498].

как, подбирая «годные» рифмы, терпит неудачи, грызет перо и бегает по горнице, «засыпан табаком». Это риторическое самоуничтожение перетолковывалось буквально в *БР*, где автор советует Елагину выйти на улицу и послушать, как рифмуют дети; в «Превращенном “Петиметре”»: «Напрасно объявил ты о себе тот срам, / Что ты по горнице раз сто вокруг обойдешь, / А рифмы ни одной под стулом не найдешь <...> Засыпан табаком, по всем углам кружишься» [12, т. 2, с. 385]; в «Эпиграмме на Ел<агина>» Ф. С<укина>»: «Ты петиметром быть и сам всем сердцем хочешь, / Да денег лишь занять, найти нигде не можешь. / Богатство на табак свое, зная, издержал, / Как засыпался им, стихи когда писал» [*РС*, с. 28; 12, т. 2, с. 386]; в эпиграмме «Защитник истины, гонитель новых мод...»: «Жаль, друг мой, мне п<е>ра, изгрыс что без успеха, / Но вместо похвал<ы> далася довольно смеха, / И платье, что бесплодно марал ты табаком, / И в критиках изрядным описан дураком»⁶⁹.

«Защитник истенны», «пороков злых гонитель», / Зачем не придано и «веры покровитель»? / Некстати жалуешь титулом ты чужим. – Несправедливых «титулов», которые пожаловал Сумарокову и его произведениям Елагин, было, по Ломоносову, четыре: «“Семира” пышная», «сын Минервы», «наперсник Буалов» и «защитник истины». «Однако Перфильевич называет его защитником истины; титул больше, нежели короля аглинского: он пишется *защитник веры*, но правой или нет о том сомневаться позволено»⁷⁰. Титул английских королей – *fidei defensor* (защитник веры), «покровитель веры» обратно переводится как *promotor fidei* (покровитель или укрепитель веры), что отсылает к названию должности в римском католицизме, более известной как «адвокат дьявола», – лица, которое должно собрать аргументы против канонизации или беатификации праведника. Пародийный «титул» явно восходит к ломоносовскому *bon mot*, есть два варианта: либо это вмешательство копииста, и в оригинале стояло «веры защититель», и тогда можно было бы предполагать, что «Исполнение» к этому времени уже было готово, либо автор неверно запомнил *bon mot*, и тогда *БР* написан до «Исполнения», потому что если бы оно

⁶⁹ Ржев., л. 14, опубликована со всеми неисправностями [7, с. 147].

⁷⁰ Ржев., л. 7, ср.: [5, т. 10, с. 494].

было перед глазами, такая ошибка невозможна. Впрочем, она незаметна, потому что в сатире ничего не говорится об английском короле, и «покровитель веры» выглядит просто как еще один «чужой», неподходящий титул.

«Как стихотворцом быть сначала ты старался, / Коль часто именем ево ты пролыгался». – Пролыгаться ‘ложно называться чужим именем’, тут, видимо, в значении ‘использовать чужое имя при сочинении пародии’ на «Тамиру и Селима» (1750) Ломоносова, «пролыгательство» видно в елагинской афише: «Актриса, изображающая Тамиру, будет убрана драгоценным бисером и мусиею. В сей бисер и в сию мусию чрез химию превращены Пиндаровы лирические стихи собственными руками сего великаго стихотворца» [15, т. 2, с. 435]. О «пародии его на “Тамиру”» Ломоносов вспоминал в «Оправдании». В портфелях Миллера сохранилась только афиша, которую М. Сухомлинов датировал 1753, а А. Морозов – 1752 г., «когда Ломоносов хлопотал об устройстве фабрики для производства бисера и мозаичных составов» [10, с. 408], но из письма Ломоносова, кажется, следует, что была собственно перелицовка, так как слово «пародия» употреблялось тогда в смысле карикатуры на конкретный текст, а не вышучивания стиля вообще⁷¹. Из «часто», если это не гипербола, следует, что были и другие пародии.

«И сам учитель твой то доказал стихами, / Сначала он и сам другим в<о>след ходил». – Сумароков, перед тем как перейти на систему, предложенную Ломоносовым, писал оды на 1740 г., поднесенные Анне Иоанновне от кадетского корпуса [13, с. XX], «хореическим пентаметром» и «хореическим эксаметром», следуя учению Тредиаковского в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735). Это всегда помнил Ломоносов, указавший в записке 1760 г.: «Génie créateur (Сумароков. – М. О.): стихосложение принял сперва развращенное от Третьякова и на присланные из Фрейберга [правила], сродные нашему языку и свойственные (“Письмо о правилах российского стихотворства” Ломоносова. – М. О.), написал ругательную эпиграмму, однако

---

⁷¹ См.: [1, с. 16]. Добавлю к приведенным примерам, что тетрадь Миллера с текстами, травестирующими «Гимн бороде» («Переодетая борода», «Гимн подыаему»), называется «Lomonosow. Auf den Bart mit Parodien» [Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 20. Оп. 4. Ед. хр. 6, 13].

после им же последовал и писал по ним все свои трагедии и другие стихи» [5, т. 9, с. 634]. В «Исполнении» этой справки нет.

«И рифмам <кто> мужским свободу учинил». – В заслугу Ломоносову ставится реабилитация мужских рифм. Третьяковский в «Новом и кратком способе...» уподоблял сочетание женских рифм с мужскими – замужеству молодой «европейской красавицы» с «дряхлым... девяносто лет имеющем арапом», Ломоносов, настаивая на таком чередовании, в эпиграмме «На сочетание стихов российских» называл мужскую рифму «завидным молодцом» и «законным мужем» женской [5, т. 8, с. 1027]. Автор *БР* призывает помнить, что сумароковские легкость и естественность стиха, которые Елагин поднимает на щит, критикуя высокопарность ломоносовских од, стали возможны благодаря реформе Ломоносова.

Автору *БР* слишком нападать на Сумарокова было неловко: реализуя тактику Ломоносова, он бил прицельно, хотя и вполсилы, по Елагину и пропускал удары по Сумарокову. Нелепые похвалы хуже брани, и Сумарокову не нужны враги с такими друзьями, каков Елагин, утверждает Ломоносов в «Исполнении» и расправляется с обоими, используя те же аргументы.

Список литературы

1. Алексеева Н.Ю. «Вздорные оды» А.П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // XVIII век. Сб. 25. СПб.: Наука, 2008. С. 4–25.
2. Барков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 224 с.
3. Г.С. Иван Перф<ильевич> Елагин // Русская старина. 1887. Т. 55 (июль – сентябрь). С. 202.
4. [Круглый А.О.] И.П. Елагин. Биографический очерк А.О. Круглага // Ежегодник императорских театров. Сезон 1893–1894 гг. / ред. А.Е. Молчанов. СПб.: Типография Императорских С.-Петербургских театров, 1895. С. 96–118.
5. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983.
6. Лонгинов М.Н. Биографические сведения о русских писателях XVIII века и библиографические известия об их произведениях. XI. Иван Перфильевич Елагин // Русская старина. Т. II. 1870. С. 197–200.
7. Мартынов И.Ф., Шанская И.А. Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (Сборник А.А. Ржевского) //

- XVIII век. Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: Наука, 1976. С. 131–148.
8. *Модзалевский Л.Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (К вопросу о литературной преемственности) // XVIII век. Вып. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 111–169.
  9. *Моисеева Г.Н.* К истории литературно-общественной полемики // Искусство слова. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Дмитриевича Благого. М.: Наука, 1973. С. 56–64.
  10. *Морозов А.А.* Михаил Васильевич Ломоносов, 1711–1765. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1952. 855 с.
  11. Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII – первая треть XIX в. / сост. И.Ф. Мартынов. Л.: Изд-во АН СССР, 1980. 352 с.
  12. Поэты XVIII века: в 2 т. / сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана; подготовка текста и примечания Н.Д. Кочетковой, Г.С. Татищевой и Л.И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1972. (Б-ка поэта; Бол. сер.)
  13. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Издал А. Куник. Части I–II. СПб.: у комиссионеров Имп. Акад. наук, 1865. 530 с.
  14. *Серман И.З.* Из литературной полемики 1753 года // Русская литература. 1964. № 1. С. 99–104.
  15. Сочинения М.В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. 503 с.
  16. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 10. М.: Университетская типография, 1787. 276 с.
  17. *Фролова С.А.* Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. – 1891 г.): дис. ... канд. ист. наук.; науч. рук. Г.Н. Вульфсон. Казань, 1998. 278 с.
  18. *Dubu J.* Mithridate, pourquoi? // Revue d'Histoire littéraire de la France, 1999, 99 e Année. No. 1 (Jan. – Feb.). P. 17–40.

References

1. Alekseeva, N. Yu. “‘Vzdornye ody’ A.P. Sumarokova v ikh otnoshenii k ego torzhestvennym odam” [“‘Nonsense Odes’ by A.P. Sumarokov as Related to His Solemn Odes”]. *XVIII vek. Issue 25*. St Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 4–25. (In Russ.)

2. Berkov, P.N. *Lomonosov i literaturnaya polemika ego vremeni. 1750–1765* [*Lomonosov and the Literary Controversy of His Time. 1750–1765*]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1936, 224 p. (In Russ.)
3. G.S. “Ivan Perf<il’evich> Elagin” [“Ivan Perfilevitch Elagin”]. *Russkaya starina*, vol. 55, 1887, p. 202. (In Russ.)
4. [Kruglyi, A.O.] “I.P. Elagin. Biograficheskii ocherk” [“I.P. Elagin. Biographical essay”]. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov. Sezon 1893–1894 gg.*, ed. A.E. Molchanov. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskikh Peterburgskikh teatrov Publ., 1895, pp. 96–118. (In Russ.)
5. Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [*The Complete Works*]: in 11 vols. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1950–1983. (In Russ.)
6. Longinov, M.N. “Biograficheskiya svedeniya o russkikh pisatelyakh XVIII veka i bibliograficheskiya izvestiya ob ikh proizvedeniyakh. XI. Ivan Perfil’evich Elagin” [“Biographical Information on Russian Writers of the 18th Century and New Bibliographic Facts about Their Works. XI. Ivan Perfilevitch Elagin”]. *Russkaya starina*, vol. II, 1870, pp. 197–200. (In Russ.)
7. Martynov, I.F., Shanskaya, I.A. “Otvzuki literaturno-obshchestvennoi polemiki 1750-kh godov v russkoi rukopisnoi knige (Sbornik A.A. Rzhevskogo)” [“Echoes of the Literary and Public Controversy of the 1750 s in the Russian Manuscript Books (Collection of A.A. Rzhevsky)”]. *XVIII vek. Issue 11: N.I. Novikov i obshchestvenno-literaturnoe dvizhenie ego vremeni*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 131–148. (In Russ.)
8. Modzalevskii, L.B. “Lomonosov i ego uchenik Popovskii (K voprosu o literaturnoi preemstvennosti)” [“Lomonosov and His Disciple Popovsky (On the Issue of Literary Continuity)”]. *XVIII vek. Issue 3*. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, pp. 111–169. (In Russ.)
9. Moiseeva, G.N. “K istorii literaturno-obshchestvennoi polemiki” [“On the History of Literary and Social Controversy”]. *Iskusstvo slova. Sbornik statei k 80-letiyu D.D. Blagogo* [*Art of the Word. Collection of Articles on the 80th Anniversary of D.D. Blagoy*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 56–64. (In Russ.)
10. Morozov, A.A. *Mikhail Vasil’evich Lomonosov, 1711–1765* [*Mikhail Vasilevitch Lomonosov, 1711–1765*]. Leningrad, Leningradskoe gazetno-zhurnal’noe i knizhnoe izd-vo Publ., 1952, 855 p. (In Russ.)
11. *Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki AN SSSR. Vyp. 2. Stikhotvoreniya, romansy, poehmy i dramaticheskie sochineniya XVII – pervaya tret’ XIX v.* [*Description of the Manuscript Section at the Library of the Academy of Sciences of the USSR. Issue 2. Poems, Romances, Verse and Dramatic Works of the 17th – the First Third*]

- of the 19th Century], comp. by I.F. Martynov. Leningrad, AN SSSR Publ., 1980, 352 p. (In Russ.)
12. *Poehty XVIII veka* [Poets of the 18th Century]: in 2 vols., comp. by G.P. Makogonenko, I.Z. Serman. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1972. (In Russ.)
  13. *Sbornik materialov dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk v XVIII veke* [Collection of Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences in the XVIII Century], publ. A. Kunik. Part I-II. St Petersburg, U Komissionerov Akademii Nauk Publ., 1865, 530 p. (In Russ.)
  14. Serman, I.Z. "Iz literaturnoi polemiki 1753 goda" ["From the Literary Controversy of 1753"]. *Russkaya literatura*, no. 1, 1964, pp. 99–104. (In Russ.)
  15. *Sochineniya M.V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M.I. Sukhomlinova* [M.V. Lomonosov's Works with Explanatory Notes by Academician M.I. Sukhomlinov]. Vol. I. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1891, 503 p. (In Russ.)
  16. Sumarokov, A.P. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii v stikhakh i proze* [The Complete Works in Verse and Prose]. Part 10. Moscow, Universitetskaya tipografia Publ., 1787, 276 p. (In Russ.)
  17. Frolova, S.A. *Kazanskaya vetv' dvoryanskogo roda Molostvovykh (vtoraya polovina XVIII v. – 1891 g.)* [Kazan Branch of the Noble Family of the Molostvovs (second half of the 18th century – 1891)]. PhD in History Dissertation. Kazan', 1998, 278 p. (In Russ.)
  18. Dubu, J. "Mithridate, pourquoi?" *Revue d'Histoire littéraire de la France*, 99 e Année, no. 1 (Jan. – Feb.), 1999, pp. 17–40 (In French.)

А.Н. Николюкин,**М.В. Толмачёва**

© Толмачёва М.В., 2023

С.П. ШЕВЫРЁВ О МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00020: Шевырёв С.П. Полное собрание литературно-критических трудов).

Аннотация. Статья обращена к ключевым моментам первых ста лет Московского университета как их описал в своей книге 1855 г. «История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855» Степан Петрович Шевырёв (1806–1864) – литературный критик и историк литературы, проработавший в Московском университете с 1834 до юбилейного 1855 г. Изложение ведется, начиная с событий, предшествовавших подписанию императрицей Елизаветой Петровной в 1755 г. в Татьянин день – 12 января (по старому стилю) – «Проекта об учреждении Московского университета», и заканчивается повествованием о жизни университета при императоре Николае I. Шевырёв рассказывает, как формировались и изменялись университетские структуры, повествует о преподавателях и студентах, о появлении при университете гимназии и типографии – всюду приводя множество деталей и подробностей. За этими подробностями, однако, не теряется главное – четкая идейно-нравственная позиция Шевырёва: императорская власть показана как определяющая в организации и всей последующей жизни университета.

Ключевые слова: основание Московского университета; торжества по поводу открытия университета; первые факультеты; кураторы и директора университета; требования к студентам; университетская

гимназия; университетская типография; Елизавета Петровна; Николай I; И.И. Шувалов; М.В. Ломоносов.

Получено: 01.07.2023

Принято к печати: 20.08.2023

Информация об авторах: Николюкин Александр Николаевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия.

Толмачёва Мария Васильевна, журналистка, независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: tolmacheva_job@inbox.ru

Для цитирования: Николюкин А.Н., Толмачёва М.В. С.П. Шевырёв о Московском университете // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 117–125. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.07

Aleksandr N. Nikolyukin,

Maria V. Tolmacheva

© Tolmacheva M.V., 2023

S.P. SHEVYREV ABOUT MOSCOW UNIVERSITY

Acknowledgements. *The work was financially supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00417).*

Abstract. The article deals with the key moments from the Moscow university's first hundred years as they are described by Stepan P. Shevyrev in his book “*The History of the Imperial Moscow University... 1755–1855*”. Stepan P. Shevyrev (1806–1864) – Russian literary critic who worked in Moscow university in 1834–1855 years, just till its centenary anniversary. The history begins from the events that led in 1755 to the signing of the “Project on the establishment of the Moscow university” by the Empress Elizabeth and lasts till the epoch of Nicholas I. Shevyrev tells about the formation and change of the university's structures, about professors and students, about the emergence of a gymnasium and a printing house at the university. No matter what we are talking about, he gives a lot of details everywhere. Behind these details, however, the main thing is not lost – Shevyrev's clear moral position: imperial power is considered to be decisive in the organization and entire subsequent life of the university.

Keywords: foundation of Moscow University; celebration of the opening of University; first faculties; curators and directors of the University;

requirements for students; university gymnasium; university typography; Empress Elizabeth; Emperor Nicholas I; I.I. Shuvalov; M.V. Lomonosov.

Received: 01.07.2023

Accepted: 20.08.2023

Information about the authors: Aleksandr N. Nikolyyukin, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Maria V. Tolmacheva, Journalist, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: tolmacheva_job@inbox.ru

For citation: Nikolyukin, A.N., Tolmacheva, M.V. “S.P. Shevyrev about Moscow University”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 117–125. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.07

«Я вчера получил присланный мне Вами экземпляр вашей “Истории Московского Университета”, – писал С.П. Шевырѐву профессор кафедры русской словесности и ректор Санкт-Петербургского университета (1840–1861) П.А. Плетнѐв. – Нельзя сказать, что я прочитал книгу: я проглотил ее – так она увлекательна. В честь Университета Вы воздвигли такой памятник, которым он вечно гордиться будет. Вот это труд – так труд! Боже мой! Сколько тут собрано и открыто таких занимательных подробностей, о которых потомство без Вас и не узнало бы» (цит. по: [1, с. 31]).

С.П. Шевырѐв стал профессором Московского университета в 1837 г. До этого, защитив в 1833 г. диссертацию «Дант и его век», с января 1834 г. как адъюнкт-профессор читал в университете курс по истории российской словесности, а в 1836 г. получил степень доктора философии за сочинение «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» (1836).

Историю Императорского Московского университета он написал к столетию существования университета [6]. Наряду с Шевырѐвым, историей Московского университета занимался и младший славянофил А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) [см.: 3; 4; 5].

Как установлено Е.Д. Алексеевой, к работе над «Историей...» Шевырѐв привлек своих учеников П.И. Бартенева и П.А. Бессонова, а также Н.С. Тихонравова [см.: 2, с. 218].

Учреждение Московского университета было дальнейшим развитием мысли Петра Великого о создании Академии. Шевырѐв вспоминает о «мудрых беседах» Петра, мечтавшего об учреждении многих университетов в России. 12 января 1724 г. Пётр ос-

новал Академию наук, где каждому профессору и академику полагалось иметь для обучения двух русских студентов или адъюнкта.

Шевырёв называет три значимых для истории русского просвещения имени: императрица Елизавета Петровна, Иван Иванович Шувалов, Михаил Васильевич Ломоносов. Елизавета Петровна основала в 1755 г. Московский университет, Шувалов вместе с Ломоносовым стали создателями проекта университета.

Сохранилось письмо Ломоносова к Шувалову, где он пишет, что пришлет план, целый и полный. Ломоносов предлагал создать три факультета: юридический и медицинский, где работало бы по три профессора, а также философский факультет с шестью профессорами. При университете предполагалась гимназия, «без которой университет, как пашня без семян» (цит. по: [1, с. 9]).

Хотя дворяне и разночинцы учились в разных гимназиях, при поступлении в университет сословные разграничения отступали на второй план: все они становились студентами. Крепостные люди тоже могли быть допущены в гимназию и университет, если получали увольнительное свидетельство от своих помещиков.

Местом для первого русского университета была выбрана Москва по следующим причинам, которые перечисляет Шевырёв: 1) большое число дворян и разночинцев в городе; 2) географическое положение столицы в сердце русского государства; 3) небольшие финансовые затраты на его содержание; 4) широкие родственные связи и знакомства у студентов и учеников; 5) множество домашних учителей в Москве.

В университете, как и предлагал Ломоносов, первоначально было три факультета: юридический, медицинский и философский (последний – под управлением Синода). На юридическом, где изучались всеобщая юриспруденция, российская юриспруденция и политика, было три профессора, также трое работало на медицинском (аптекарская химия, натуральная история, анатомия) и четыре – на философском (философия, физика, красноречие, всеобщая русская история).

Лекции читались на русском или латинском языках пять дней в неделю, причем профессор не имел права сам выбирать, как и что он будет читать, но обязан был подчиниться решению университетского начальства. Чтобы стать студентом, надо было сдать экзамен; обучение продолжалось три года. Ежегодно в награду за

лучшие сочинения на заданные темы студентам раздавалось восемь медалей – золотых и серебряных, вручение которых сопровождалось публичными торжествами. По окончании университета студенты получали аттестат и могли определяться в гражданскую службу.

Университет курировали Иван Иванович Шувалов и Архитектор Блументрост, первый президент учрежденной Петром Академии. Шувалов, деятельно участвовавший в создании университета, не оставлял его своей заботой и когда в 1762–1777 гг., получив дипломатическое назначение, был за границей. До своей смерти в 1797 г. Шувалов постоянно носил звание куратора.

Первым директором университета стал коллежский советник Алексей Михайлович Аргамаков (1711–1757), один из зачинателей московского масонства, а потому университет стал одним из первых центров масонства в России.

Для университета и гимназий было выделено здание бывшей аптеки у Воскресенских ворот. Его открытие 26 апреля 1755 г. сопровождалось торжественными мероприятиями: речами, угощением и иллюминацией.

«Иллюминация привлекла народное любопытство. Она изобразила Парнас. Минерва ставит на нем обелиск во славу императрицы. У подошвы обелиска многие младенцы занимались наукой. Один из них пишет имя Шувалова. Рог изобилия и источник воды тут же, как символы будущих плодов учения. Ученик с книгой всходит по ступеням к Минерве, которая принимает его с любовью. С пальмового дерева младенец ломает ветви и держит в руке венцы и медали» (цит. по: [1, с. 19]). В память основания университета художником Дасье была выбита медаль.

Здания у Воскресенских ворот вскоре стало недостаточно, и по распоряжению сената было приобретено дополнительное помещение – дом главной аптеки на Моховой. В том же году учреждены университетские типография и книжная лавка, при университете стали выходить «Московские Ведомости». А 3 июля 1756 г. для любителей наук и чтения в университете открылась библиотека.

Вторым директором университета после смерти Аргамакова в 1757 г. указом Сената был назначен советник канцелярии И.И. Мелиссино.

В проекте Шувалова особое внимание уделялось состоянию домашнего воспитания, которое было не в лучшем виде: легковверные родители в наставники своим чадам часто приглашали невежественных иностранцев. Специальный указ Сената 1757 г. предписал представлять домашних учителей в университет для экзамена.

Летом 1758 г. учреждена Казанская гимназия, ставшая первым опытом в обширном и сложном плане Шувалова. Уже осенью того же года было велено представить план по созданию гимназий и школ в губерниях, но основаны они были лишь после смерти Шувалова, в царствование императора Александра I.

В 1759 г. в первый раз студентами университета стали ученики университетских гимназий. Прежде студенты набирались из воспитанников духовных академий или семинарий.

Университет вел достаточно интенсивную литературную и издательскую деятельность. Здесь печатал свои оды, трагедии и комедии М.М. Херасков, были изданы: сочинения Ломоносова, перевод книги Локка «О воспитании», биография и краткое изложение философии Бекона, рассуждение Боссюэ, «Басни Гольберга» в переводе студента Дениса Фонвизина, переводы комедий Мольера.

Активное участие в жизни университета приняла Екатерина II, которая выстроила новое здание на Моховой улице. Иностранных ученых стали все более потеснять русские профессора, получившие образование за границей. А потому и русский язык как язык науки получает все больше прав.

Правительство озаботилось образованием низших классов: была учреждена комиссия для народных училищ. Московский университет вместе с Академией наук был определен комиссии в помощь.

В университете бдительно следили за тем, чтобы профессора не позволяли себе никаких «дерзостей»: публиковавшиеся лекции, если были на латинском, всегда переводились на русский язык и выходили в свет вместе с русским переводом. Следили также, чтобы в речах профессоров не было прямых заимствований из чужих книг.

Старающийся не упустить ни одной детали Шевырёв описывает и как были одеты студенты университета. Это были зеленые

мундиры с красным воротником, а также непременные шляпа и шпага. Шпага вручалась при посвящении в студенты, и за плохое поведение ее могли отобрать. Кроме того, за проступок студента могли посадить на хлеб и на воду, три дня обязать носить крестьянское платье и лишить жалованья на месяц.

Лучшие студенты назначались цензорами, в обязанности которых входило наблюдение за другими студентами, а также гимназистами. Студент должен был своим поведением не ронять честь университета и быть благонравным. Запрещались шумные сборища, пьянство и азартные игры. Студент обязывался не менее трех лет отучиться на избранном им факультете и до окончания курса наук не переходить на другой, а также свободно читать и говорить на латыни.

В 1802 г. было создано министерство народного просвещения; под его крыло и перешел университет, прежде подчинявшийся Сенату.

После пожара 1812 г., в котором сильно пострадало здание университета, он не мог больше содержать академическую гимназию, которая существовала при университете с самого открытия; по этой причине гимназия была закрыта.

В 1816 г. император Александр Павлович принял решение восстановить университетские здания. Был назначен новый попечитель А.П. Оболенский, а уже летом 1819 г. университет вновь открыл свои двери.

«Эпоха, приготовившая начала для своеобразного развития всех духовных сил народа и Государства Русского» (цит. по: [2, с. 468]), – писал Шевырѐв о царствовании императора Николая Павловича (1825–1855). 14 мая 1826 г. был выпущен новый устав университета о «приведении к единству образования юношества», а в 1831 г. вышел указ, запрещающий принимать в студенты не завершивших гимназическое образование.

В 1835 г., император утвердил общий Устав императорских российских университетов. В 1844 г. был утвержден указ о степенях магистра и доктора. Описание жизни университета в период правления Николая I, проникнуто глубоким чувством любви к престолу. Именно в этот период – с 1834 по 1855 г. – служил в университете Шевырѐв.

В книге Шевырёва о Московском университете императорская власть показана как определяющая в организации всей жизни университета. В этом Шевырёв усматривает позитивное начало – такова его духовно-нравственная позиция. Давая исключительно положительные оценки описываемому, он с одобрением отмечает, что чинопочитание пронизывает всю структуру научной жизни и взаимоотношений преподавателей.

Список литературы

1. *Алексеева Е.Д.* «Мы дела “Шевырёвского” не могли оставить...» (О подготовке к празднованию 100-летнего юбилея Московского университета) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. М., 2005. № 4. С. 3–32.
2. *Алексеева Е.Д.* С.П. Шевырёв в общественной жизни дореформенной России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 287 с.
3. *Гаврилов И.Б., Калитин В.А.* А.Ф. Гильфердинг и С.П. Шевырёв: малоизвестные страницы из Истории Московского университета (по архивным материалам) // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 108–129.
4. *Парсамов В.С.* «История императорского Московского университета» С.П. Шевырёва: исторический нарратив в политическом контексте. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 36 с.
5. *Прояева И.В.* М.В. Ломоносов и открытие Московского университета // Вестник ОГУ. 2011. № 17(136). С. 341–346.
6. *Шевырёв С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М.: В Университетской типографии, 1855; М.: Книга по требованию, 2016. 584 с.

References

1. *Alekseeva, E.D.* “‘My dela *Shevyrevskogo* ne mogli ostavit’...’ (O podgotovke k prazdnovaniyu 100-letnego yubileyu Moskovskogo universiteta)” [“‘We Could Not Leave the *Shevyrev’s* Case...’ (About Preparations for the Celebration of the 100th anniversary of Moscow University)"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8: History. Moscow, 2005, no. 4, pp. 3–32. (In Russ.)

2. Alekseeva, E.D. *S.P. Shevyrev v obshchestvennoi zhizni doreformennoi Rossii* [*S.P. Shevyrev in the Public Life of Pre-reform Russia*]. PhD in History Dissertation. Moscow, 2006, 287 p. (In Russ.)
3. Gavrilov, I.B., Kalitin V.A. “A.F. Gil’ferding i S.P. Shevyrev: maloizvestnye stranitsy iz Istorii Moskovskogo universiteta (po arhivnym materialam)” [“A.F. Gilferding and S.P. Shevyrev: Little-known Pages (on the Archivs)”], *Khristianskoe chtenie*, no. 6, 2018, pp. 108–129. (In Russ.)
4. Parsamov, V.S. “*Istoriya imperatorskogo Moskovskogo universiteta*” *S.P. Shevyreva: istoricheskii narrative v politicheskom kontekste* [*S.P. Shevyrev’s “The History of the Imperial Moscow University”: the Historical Narrative in Political Context*]. Moscow, Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki Publ., 2013, 36 p. (In Russ.)
5. Proyaeva, I.V. “M.V. Lomonosov i otkrytie Moskovskogo universiteta” [“M.V. Lomonosov and the Opening of the Moscow university”], *Vestnik OGU*, no. 17(136), 2011, pp. 341–346. (In Russ.)
6. Shevyrev, S.P. *Istoriya imperatorskogo Moskovskogo Universiteta...* [*The History of the Imperial Moscow University...*]. 1755–1855. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2016, 584 p. (In Russ.)

С.А. Шульц
© Шульц С.А., 2023

**М.И. ЦВЕТАЕВА – Ф.И. ТЮТЧЕВ («SILENTIUM!») –
Л.Н. ТОЛСТОЙ («АННА КАРЕНИНА»): К ГЕРМЕНЕВТИКЕ
СООТНОШЕНИЯ ПОЭЗИИ И СЛОВА,
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И ОБЩЕЙ ЖИЗНИ**

Аннотация. Группа поэтических текстов М.И. Цветаевой, близких смысловым антиномиям «искусство» / «действительность», «поэзия» / «жизнь», «слово» / «молчание», «слово» / «мысль» и т.п., образует семантические схождения со стихотворением Ф.И. Тютчева «Silentium!» и с романом Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Эти схождения (интертексты) внесистемны, фрагментарны, представляют собой словно смысловые «куски» (термин Р. Рорти). Стихотворение Тютчева с его формулой «Мысль изреченная есть ложь» отрицает декартовско-кантовский гносеологический субъект, выдвигая взамен него образ индивидуальной души (микрокосма), превосходящий по масштабу сам макрокосм. В романе Толстого «Анна Каренина» преломлены идеи тютчевского стихотворения «Silentium!» о невыразимости индивидуальной души как чего-то более богатого, чем сам макрокосм, и развернуто обличение мировой лжи и фальши, подхваченное затем в творчестве Цветаевой.

Ключевые слова: М.И. Цветаева; Ф.И. Тютчев; Л.Н. Толстой; слово, жизнь, фальшь.

Получено: 15.08.2023

Принято к печати: 12.09.2023

Информация об авторе: Шульц Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, независимый исследователь, Ростов-на-Дону, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>

E-mail: s_shulz@mail.ru

Для цитирования: Шульц С.А. М.И. Цветаева – Ф.И. Тютчев («*Silentium!*») – Л.Н. Толстой («*Анна Каренина*»): к герменевтике соотношения поэзии и слова, индивидуальной и общей жизни // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 126–146. DOI: 10.31249/litzhur/2022.62.08

Sergei A. Shul'ts
© Shul'ts S.A., 2023

**M.I. TSVETAeva – F.I. TYUTCHEV (*SILENTIUM!*) –
L.N. TOLSTOY (*ANNA KARENINA*): TOWARDS
THE HERMENEUTICS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN
POETRY AND WORD, INDIVIDUAL AND COMMON LIFE**

Abstract. A group of poetic texts by M.I. Tsvetaeva close to the semantic antinomies “art” / “reality”, “poetry” / “life”, “word” / “silence”, “word” / “thought”, etc. forms similarities with the poem by F.I. Tyutchev *Silentium!* and with the novel by L.N. Tolstoy *Anna Karenina*. These convergences (intertexts) are extra-systemic, fragmentary, they are like semantic “pieces” (R. Rorty’s term). Tyutchev’s poem with his formula “A thought uttered is a lie” denies the Cartesian-Kantian epistemological subject, putting forward in its place the image of an individual soul (microcosm), surpassing the macrocosm itself in scale. In Tolstoy’s novel *Anna Karenina* the ideas of Tyutchev’s *Silentium!* about the inexpressibility of the individual soul as something richer than the macrocosm itself are refracted and the denunciation of the world’s lies and falsehood, which was then picked up in the work of Tsvetaeva, is deployed.

Keywords: M.I. Tsvetaeva; F.I. Tyutchev; L.N. Tolstoy; word; life; falsehood.

Received: 15.08.2023

Accepted: 12.09.2023

Information about the author: Sergei A. Shul'ts, DSc in Philology, Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>

E-mail: s_shulz@mail.ru

For citation: Shul'ts, S.A. “M.I. Tsvetaeva – F.I. Tyutchev (*Silentium!*) – L.N. Tolstoy (*Anna Karenina*): Towards the Hermeneutics of the Relationship Between Poetry and Word, Individual and Common Life”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 126–146. DOI: 10.31249/litzhur/2022.62.08

Группа поэтических текстов М.И. Цветаевой, близких смысловым антиномиям «искусство» / «действительность», «поэзия» /

«жизнь», «слово» / «молчание», «слово» / «мысль» и т.п., образует семантические схождения со стихотворением Ф.И. Тютчева «Silentium!» и с романом Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Указанные схождения (интертексты) внесистемны (если использовать термин «система» в расхожем значении), фрагментарны, представляя собой как бы смысловые «куски». Еще Ричард Рорти справедливо противопоставил подлинность «кусков» смысла псевдорационалистическому, манипулирующему навязыванию ложных обобщений и однозначных оценок, а Ж. Делёз в родственном рортиевском «кускам» термине «серия» охватил иронические взаимосвязи между явлениями (см: [23; 11]).

За видимой раздробленностью представленных далее «кусков» смысла тем не менее не может не брезжить идея их внеиерархического единства. Роль последней для формирования и осознания «понимающей» гуманитарной среды как горизонта предпонимания искусства нельзя недооценивать.

П. Кучера справедливо отнес творчество М.И. Цветаевой к позднему символизму [19], чем косвенно признана ее близость также классическому романтизму (прямо эксплицированная С. Ельницкой [12]), наследником которого в той или иной мере явился символизм (подробнее см.: [18]). Как и многие символисты (и вообще модернисты), Цветаева ставила искусство выше жизни. В очерке «Мой Пушкин» она сделала признание: «...я поделила мир на поэта – и всех, и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались» [31, т. 5, с. 57–91].

Возрождая романтическую антиномию поэта как высокого избранника и окружающего мира как средоточия пошлой рутины, Цветаева создает близкий демиургическо-пророческому и романтическому / символистскому архетипу образ поэта, который в ее восприятии

...Тот поезд, на который все
Опаздывают...
– ибо путь комет –
Поэтов путь... [31, т. 2, с. 184].

«Опоздание» «всех» (всех, кто не поэт) «на поезд» превращает их в профанных личностей с заведомо упущенной возможностью сделаться «поэтом». Словоформа «опаздывают» в приведенном отрывке свидетельствует о том, что, согласно Цветаевой, поэт никогда не будет понят непозтами. Поэтому нельзя разделить мнение М.М. Бахтина, считавшего, что, в отличие от Ахматовой («признававшей» только людей артистических профессий), Цветаева была более «демократичной» [4, с. 80, 106]. Нет, Цветаева меряет все в мире сугубо мерками искусства – и в не меньшей мере, чем Ахматова.

Словоформа «издалека» в процитированном цветаевском стихотворении указывает на истоки смысла, начинающегося отсюда, откуда его совсем не ждут, из далеких перспектив и ретроспектив¹. Цветаева подчеркивает, что поэт не только творит речь, но и ведёт речь, выступает своего рода медиумом речи как надличностной мистической инстанции. Всё отмеченное выше замыкает Цветаеву в языке, в культуре, понятой как максимальное сгущение сакральной поэтической субстанции, отвоёванной у земной рутины.

Цветаева помещает фигуру поэта в один контекст с «планетами, приметами» (косвенное указание на античный мотив гадания по звездам, предсказания участи по звездам), «окольных Притч рытвинами...». Символика «окольных Притч» восходит к христианской экзегезе.

Одновременно цветаевская «окольность» вновь обращает к «издалека» льющейся речи поэта. Называя «путь комет» – путем поэта, Цветаева сближает физический и исторический космос, природу и историю. Декларированная Цветаевой «притчевость» сродни новозаветной. Через жанровое измерение притчи образ поэта становится у Цветаевой транслятором высших трансцендентных смыслов².

---

¹ Здесь возможны параллели и к понятию перспективизма у Ф. Ницше и к герменевтическому понятию контекста. Эти философские понятия были экстраполированы Цветаевой на поэтическое творчество. Подробнее см.: [37].

² Ср. с наблюдениями М.Л. Гаспарова: «В предельном своем выражении поздняя манера Цветаевой становится уже углублением <...> в слово, в звуковой и морфологический состав слова, в которых поэт силится уловить тот глубинный смысл, который, наконец, даст ему возможность высказать не поддающееся вы-

Цветаева онтологизирует язык, рассматривает его как нечто почти сверхъестественное, как чудесное явление в мире – том мире, в своей причастности к которому она нередко отказывала (особенно в цикле «Стихи к Чехии»). Цветаева возносит слово над действительностью, над жизнью. Такое слово своей исконной властной «сакральностью» побеждает жизнь как нечто сугубо общее (и подавляющее всякую отдельность), «рутинное», «тяжелое».

Цветаева сближает жизнь (как общее) с ложью. Сходное выделение индивидуальности перед лицом всеобщего было свойственно античным киникам [2, с. 130], отрицавшим (как и позднее скептики [16, с. 73]), реальность общего и вместе с ним все официально-официозное как «неистинное».

В позднем толстовском рассказе «Божеское и человеческое» позитивная ментальная трансформация образа мира в единичном сознании старика-раскольника означает реальное преображение всей действительности, что также выдвигает единичное на первый план, отодвигая права общего (подробнее см.: [34]).

В начальных строках первого стихотворения из цикла «Поэты» Цветаева касается также вопроса порождения поэтического слова:

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта – далеко заводит речь [31, т. 2, с. 184].

Согласно Цветаевой, поэт направляет свою речь исходя из собственного понимания (в́идения)³, причем направляет именно «издалека», т.е. начиная с необязательных вещей, почти случайных. Значение этого «издалека» – в контекстуальности, в фоновости, что подразумевает целостный охват поэтом мира, а также осознание себя представляющей за весь мир, за всю поэзию, за весь поэтический язык.

сказыванию»; «...созвучность слов становится ручательством истинного соотношения вещей и понятий в мире, как он был задуман Богом и искажен человеком»: [9, с. 313, 315].

³ Данный цветаевский концепт близок введенной позднее Г.-Г. Гадамером герменевтической категории «предпонимание».

Описание Цветаевой своего разлада с миром в период Второй мировой войны (цикл «Стихи к Чехии») словно продолжает толстовский нарратив об Анне Карениной в новых условиях:

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир –
Один ответ – отказ [31, т. 2, с. 372].

Добавляющийся в приведенной выше цитате к мотивам мировой фальши мотив безумия превращает для Цветаевой всю земную посюсторонность в нестерпимость радикально злого.

Анализируя разлад с миром, Цветаева (как до нее Тютчев, Толстой) подразумевают также слова Псалтыри о том, что «всякий человек есть ложь». В богословии данное высказывание трактуется двояко: 1) в качестве указания на иногда свойственную человеку слабость; 2) в качестве указания на некое радикальное зло в человеке, в силу которого всякий человек всегда соотносится со злом. Цветаева ближе ко второй трактовке (признает тотальное зло), до нее сторонниками этой же второй трактовки (тотального зла) выступали Н. Макиавелли, а также И. Кант в своей работе «О радикально злом в человеческой природе», затем Ф.М. Достоевский.

Приведем другие возможные аллюзии из цветаевского цикла «Стихи к Чехии» на обличения толстовской Анны:

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть,
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин [31, т. 2, с. 371–372].

В том же цикле «Стихи к Чехии» Цветаевой дана аллюзия на эпизод из «Братьев Карамазовых» Достоевского, где Иван отказывается от мировой гармонии, основанной на жертвах, и декларирует стремление вернуть билет в будущее царство «мировой гармонии»:

О черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет [31, т. 2, с. 371].

В приведенном отрывке Цветаева особенно осознанно противопоставляет себя миру, жизни: в сложившейся ситуации Второй мировой войны у нее не было другой возможности сохранить свою личностную идентичность, свое внутреннее ядро.

С. Витт выделила у Цветаевой, наряду с мотивами противостояния, также мотивы ответственности [7, с. 47–48]. Цветаева выводит идею поэзии в область надмирную, почти потустороннюю, почти сакральную. Помимо нее, такой подход к искусству присущ также и другим представителям великой четверицы русских поэтов XX в.: Ахматовой, Мандельштаму, Пастернаку. Признание Цветаевой ответственности перед собой и миром заметно понижает вес тех исследовательских оценок, где она расценена как якобы целиком противостоящая жизни. Например, А. Пурин излишне резко писал о якобы «самоубийственном романтизме» Цветаевой, о якобы свойственной ей «крайней степени неприятия мира» [22, с. 197].

Цветаева завершает первое стихотворение цикла «Поэты» мотивом, апеллирующим к Тютчеву:

жжя, а не согревая
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом, –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем [31, т. 2, с. 184].

Употребление Цветаевой словоформы «взрыв» сразу напоминает о строчках Тютчева из стихотворения «Silentium!»:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь –
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими – и молчи...
(курсив мой. – С. III.) [30, т. 1, с. 63].

Словоформа «взрывая» у Тютчева означает отказ от запрета на молчание, хотя весь тютчевский текст призывает именно к молчанию как способу избежать «лжи» «мысли изреченной». Тютчев ставит впереди всего саму жизнь. Поэт раскрывает образ микрокосма (индивидуальной души), превосходящего по масштабу самый макрокосм.

У Тютчева нет оппозиции поэтический избранник / пошлая толпа: и поэт, и остальные равно причастны мировой жизни, космосу и хаосу как последним данностям. Тютчевская фраза «Питайся ими (т.е. «ключами», основами жизни. – С. III.) и молчи» призывает жертвовать поэзией, искусством ради молчания как единственно истинного способа быть, даже просто способа сохранить себя в ситуации «железного века». Императив молчания объясняет столь спокойное отношение Тютчева к вопросу о публикациях своей лирики.

Б.М. Козырев считал, что тютчевская словоформа «ключи» – это «поющие в душе тайные, “неизреченные” мысли» [17, с. 102]. Для такой оценки нет основания: Тютчев предлагает «молча» «питаться» этими «ключами» (основами жизни), дабы не «возмутить их» «взрывом» произнесенного слова.

В.И. Тюпой сделан вывод о «релятивности» содержания стихотворения «Silentium!», призыв которого к молчанию будто бы предполагает только «избегать» «неосторожности» [29, с. 246–247], однако с релятивностью ли мы тут сталкиваемся? Тютчев всегда различал гносеологического субъекта декартовско-кантовского типа и душу, понятую по-шеллингиански. Именно душа была главным тютчевским интересом, что почувствовал Н.Я. Берковский, отметив, насколько Тютчев «высоко оценивал в человеке игру естественных, произвольных сил», «прихоть чувства и мысли» [3, с. 170]. Показывая «призрачность» декартовско-кантовского гносеологического субъекта (кумира новейшего времени), Тютчев полемически утверждает духовно-кровно связанную с космосом и хаосом «душу» в качестве средоточия истинной жизни.

Поэтому вовсе не приходится говорить о якобы тютчевской «релятивности», равно как и о его якобы «имперсонализме» [14, с. 319]: поэт отрицает не личность, но только индивидуалисти-

ческое гносеологическое «я», сводящее индивидуальность лишь к узкой сфере познания, только к узкой сфере ума⁴.

Новый поворот в трактовке тютчевского императива молчания может вызвать замечание В.В. Библихина: «Когда человек не говорит, это обстоятельство требует объяснения: он еще не вырос, он потерял дар речи, он не хочет говорить» [5, с. 70–72]. Трактовка В.В. Библихина позволяет соотнести «потерю» тютчевским индивидуум «дара речи» (дара столько же физиологического, сколько духовного) с потерей христианского дара различения духов, т.е. с потерей способности разобраться в добре и зле. В таком случае молчание означает жест избегания ошибки в потенциальном различении.

Но все же о «потере» ли «дара речи» идет речь у Тютчева – или о *сознательном* отказе от него? Скорее второе; в этом случае поэт мог иметь в виду восходящий к исихазму обет молчания. Цветаева выбирает не завещавшееся Тютчевым – и исихастами – молчание, а живое слово, речь. Согласно Цветаевой, «поэт» «Канта наголову бьет»: ведь именно Кант отказывал искусству в высоком значении. Впрочем, под именем Канта мог иметься в виду философ вообще. В своем поэтическом избранничестве Цветаева почти отказывает философу быть на равных с поэтом⁵, возвышая поэзию над всеми видами «теории» и «практики».

В рамках указанной выше оппозиции поэт/профанное Цветаева обнаруживает в жизни ложь, причем, по словам поэта, «неподражаемую», что делает такую ложь еще сгущенней, еще негативнее. Более того, согласно Цветаевой, «жизнь» «лжет» еще и «сверх лжи»: налицо удвоение профанного, его переход в крайнюю степень профанности – демоническое:

Неподражаемо лжет жизнь,
Сверх ожидания, сверх лжи [31, т. 2, с. 132].

---

⁴ Последний момент не учтен И.А. Есауловым, неточно полагающим, что Тютчев в формуле «мысль изреченная есть ложь» выразил лишь отказ от экспликации «самого главного» в индивиде (внутреннего ядра): [13, с. 127–128]. Напротив, Тютчев всеми силами стремится к экспликации этого «самого главного».

⁵ Хотя такое равенство признавалось Шеллингом – учителем Тютчева, а в XX в. – М. Хайдеггером.

Менее всего Цветаева имеет в виду ложь как простую неправду, она подразумевает под ложью весь наличный уклад действительности в разных его воплощениях: «сверх лжи» (подробнее на эту тему см.: [35]). Здесь Цветаева апеллирует не только к Тютчеву, но также к Л.Н. Толстому как автору романа «Анна Каренина».

Цветаева резко дискредитирует свойственную Толстому и Аполлону Григорьеву идею «общей жизни» как основы индивидуальной онтологии (см. подробнее: [32; 33]). Через восприятие Анны и Алексея Александровича Каренина толстовский роман транслирует мысль о лжи (общей) жизни. Поэтому едва ли допустимо рассуждать о якобы «эффекте жизнеподобия» в «Анне Карениной», что было предложено О.В. Сливичкой [25].

После серии безуспешных попыток разрешить семейные коллизии Алексей Александрович словно мимоходом произносит слова о том, что все есть зло. На самом деле это – заглавный тезис толстовского романа, тезис, который перед самоубийством Анны повторится в ее предсмертных думах. Поэтому мнение В.Н. Ильина о Толстом как о «вершине русского пессимизма» [15] целиком оправданно⁶.

Идеи о мировой фальши Анна выносит, опираясь на тютчевское стихотворение «Silentium!». В частности, вспоминая в коляске о беседе с Долли и Кити, Анна мысленно рассуждает: «“Как они, как на что-то страшное, непонятное и любопытное, смотрели на меня. О чем он может с таким жаром рассказывать другому? – думала она, глядя на двух пешеходов. – Разве можно другому рассказывать то, что чувствуешь? Я хотела рассказывать Долли, и хорошо, что не рассказала. Как бы она рада была моему несчастью! Она бы скрыла это; но главное чувство радость о том, что я наказана за те удовольствия, в которых она завидовала мне. Кити, та еще бы более была рада» [28, с. 355].

Тютчевская идея о невыразимости личности в слове явственно преломлена уже в суждении: «Разве можно другому рассказывать то, что чувствуешь?» [28, с. 355]. Далее Анна включает в намеченный ею семантический план идею о том, что Долли была

---

⁶ В.Н. Ильин развивает здесь линию Аполлона Григорьева, обнаружившего мотивы «скорби» еще в раннем творчестве Толстого.

бы только рада несчастью Анны, но скрыла бы свою радость, т.е. Долли приписывается знание Анны о том, что нельзя «другому рассказывать то, что чувствуешь».

С финальным выводом Анны о мировой фальши не случайно перекликается начало небольшого цветаевского стихотворения:

Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи... [31, т. 2, с. 235]

«Фальшь истины» и «правда лжи» составляют не парадокс, а символизируют снижение любви, ее превращение в трагифарс. Подобный тезис до Цветаевой намечен в «Анне Карениной».

Во втором стихотворении цикла «Поэты» Цветаева продолжает мотив свободной и истинной «души живой»:

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся, как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух! [31, т. 2, с. 251]

Называя свой поэтический слух «певчим», Цветаева сближает его с музыкой, пением, с устным дискурсом вообще. «Рифмовка» же (т.е. соответствие) «общей жизни» с «лживо» превращает «общую жизнь» в подмену живого на мертвое, в инфернальность. Согласно Цветаевой, живое (как производное) становится отделенным от жизни. Цветаевское сравнение «души живой» с «пухом» напоминает о том, как в финале первого тома «Мертвых душ» Гоголя птица-тройка (воплощение русской души) становится «легкой как пух» [10, с. 238] и взмывает в небо, прочь с этого света.

Анна видит мир через свою отделенную от всех личность. Она готова противостоять миру одна. Тем самым Толстой отчасти реанимирует романтического персонажа, отчасти романтический конфликт антинормы личности и мира [32]. Разрешение этого конфликта заключается в авторском оправдании Анны и в имплицитном признании автором неправоты мира.

Толстой, вопреки мнению Донны Тассинг Орвин, не относится к своей героине «с холодной отстраненностью» [20, с. 203], он страстно защищает и оправдывает ее, хотя не всегда явственно.

Неподлинному браку Анны (в официальном варианте – с Алексеем Александровичем, в неофициальном – с Вронским) противопоставлен прочный («подлинный») брак Левина, позиционируемый в качестве «земного аналога иерогамии» [21, с. 159].

Читателями же брак Левина воспринимается как простая уступка автора / нарратора консерватизму, – уступка, не вписывающаяся из-за своей искусственности в целостный план романа. Толстой и объясняет, и целиком оправдывает, причем в самых возвышенных коннотациях, самоубийство героини, чем оказывается брошен негативный свет на Левина (проигрывающего Анне во всем). Несмотря на задуманное Толстым противопоставление Левина (как поступающего *должно*) и своевольной Анны, текст романа сам по себе, объективно, не приводит к таким выводам.

Экстраполируемый на весь остальной мир индивидуальный кризис Анны свидетельствует прежде всего о цельности ее натуры, ее самосознания, о ее радикальной личностной честности, затмевающей для нее самой истинные причины ее поступков (Анна часто не понимает, что делает).

Анна не может определить каким-то однозначным термином свой жизненный статус в союзе с Вронским, но почему-то стремится к этому. Согласно точным наблюдениям иранских исследователей З. Садеги Сахлабади и М. Мобашери, Анна нередко не различает смысла самых простых слов, путает понятия и т.п. [24]. Это допустимо объяснить тем, что мир в эпоху Толстого уже стал целиком исчислимым, рассчитанным, «готовым». В так понятом мире – «картине мира», описанной М. Хайдеггером, – не находится места для всего внерационального, «живого». Это и имеет в виду Анна, оправдывая свои ошибки утверждением, что она «живая».

Пытаясь в финале «отвоевать» (sic!) у Вронского⁷ свое истинное место в мире, Анна не осознает, что это место не нуждается в отвоевывании, что оно закреплено за нею раз и навсегда, оно есть у каждого человека по праву принадлежности к человеческому роду. Это «истинное место» Анны (и каждого человека) – экзистенция, индивидуальное личностное ядро, самость. Мотив самости роднит Толстого – как и Тютчева, утвердившего индиви-

---

⁷ В.Н. Ильин верно оценил Вронского в качестве интеллектуальной пустышки и «племенного бобра»: [15, с. 162].

дуальную душу, – с предмодернизмом (Стендаль, Бальзак, Флобер, Мопассан, Золя), с зачинающимся экзистенциализмом (Ницше, Кьеркегор).

Неправомерно утверждать, что Анна якобы «безнадежно запутывается» [6, с. 322]: она сохраняет до последнего мгновения ясность мышления, но мироздание поворачивается к ней своей темной стороной. Дано ли Анне пережить состояние позитивного жизненного обновления? Ей дается шанс обновления лишь через негативность, через апофатику.

Бросаясь под поезд, Анна остается в памяти Бога не как самоубийца, а как искательница жизненных смыслов, как почти «странница», почти «богомолка»: Толстой специально акцентирует все эпизоды ее обращения к молитве, к Богу. Данный мотив глубоко осмыслен в выдающейся экранизации толстовского романа, созданной кинорежиссером А. Зархи (1968): финал фильма не доходит до сцены самоубийства, останавливаясь лишь на эпизоде постижения Анной мировой фальши как прозрения самой сути вещей.

В развитие образов «Анны Карениной» Цветаева в лирическом цикле «Жизни» изображает «жизнь» в категориях погони, охоты. «Жизнь» оказывается уничтожителем:

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег [31, т. 2, с. 251].

Далее жизнь, в продолжение нагнетания негативности, представляется Цветаевой почти неким душегубцем, волкодавом (что напоминает о ключевом образе позднего Мандельштама – «веке-волкодаве»):

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся, как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух! [31, т. 2, с. 251]

«Общая жизнь», согласно Цветаевой, обманно выдает за высокое искусство феномены копиизма, иллюзионизма, реализма – лишь симуляцию живого (подробнее см.: [36]). Подлинно же лишь немиметическое и внутренне свободное искусство. Цветаевская установка – исключительно модернистская, обращенная к идее изменяющейся современности и незавершенного настоящего. Такова установка всей заглавной четверицы русских поэтов XX в. – Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака. Нередкая инфернализация Цветаевой «общей жизни» приводит к возникновению мотива дьявольской охоты «жизни» (как чего-то слишком общего и тем самым подавляющего всякую личность) за единичной живой душой. Заметим, что называя душу «живой», Цветаева возносит ее над «жизнью»: хотя два закавыченных слова являются однокоренными и, на первый взгляд, семантически родственными, поэт разграничивает их как индивидуально-субъективное («душа жива») и как обобщенное.

Р.С. Войтехович, называя мотив ностальгии ведущим у поздней Цветаевой, связывает его с «элементом сожаления по поводу несовпадения актуальной реальности с потенциальной» [8, с. 246–247]. По нашему мнению, точнее говорить о противопоставленности у Цветаевой – в ключе античного кинизма и скептицизма – общего (как ложного) и единичного (как истинного) в рамках формирования «тоски» («ностальгии») по заведомо необщему, раздробленному существованию⁸.

В стихотворении «Вскрыла жилы: неостановимо...» автор-герой стремится показать «истечение» из ее жил самой «жизни»:

...неостановимо,

Невосстановимо хлещет жизнь [31, т. 2, с. 315].

«Вскрытие» «жил» – намек на попытку самоубийства, каковая, однако, приводит к наибольшей концентрации индивидуально-жизненной энергии как своего рода святого Грааля, собранного из крови поэта. Из жил автора-героя «хлещет» не общая, а

---

⁸ Из русских поэтов XX в. в наибольшей мере аналогичная «тоска» свойственна И.А. Бродскому.

индивидуальная, личная кровь, и она, подобно Граалю, может быть собрана и хранима другими людьми:

Подставляйте миски и тарелки!
 Всякая тарелка будет – мелкой,
 Миска – плоской... [31, т. 2, с. 315]

Под ожидаемыми «тарелками» и «мисками» Цветаева имеет в виду попытку причащения непозтов к жизни и творчеству поэта, она предлагает человеческому роду свою жертву в виде крови-жизни-стиха. Налицо идея «подражания» поэта Христу: жертва мыслится в качестве крови Христа, аналога святого Грааля, обращающего к таинству евхаристии.

Согласно Цветаевой, непозты не в состоянии, не могут принять цветаевскую жертву. Последняя не просто «проливается», но вообще целиком идет «мимо», чем конституируется факт ее отвержения Богом, – ситуация, напоминающая отвержение жертвы Каина Иеговой⁹. Важна здесь и другая ситуация, апеллирующая к древнеримскому архетипу фармака. Фармак – человек, которого можно убить, но нельзя принести в жертву, т.е. это «человек вне закона», вне общества (подробнее см.: [1]).

Аналогичен цветаевскому мотив жертвы в «Стихах о неизвестном солдате» Мандельштама, где, впрочем, идея искупления грехов человеческого рода поставлена выше идеи спасения и где поменьше заигрываний с демонизмом.

Цветаевский «стих» «хлещет» не для непозтов, но он не стал до конца своим и в мире поэтов (во многом остается «фармаком»). Вот причина цветаевской попытки высокого (философского) самоубийства, попытки, начинающейся еще с ранней просьбы о смерти «в семнадцать лет». Профанности профанного (т.е. миру непозтов) не понять поэта, не причаститься его крови-жизни, поэтому усилия поэта оказываются во многом втуне:

Через край – и *мимо* –
 В землю черную питать тростник
 (курсив Цветаевой. – С. III.) [31, т. 2, с. 315].

---

⁹ Для понимания данной темы обязателен учет рецепции этого сюжета в мистерии Байрона «Каин».

Поэт не находит отклика среди непозетов, но его кровь-жизнь уходит в «землю черную», чтобы питать «тростник» (у Тютчева, Паскаля тростник – символ человека (подробнее см.: [27]): поэтический Грааль концентрируется в мире «окультуренной природы»¹⁰ («питание» тростника в «земле черной»), сближенной Цветаевой с понятием христианизированной Античности.

В финале процитированного стихотворения Цветаева отождествляет собственную «жизнь», «хлещущую» из ее «вскрытых» жил, со стихом, поэзией:

Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих [31, т. 2, с. 315].

В результате никакое «общее» не довлеет над искусством, сохраняя его в его отдельной экзистенциальной самости.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Номо сасет. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 544 с.
3. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Берковский Н.Я. О русской литературе. Л.: Художественная литература, 1985. С. 155–190.
4. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
5. Бибихин В.В. Не найду слова // Бибихин В.В. Слово и событие. М.: Эдиториэл УРСС, 2001. С. 70–72.
6. Билинkis Я.С. Характеры и время (Основные образы «Анны Карениной») // Билинkis Я.С. О творчестве Л.Н. Толстого. Л.: Советский писатель, 1959. С. 280–339.
7. Витт С. «Поэт» Марины Цветаевой: попытка анализа и история одного посвящения // День М. Цветаевой: сб. статей / Russica Aboensia. Turku, 1997. С. 47–48.
8. Войтехович Р.С. Борьба с ностальгией как поэтический прием в поздней лирике М. Цветаевой // Studia Rossica Posnaniensia, Poznan, 2019. Vol. XLIV. С. 63–72.

---

¹⁰ Термин задан в работе: [25].

9. *Гаспаров М.Л.* М. Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: НЛЮ, 1995. С. 307–315.
10. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. / под ред. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 5. 678 с.
11. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
12. *Ельницкая С.* Поэтический мир Цветаевой: конфликт лирического героя и действительности // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 30.* Wien, 1990. 396 с.
13. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
14. *Зеньковский В.В., прот. Ф.И. Тютчев (1803–1873)* // *Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев.* М.: Русский миръ; Жизнь и мысль, 2008. С. 313–324.
15. *Ильин В.Н.* «Мужичок в железе» (К метафизике романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // *Ильин В.Н.* Миросозерцание графа Л.Н. Толстого СПб.: РХГИ, 2000. С. 251–263.
16. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
17. *Козырев Б.М.* Письма о Тютчеве // *Литературное наследство.* Ф.И. Тютчев. Т. 97. Книга I. М.: Наука, 1988. С. 71–131.
18. *Колобаева Л.А.* Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: МГУ, 1990. С. 202–250.
19. *Кучера П.* «Мой зов – дальний путь»: Марина Цветаева и поздний Рильке // *Opera Slavica.* 2017. Vol. 27. № 1. С. 15–31.
20. *Орвин Донна Тассинг.* Искусство и мысль Л. Толстого. 1847–1880 / пер. с англ. А.Г. Гродецкой. СПб.: Академический проект, 2006. 304 с.
21. *Полтавец Е.Ю.* «Шествие муравьев», мирмидонцы, моравские братья и «муравьиное братство» Л.Н. Толстого // *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка* / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2020. С. 156–168.
22. *Пурин А.А.* Такая Цветаева // *Пурин А.А.* Листья, цвет и ветка. О русской поэзии XX в. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. С. 190–199.
23. *Рорти Р.* Тексты и куски // *Логос.* 1996. № 8. С. 173–189.
24. *Садеги Сахлабади З., Мобашери М.* Руми и Толстой: специфика преемственных связей // *Филологические науки*, 2020. № 1. С. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.1-20.106>
25. *Сливицкая О.В.* «Анна Каренина»: эффект жизнеподобия // *Сливицкая О.В.* «Истина в движении». О человеке в мире Л. Толстого. СПб.: Амфора, 2009. С. 307–424.
26. *Софронова Л.А.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб.: Алетейя, 2010. 296 с.

27. Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник»: жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. 2-е изд. М.: ЯСК, 2009. 896 с.
28. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. 464 с.
29. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. М.: ЯСК, 2010. 320 с.
30. Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. 384 с.
31. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.
32. Шульц С.А. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Госпожа Бовари» Г. Флобера // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 2. С. 21–25.
33. Шульц С.А. Достоевский, Аполлон Григорьев, Бахтин // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2020. Т. 65. № 1. С. 193–207.
34. Шульц С.А. «Снега Килиманджаро» Э. Хемингуэя и «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого // Культура и текст. 2019. № 1(36). С. 115–125. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2019-1-36> (дата обращения: 03.12.2019).
35. Шульц С.А. Б. Спиноза, Н.В. Гоголь, Ж. Бодрийяр: к спорам о теоцентризме и антропоцентризме // Slavica. Debrecen, 2020. Vol. XLIX. С. 105–118.
36. Шульц С.А. Стендаль, Пушкин, Гоголь: к метафизике «памятника» // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 87–112.
37. Шульц С.А. Фантастическая рецензия О.Е. Осовского и несуществующее в природе «фантастическое литературоведение» // Культура и текст. 2019. № 2(37). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2019-2-37> (дата обращения: 03.12.2019).

References

1. Agamben, Dzh. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life*], transl. from Italian. Moscow, Evropa Publ., 2011, 256 p. (In Russ.)
2. Asmus, V.F. *Antichnaya filosofiya* [*Ancient Philosophy*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976, 544 p. (In Russ.)
3. Berkovskii, N. Ya. “F.I. Tyutchev” [“F.I. Tyutchev”]. Berkovskii, N. Ya. *O russkoi literature* [*About Russian Literature*]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 155–190. (In Russ.)
4. Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym [*V.D. Duvakin's Conversations with M.M. Bakhtin*]. Moscow, Progress Publ., 1996, 342 p. (In Russ.)

5. Bibikhin, V.V. "Ne naidu slova" ["I Can't Find a Word"]. Bibikhin, V.V. *Slovo i sobytie* [Word and Event]. Moscow, Editoriel URSS Publ., 2001, pp. 70–72. (In Russ.)
6. Bilinkis, Ya. S. "Kharaktery i vremya (Osnovnye obrazy *Anny Kareninoi*)" ["Characters and Time (The Main Images of *Anna Karenina*)"]. Bilinkis, Ya. S. *O tvorchestve L.N. Tolstogo* [About the Works of L.N. Tolstoi]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1959, pp. 280–339. (In Russ.)
7. Vitt, S. "Poeht Mariny Tsvetaevoi: popytka analiza i istoriya odnogo posvyashcheniya" ["Marina Tsvetaeva's Poet: An Attempt at Analysis and the History of One Dedication"]. *Den' M. Tsvetaevoi* [M. Tsvetaeva's Day]: Digest of Articles, Russica Aboensia. Turku, 1997, pp. 47–48. (In Russ.)
8. Voitekhovich, R.S. "Bor'ba s nostal'giei kak poehticheskii priem v pozdnei lirike M. Tsvetaevoi" ["The Fight Against Nostalgia as a Poetic Device in the Late Lyrics of M. Tsvetaeva]. *Studia Rossica Posnaniensia*, Poznan, 2019, vol. 44, pp. 63–72. (In Russ.)
9. Gasparov, M.L. "M. Tsvetaeva: ot poehtiki byta k poehtike slova" ["M. Tsvetaeva: from the Poetics of Everyday Life to the Poetics of the Word"]. Gasparov, M.L. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow, NLO Publ., 1995, pp. 307–315. (In Russ.)
10. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters]: in 17 vols, ed. V.A. Voropaev, I.A. Vinogradov. Moscow; Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009, vol. 5, 678 p. (In Russ.)
11. Delez, Zh. *Logika smysla* [Logic of Meaning]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2011, 472 p. (In Russ.)
12. El'nitskaya, S. "Poehticheskii mir Tsvetaevoi: konflikt liricheskogo geroya i deistvitel'nosti" ["Tsvetaeva's Poetic World: the Conflict of the Lyrical Hero and Reality]. *Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 30, 1990, 396 p. (In Russ.)
13. Esaulov, I.A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [Paschality of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004, 560 p. (In Russ.)
14. Zen'kovskii, V.V., archpriest. "F.I. Tyutchev (1803–1873)" ["F.I. Tyutchev (1803–1873)"]. *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev* [Secret of the Night. Foreign Russia and Tyutchev]. Moscow, Russkii mir; Zhizn' i mysl' Publ., 2008, pp. 313–324. (In Russ.)
15. Il'in, V.N. "Muzhichok v zheleze" (K metafizike romana L.N. Tolstogo *Anna Karenina*) ["A Peasant in Iron" (On the Metaphysics of the L.N. Tolstoy's Novel *Anna Karenina*)]. Il'in, V.N. *Mirosozertsanie grafa L.N. Tolstogo* [The Worldview of Count L.N. Tolstoy]. St Petersburg, RKhGI Publ., 2000, pp. 251–263. (In Russ.)

16. Kozhev, A. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to Reading Hegel]. St Petersburg, Nauka Publ., 2003, 792 p. (In Russ.)
17. Kozыrev, B.M. "Pis'ma o Tyutcheve" ["Letters about Tyutchev"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 97: F.I. Tyutchev. Book I. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 71–131. (In Russ.)
18. Kolobaeva, L.A. *Kontseptsiya lichnosti v russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [The Concept of Personality in Russian literature at the Turn of the 19–20 Centuries]. Moscow, MGU Publ., 1990, pp. 202–250. (In Russ.)
19. Kuchera, P. "Moi zov – dal'nii put': Marina Tsvetaeva i pozdnii Ril'ke" ["For My Call is Always Full of Away: Marina Cvetaeva and the Late Rilke"]. *Opera Slavica*, vol. 27, no. 1, 2017, pp. 15–31. (In Russ.)
20. Orvin, Donna Tassing. *Iskusstvo i mysl' L. Tolstogo. 1847–1880* [Art and Thought of L. Tolstoy. 1847–1880]. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006, 304 p. (In Russ.)
21. Poltavets, E. Yu. "'Shestvie murav'ev', mirmidontsy, moravskie brat'ya i 'murav'inoe bratstvo' L.N. Tolstogo" ["'Procession of ants', Myrmidons, Moravian brothers and 'Ant Brotherhood' of L.N. Tolstoy"]. *Mir nasekomykh v prostranstve literatury, kul'tury i yazyka* [The World of Insects in the Space of Literature, Culture and Language], ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knigodel; MGPU Publ., 2020, pp. 156–168. (In Russ.)
22. Purin, A.A. "Takaya Tsvetaeva" ["Such Tsvetaeva"]. Purin, A.A. *List'ya, tsvet i vetka. O russkoi poezhii XX v.* [Leaves, Flower and Branch. About Russian Poetry of the 20th Century]. St Petersburg, Zhurnal "Zvezda" Publ., 2010, pp. 190–199. (In Russ.)
23. Rorti, R. "Teksty i kuski" ["Texts and Pieces"]. *Logos*, no. 8, 1996, pp. 173–189. (In Russ.)
24. Sadegi Sakhlabadi, Z., Mobasheri, M. "Rumi i Tolstoi: spetsifika preemstvennykh svyazei" ["Rumi and Tolstoy: the Specifics of Successive Ties"]. *Filologicheskie nauki*, no. 1, 2020, pp. 106–112. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.1-20.106>
25. Slivitskaya, O.V. "Anna Karenina: ehffekt zhiznepodobiya" ["Anna Karenina: the Effect of Lifelikeness"]. Slivitskaya, O.V. "Istina v dvizhen'i". *O cheloveke v mire L. Tolstogo* ["Truth in Motion". About a Man in the World of L. Tolstoy]. St Petersburg, Amfora Publ., 2009, pp. 307–424. (In Russ.)
26. Sofronova, L.A. *Mifopoehtika rannego Gogolya* [The Mythopoetics of Early Gogo]. St Petersburg, Aleteiya Publ., 2010, 296 p. (In Russ.)
27. Tarasov, B.N. "Myslyashchii trostnik": zhizn' i tvorchestvo Paskalya v vospriyatii russkikh filosofov i pisatelei ["Thinking Reed": the Life and Work of Pascal in the

- Perception of Russian Philosophers and Writers*]. 2nd ed. Moscow, YaSK Publ., 2009, 896 p. (In Russ.)
28. Tolstoi, L.N. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: in 22 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 9, 464 p. (In Russ.)
  29. Tyupa, V.I. *Diskursivnye formatsii. Ocherki po komparativnoi ritorike* [*Discursive Formations. Essays on Comparative Rhetoric*]. Moscow, YaSK Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)
  30. Tyutchev, F.I. *Sochineniya* [*Works*]: in 2 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 1, 384 p. (In Russ.)
  31. Tsvetaeva, M.I. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: in 7 vols. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. (In Russ.)
  32. Shul'ts, S.A. "Anna Karenina L.N. Tolstogo i Gospozha Bovari G. Flobera" ["*Anna Karenina* by L.N. Tolstoy and *Madame Bovary* by G. Flaubert"]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 75, no. 2, 2016, pp. 21–25. (In Russ.)
  33. Shul'ts, S.A. "Dostoevskii, Apollon Grigor'ev, Bakhtin" ["Dostoevsky, Apollon Grigoriev, Bakhtin"]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 65, no. 1, 2020, pp. 193–207. (In Russ.)
  34. Shul'ts, S.A. "Snega Kilimandzharo Eh. Khemingueya i Smert' Ivana Il'icha L. Tolstogo" ["*The Snows of Kilimanjaro* by E. Hemingway and *The Death of Ivan Ilyich* by L. Tolstoy"]. *Kul'tura i tekst* [*Culture and Text*], vol. 1(36), 2019, pp. 115–125. Available at: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2019-1-36> (date of access: 03.12.2019). (In Russ.)
  35. Shul'ts, S.A. "B. Spinoza, N.V. Gogol', J. Baudrillard: k sporam o teotsentrizme i antropotsentrizme" ["Spinoza, N.V. Gogol, J. Baudrillard: On the Debate about Theocentrism and Anthropocentrism"]. *Slavica*, vol. 49, 2020, pp. 105–118. (In Russ.)
  36. Shul'ts, S.A. "Stendal', Pushkin, Gogol': k metafizike 'pamyatnika'" ["Stendhal, Pushkin, Gogol: to the Metaphysics of the 'Monument'"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2018, pp. 87–112. (In Russ.)
  37. Shul'ts, S.A. "Fantasticheskaya retsenziya O.E. Osovskogo i nesushchestvuyushchee v prirode 'fantasticheskoe literaturovednie'" ["Fantastic Review by O.E. Osovsky and Non-existent in Nature 'Fantastic Literary Studies'"]. *Kul'tura i tekst* [*Culture and Text*], no. 2(37), 2019. Available at: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2019-2-37> (date of access: 03.12.2019). (In Russ.)

С.Ф. Дмитренко

© Дмитренко С.Ф., 2023

**РАССКАЗ М.М. ПРИШВИНА
«УТЁНОК-СТАХАНОВЕЦ» В ЛИТЕРАТУРНОМ
И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ**

Аннотация. В статье исследуется история создания и публикации рассказа М.М. Пришвина «Утёнок-стахановец» (итоговое заглавие – ««Изобретатель»») в связи с общественно-политической и литературной обстановкой 1930-х годов, а также в контексте философии и поэтики сказок Х.К. Андерсена, к обдумыванию которых писатель возвращался на протяжении всего творческого пути. В рамках проблематики статьи анализируется образ утки в творчестве Пришвина, которому писатель придавал особое значение как птицы, связывающей мир природы и мир людей, что концентрированно выразилось в его крохотном рассказе для детей, первоначально опубликованном в издании, предназначенном для педагогов и литературных критиков. Предлагается рассматривать рассказ ««Изобретатель»» как микрокосм (в понимании, предложенном М.М. Бахтиным) творчества Пришвина.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; «Утёнок-стахановец»; «В краю непуганых птиц»; Х.К. Андерсен; стахановское движение; ««Изобретатель»»; дневник; микрокосм.

Получено: 05.08.2023

Принято к печати: 05.09.2023

Информация об авторе: *Дмитренко* Сергей Фёдорович, кандидат филологических наук, доцент, Литературный институт им. А.М. Горького, Тверской бульвар, 25, 123104, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-8139-2381>

E-mail: dmitrenko@litinstitut.ru

Для цитирования: Дмитренко С.Ф. Рассказ М.М. Пришвина «Утёнок-стахановец» в литературном и культурно-историческом контекстах // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 147–169.

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.09

Sergei F. Dmitrenko

© Dmitrenko S.F., 2023

M.M. PRISHVIN'S STORY *THE STAKHANOVITE DUCKLING* IN LITERARY, CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXTS

Abstract. The article examines the history of the creation and publication of M.M. Prishvin's short story "The Stakhanovite Duckling" (the final title is "The Inventor") in connection with the socio-political and literary situation of the 1930 s, as well as in the context of the philosophy and poetics of H.K. Andersen's fairy tales, to which the writer returned throughout his entire career. Within the problem of the article the image of a duck in Prishvin's work is analyzed which for the writer was a bird that connected the world of nature and the world of people. This meaning is concentrated in his tiny story for children which was originally published in an edition intended for teachers and literary critics. The article proposes to consider the story "The Inventor" as a *microcosm* of Prishvin's creativity (in accordance with the idea of M.M. Bakhtin about the *microcosm* of a writer).

Keywords: M.M. Prishvin; "The Stakhanovite Duckling"; "In the land of the undeterred birds"; H.K. Andersen; the Stakhanov movement; "The Inventor"; diary; microcosm.

Received: 05.08.2023

Accepted: 05.09.2023

Information about the author: Sergei F. Dmitrenko, PhD in Philology, Lecturer, Maxim Gorky Literature Institute, Twerskoy Blvd., 25, 123104, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-8139-2381>

E-mail: dmitrenko@litinstitut.ru

For citation: Dmitrenko, S.F. "M.M. Prishvin's Story *The Stakhanovite Duckling* in Literary, Cultural and Historical Contexts". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 147–169. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.09

В обширном наследии М.М. Пришвина есть крохотный рассказ, смысл и значение которого явно несоизмеримы с его объемом – около 5000 знаков, 1/8 авторского листа. Впрочем, в твор-

честве, в литературе габаритные критерии ничего не значат, *небольшое* здесь очень часто *томов премногих тяжелей* [19, с. 364].

Более того, М.М. Бахтин высказал в свое время идею *микроскосма* в литературе, понимая под таковым *ключевое произведение* того или иного писателя, в котором «важнейшие идеи, темы и образы его творчества – и предшествующего и последующего появляются <...> в предельно острой и обнаженной форме» [1, с. 162]. Применительно к Достоевскому он определил *микроскосмом* короткий рассказ «Бобок», а мы применительно к Пришвину предложим таковым рассказ, первоначально названный автором «Утёнок-стахановец», но затем, после некоторых событий, о которых ниже, получивший имя «“Изобретатель”» [15, т. 4, с. 372–375; с. 718].

20 января 1937 г. Пришвин записал в дневнике: «Хочется жить как все, иметь то, что у всех, а надо свое дать, надо прибавить к потоку нечто свое, и через это – страдание: не могу как все и не знаю даже, что я “лебедь”. Живешь гадким утенком, а про лебедя узнаешь нескоро, когда это разутешить не может» (подчеркнуто Пришвиным – С.Д.) [13, с. 452 (1936–1937)].

Андерсеновские ассоциации в текстах Пришвина возникают неоднократно и одновременно, причем важно отметить, что, приемля и высоко ценя образы Андерсена [см., например: 13, с. 152 (1938–1939); с. 331 (1944–1945)], философию андерсеновских сказок однажды он интерпретировал резко отрицательно [13, с. 343 (1940–1941)].

Тем не менее лебедь как образ и объект народно-поэтического восприятия появляется у Пришвина уже в его дебютной, принесшей ему и награды и литературную известность книге – «по-настоящему первая» [7, с. 115] – «В краю непуганых птиц: очерки Выговского края» (1907).

Пришвин отмечает не только народный запрет на охотничий промысел лебедей, однозначную его греховность, но и красноречивую взаимосвязь в народном сознании, а именно: с одной стороны, «в наших сказках царевна обращается в лебедь, а в мифологии всех вообще арийских народов лебедь привозит и отвозит божества» [11, с. 32], а с другой – лебедь, так сказать, не аристократизируется, а совершенно естественно воспринимается рядом с утками: «...эти птицы, – утки всех пород и лебеди, почти не боятся

человека. Их не стреляют. “Зачем, скажут, их бить, когда для пищи определена «дичь», т.е. лесная птица: рябчики, тетерева, мошники (глухари). Лебедь и утка, скажут, нам никакого вреда не приносят, самая безобидная птица”. Про хорошего человека здесь говорят: “Степенный человек, самостоятельный, Бога почитает и не то что лебедей, но и уток не трогает”» [11, с. 30].

В словаре Даля показано, что в Сибири и на Камчатке уткой называют «вообще птицу, птаху, пичугу» [5, т. 4, с. 520], но контекстуально такое восприятие утки можно распространить и на все пространство, охваченное русским языком и русским традиционным сельскохозяйственным укладом. (Ср. также общеизвестное и отмеченное еще Далем: «Курица не птица, прапор <...> не офицер» [5, т. 2, с. 224].). Утка в русском, – а, может, не только в русском, если вспомнить Андерсена¹, – народно-поэтическом сознании воспринимается как живущая в двух средах: природной и домашней.

Здесь же необходимо отметить и отразившееся в дневнике разных лет внимание Пришвина к творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка, автора сказки «Серая шейка» с ее главной героиней – самой знаменитой уткой в русской литературе.

В частности, на вечере памяти Мамина-Сибиряка в Литературном музее 10 февраля 1940 г. Пришвин выступал с докладом о его творчестве [13, с. 36 (1940–1941); ср.: 18, с. 185] и даже если там не шла речь о «Серой шейке», трудно представить себе, что классик детской литературы Пришвин, тем более с претензией на создание новых форм сказки, не был знаком с шедевром Мамина-Сибиряка. Так или иначе, у центрального образа рассматриваемого

---

¹ Ставшая классической сказка Андерсена «Гадкий утенок» (*Den grimme Ælling*; 1843), по наблюдению Л.Ю. Брауде, первоначально называлась «История одной утки» [3, с. 150]. Отметим, что общеизвестное переводное русское заглавие – «Гадкий утенок», которое в советских изданиях маркируется как принадлежащее А.П. Ганзен, в известном четырехтомном собрании сочинений Андерсена (СПб., тип.-лит. С.М. Николаева, 1894–1895), где как раз представлены переводы А. и П. Ганзен, отсутствует. Сказка здесь имеет заглавие «Безобразный утенок», в то время как параллельно печатаются переводы под заглавием «Уродливый утенок» (перевод М.А. Лялиной; 1896) и «Гадкий утенок» (первый – 1870; безподписный перевод; в 1899 г. под этим заглавием печатается перевод А. Боровой, в 1900-м – перевод И. Введенского) [см.: 20, с. 89, 91, 101]. Этот сюжет, на наш взгляд, требует отдельного исследования.

рассказа Пришвина есть генетические связи с предшествующей литературой, где утка имеет очевидные позитивные коннотации, причем на них строится сюжетная динамика².

Говоря о времени создания «Утёнка-стахановца», нельзя не обратить внимание на особенности восприятия Пришвина в писательской среде второй половины 1930-х годов. Так, в воспоминаниях поэта и крупного литературного функционера Николая Тихонова, записанных уже в 1970-е годы и опубликованных вскоре после его кончины, рассказано, в частности, о торжествах начала июня 1936 г. в городе Орджоникидзе (тогдашнее название Владикавказа), посвященных тридцатилетию со дня смерти классика осетинской литературы Коста Хетагурова³.

Там, замечает Тихонов, «к нашему удивлению, мы обнаружили Пришвина. Оказывается, он приехал на охоту со своей собакой, ну, и про него напечатали в газете, предложили выступить на юбилее. Он растерялся и сказал:

---

² 24 марта 1911 г. датирована выразительная в этом смысле запись в дневнике Пришвина:

«Утиный охотник залег в шалаше, привязал свою подсадную утку “Крякуху” и уснул. <...>

...и привиделось ему, будто селезень здоровенный-прездоровенный плывет возле самого шалаша. Захотелось охотнику поймать селезня живым, растопырил ладони и хватил в заплечье между крыльями. Бьется селезень, скользкий и юркий, и вот-вот выскользнет, а охотник что есть мочи впиивается в селезня и шепчет: “нет, голубчик, не уйдешь, задую, а не выпущу, лучше живым сдавайся!” Очнулся охотник от боли в коленке: ни в селезня он впустил пятерню, а в коленку. Глянул на реку, а утки нет, и где была утка, лед идет, густой, серый и грязный, последний лед; вчера пруды разорвало помещичьи...

Утку затерло льдинами и понесло. Дня три она плыла, голодная, подо льдом. Рыбаки запустили сак под льдину, и вдруг выскочила утка прямо с веревкой на лапе, худая-прехудая. Принес утку мужик с бараными глазами и монашек длинный, худой и черный, как угорь... Пятерик.

Столковались за рубль. Посадили утку на пол, посыпали хлеба, овса, налили воды. Она и не прикоснулась, а стала на одну ногу, загнула голову и уснула... Выпалась, поклевала овса, попила и крикнула» [13, с. 421, 422 (1905–1913)].

³ Широкошумные празднования годовщин именно смерти знаменитых писателей стали тогда у большевиков обыденностью: достаточно вспомнить юбилей умертвий Пушкина (1937), Салтыкова (Щедрина) (1939), Лескова (1945), Гоголя (1952)... В июле 1941 г. с размахом намечали отметить столетие со дня гибели Лермонтова, и только начавшаяся война помешала осуществлению этого.

– Я никакой речи не могу говорить.

– Ну, вы что-нибудь скажите. Вы же любите природу Осетии, знаете ее.

И вот старик выступил. Но он почему-то перешел сразу на собак. Начал со своей любимой собаки и пошел по собакам. Наконец, ему подали записку: “Слушайте, здесь юбилей! Кончайте с собаками!” Он перешел довольно храбро на юбилейную речь. Но она уже была не такая длинная» [17, с. 115].

Любопытно, однако, что этот, близкий к обыденному образ Пришвина – простодушного путешественника, отрешенного от социально бурной жизни советского государства, дезавуируется строками в пришвинском дневнике, в том числе тех лет и тех кавказских недель. В частности, изображенной Тихоновым пришвинской меланхоличности противостоит его писательская, попросту человеческая зоркость. В записях этого охотника с любимой собакой уже Тихонов, названный им «парнем из лабаза», предстает предприимчивым промышленником от искусства, которому участие в пафосных мероприятиях не мешает заниматься своими «киношными делами»: вполне конъюнктурным сценарием историко-литературного фильма о гражданской войне на Кавказе [13, с. 208 (1936–1937)]⁴.

Не в оправдание, но в наставление иронизирующему Тихонову: он мог бы заметить, что и сам Пришвин также не был чужд участия в благословленных большевистской партией и лично Сталиным мероприятиях. Ведущий пришвиновед Я.З. Гришина в своих обстоятельных комментариях к дневникам Пришвина представила сюжет с несостоявшимся участием писателя в одиозном сборнике «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства» (1934) под редакцией М. Горького, которому придали в помощь, очевидно, надзорного свойства, литературного администратора Л. Авербаха и чекиста, заместителя Главного управления исправительно-трудовых лагерей С. Фирина. Хотя в июле – августе 1933 г. Пришвин на канале побывал, но самостоятельно, отдельно от писательской команды [см.: 13, с. 866–868 (1932–1935)].

---

⁴ Фильм «Друзья» по сценарию Н.С. Тихонова (в соавторстве с режиссером Лео Арнштамом) был поставлен на «Ленфильме» (1938).

Уже существующие подступы к этой теме [см., напр.: 8] вызывают новые вопросы: «почему Пришвин поехал на канал один, а не вместе с группой писателей? почему не взяли его очерк в известный сборник о канале? почему его роман “Осударева дорога” <...> не был опубликован при жизни писателя, и почему редакторы требовали от писателя бесконечных переделок, вплоть до переноса действия романа в другое место, и почему он на это не соглашался?» [13, с. 868 (1932–1935)].

Мы прибавим для нас важный вопрос в творческой биографии Пришвина, прожившего долгую – восемьдесят лет – жизнь, разделенную катаклизмом 1917 г. почти надвое. Так, упомянутая выше книга «В краю непуганых птиц: очерки Выговского края» (1907) [11] была переиздана им в советское время с характерными изменениями в заглавии и в содержании: «В краю непуганых птиц: Онего-Беломорский край: очерки» (1934) [12]. И в этом переиздании она стала волей-неволей выглядеть как спутник упомянутого выше сборника и как своего рода пристрелка к «роману-сказке» «Осударева дорога», законченному только летом 1948 г. [15, т. 6, с. 424]. Во всяком случае во второй редакции уже не природные и не орнитологические доминанты выходят на первый план. «Осударева дорога», проложенная по велению Петра Первого и вызвавшая горький вывод Пришвина: «Можно себе представить <...> чего стоила населению эта дорога! До сих пор в народе сохранились тяжелые воспоминания. В Выговском краю мне рассказывали старики, что для устройства дороги согнали крестьян со всей России» [11, с. 156] – в издании 1934 г. стала восприниматься не как исторический объект, а как модифицированное большевиками в форме Беломорско-Балтийского канала сооружение со всеми его социальными особенностями XX в. И хотя проблема взаимоотношений двух редакций «Края непуганых птиц» выходит за рамки данной статьи, сам факт издания этой книги выразительно показывает хитросплетения творческой жизни действующего советского писателя, одновременно пишущего дневник, ни в коем случае не предназначенный для печати⁵. Впечатляет сам вектор смысловой

---

⁵ Обратим внимание на пронизательное замечание Я.З. Гришиной: «Стратегия выживания писателя в годы террора, конформизм <...> и его пределы – одна из проблем, которая в настоящее время постоянно и широко обсуждается: как удавалось сохранить себя и писать, публиковаться и даже быть актуальным в

цепочки природных образов, возникающий у Пришвина в 1930-е годы: природа (непуганые птицы) – преобразования ее, неизменно, как в начале XVIII, так и в XX в. связанные с насильственно организованным трудом⁶, – утенок, причисленный к стахановцам.

годы тотальной идеологизации культуры? Каждый писатель так или иначе вынужден был решать для себя эту проблему в своем творчестве – и Пришвин, конечно, не исключение: он хотел быть не уничтоженным, а услышанным. <...> Пришвин стремится присутствовать в официальной культуре, не изменяя себе и не отступая, он уверен, что может писать о том, что закажут, но не может писать так, как закажут» [13, с. 930, 931 (1932–1935)].

⁶ По Дневнику Пришвина мы знаем о его, мягко говоря, неоднозначном и несправедливо критическом отношении к творчеству С.Я. Маршака. Но тем выразительнее будет наш пример, показывающий общую тенденцию в творчестве самых разных писателей, живших в СССР в 1930-е годы. Так, в ныне хрестоматийном стихотворении Маршака «Война с Днепром» (первая публикация – журнал «Ёж». 1931. № 1. С. 1–5) строительство Днепрогэса изображается без пенитенциарных оговорок как торжество техники, без каких-либо сантиментов по отношению к миру реки, к так называемой окружающей среде (что выражено и в иллюстрациях Георгия Бибикова, где природа вытеснена механизмами и людьми с различными орудиями труда): «И вот в реке поставлена // **Железная стена.** // И вот реке объявлена // **Война, война, война!** // Выходит в **бой** // Подъемный кран, // Двадцатитонный // Великан, // Несет // В протянутой руке // **Чугунный молот** // На крюке. // За ним // Бурильщик // Сандерсон. // На трех ногах // Трясется он. (В окончательной редакции, где, очевидно, для перестраховки в изменившихся политических обстоятельствах заменено название бурильщика известной американской фирмы Sanderson, стало еще экспрессивнее: «Идет // Бурильщик, // Точно **слон.** // **От ярости** // **Трясется** он». – С.Д.) <...> Вот экскаватор // Паровой. // Он **роет землю** // **Головой,** // И **тучей** // Носится за ним // **Огонь,** // И **пар,** // И **пыль,** // И **дым.** // Где **вчера качались лодки,** – // **Заработали лебедки.** // Где шумел **речной тростник,** – // **Разезжает паровик.** // Где **вчера плескались рыбы,** – **Динамит взрывает глыбы**» и т.д. (выделено мною. – С.Д.) Ср. письмо Маршака жене и детям из города Запорожье (Украинская ССР) от 5 мая 1930 г.: «Днепрострой мне очень понравился. Если ты, Элик прочел “Тараса Бульбу”, ты знаешь про Запорожскую Сечь. Так вот в этих местах она и была. Теперь там взрывают скалы и целые горы, строят шлюз, плотину, электростанцию <...>, множество заводов. <...> Работают день и ночь. Почти всю работу делают грандиозные машины. <...> У каждой машины свой голос и свой ритм. Покой и лад нарушается только изредка суматошной пляской сыплющихся камней. Четкость, порядок, простота работающего механизма дают ощущение величавости. <...> А людей почти не видно» [9, т. 8, с. 424]. Не удивительно, что вскоре в статье о творчестве Маршака для детей было отмечено: «Вся книга “Война с Днепром” является непревзойденным в детской поэзии образцом попу-

Здесь нет никаких противоречий в логике – она основана на прочувствованном Пришвиным парадоксе: вскоре после посещения края подневольного труда советская жизнь представила ему конфигурацию так сказать освобожденного труда – в сентябре 1935 г. на Донбассе возникло стахановское движение.

В хорошо известном трехтомном «Энциклопедическом словаре», вышедшем в 1953–1955 гг., стахановскому движению посвящена довольно большая статья, где оно определяется как «движение новаторов за высокую производительность труда и лучшее использование новой техники, за непрерывное совершенствование произ[водст]ва, означавшее новый этап социалистического соревнования». Подчеркивается, что «основой с[тахановского] д[виже-ния] явилось значительное улучшение материального положения рабочих, отсутствие в СССР эксплуатации, наличие новой, высокопроизводительной техники, создание кадров рабочих и работниц, овладевших новой техникой и способных двинуть ее вперед» [21, с. 321]⁷.

Всесторонняя стимуляция стахановского движения со стороны государства (уже в ноябре 1935 г. было проведено Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев) привлекла внимание и Пришвина, что, в частности, нашло отражение в его Дневнике начиная с того же 1935 г.

Показательно, что первоначально Пришвин, будучи избран в правление только что образованного Союза советских писателей (ССП) (1934), всего через несколько месяцев пишет в дневнике: «Мелькает возвращение рапповских времен: я это из-за скудости нашей литературы. Вот сейчас можно бы организовать группу писателей из “стахановцев”» <...> и с этого начать, а не по-рапповски оздоравливающую литературу» [13, с. 854 (1932–1935)].

ляризации техники. <...> И в этой сосредоточенной конкретности описания – огромный познавательный, педагогический, подлинно техпроповский смысл книг Маршака» [2, с. 2].

⁷ Отметим, что в этом же томе помещена статья о Пришвине, где о нем сказано: «В своих произведениях изображал гл[авным] об[разом] жизнь природы, творческий труд человека, тесно связанный с природой. В книгах П[ришвина] мастерство писателя-реалиста сочетается с остротой наблюдений натуралиста-краеведа» [20, с. 16].

В дневниковых записях находим и разъяснение пришивинского понимания «стахановского движения». Оно – «это как будто русскому рабочему и всем простым людям открыло дорогу к счастью, совсем стало незначем думать об Америке. И это последний и окончательный удар по уравниловке» [13, с. 857 (1932–1935)]. Идея которой так или иначе была заложена в документах ССП.

Как все мы знаем, дневник Пришвина очень откровенен, нередко самоубийственно откровенен, но и в нем немало идейтезисов, которые требуют разобраться: это написано для возможного постороннего глаза или автор действительно так думает. Так, Пришвин пишет: «Небывалость нашей революции выражается механизацией управления массами. Кино и радио сняли с народа одежды религиозных легенд и фольклора. Весь народ со всей своей потаенностью захвачен государственным механизмом и посредством стахановского движения будет вовлекаться все дальше и дальше» [13, с. 857 (1932–1935)]. Что это?

Пришивинский привет рапповцам, перестраховка или все же виртуозно выраженная формула отчуждения человека по-большевистски?

Ибо в своем месте далее он пишет: «Мысль о стахановцах: “Богатеть будут. Тем более надо сплотиться” (Значит, этот страх перед “материей” существует уже. <...> У партийца сила во “втором рождении” (отец пьяница, мать проститутка), стахановцы возвращаются к силе первого рождения (самости). <...> Каждый процветает в своем таланте. – каждому по способностям» [13, с. 859–860 (1932–1935)].

Понятно, что Пришвин видит в стахановском движении стимул к творческому, профессиональному раскрытию личности. Ибо и далее он пишет: «Необходимо думать о “втором рождении”: какая дорога открывается: и главное, мой опыт – возвращения к себе – является ли через стахановцев общим путем» [13, с. 860 (1932–1935)]. Или: «В газетах даже называют стахановское движение пробуждением талантов... и недаром с этим совпало воскрешение елки. В искусстве тоже есть своя елочка» [13, с. 861 (1932–1935)]. Это все еще дебютный для стахановцев 1935 год.

Но идет время, и в обстоятельствах большевистского правления стахановское движение претерпевает значительные изменения. По характеристике современного исследователя, поначалу

«стахановское движение позволило привести в действие и огромные экономические резервы, связанные с освоением новой, современной техники. <...> Рекорды стахановцев, собственно, потому и выглядели столь ошеломляющими, что достигались на общем фоне слабого использования возможностей, заложенных в передовой технике» [16, с. 153].

Но «вместе с тем многие стахановские рекорды явились результатом того, что впоследствии стало называться приписками. Не обошлась без приписок и организация самого первого рекорда. <...> Стаханов работал только отбойным молотком, а вслед за ним шли двое других шахтеров, крепивших лаву. <...> ...администрация шахты, стремясь усилить впечатление от рекорда, приписала этот результат одному Стаханову.

По тому же нехитрому принципу “оформлялись” и многие последующие рекорды: подсобные работы передавались подручным, конечный же результат приписывался кому-то одному, назначенному начальством в герои труда» [16, с. 153].

Очевидно, все это открывалось и чуткому Пришвину, иначе он бы не стал разводить конкретное стахановское движение 1930-х годов с идеей стахановца как человека особой творческой инициативы, а лучше сказать – силы. Впрочем, и здесь не обходится без противоречий.

Я.З. Гришина справедливо отмечает в своих комменариях к дневнику, что Пришвин «как и все или многие его современники, поддавался обаянию сталинских речей (хотелось верить) <...> (“<...> американцы понимают конституцию как освобождение личности творческой, создающей из бесполезного высшие ценности, а Сталинская конституция имеет в виду не личность, а стахановца, т.е. личность, обусловленную непосредственной пользой для общества”))».

И далее: «Человек и художник христианской культуры, для которой понятие незаменяемой, неповторимой, творческой личности было фундаментальным, Пришвин живет и работает в рамках культуры, рассматривающей личность как частный случай, который можно и нужно использовать в интересах государства, где торжествует безличное (*«И фашизм, и коммунизм... Фейхтвангер пишет о фашизме, а мы все это видим в коммунизме. Общее в том и другом нечто <...> оглуляющее: немцы – пишет он – по-*

глупели. Но ведь и мы поглупели невероятно и все от тех же причин, которые у фашистов носят названия “чистой расы”, у нас “класса рабочих”» [4, с. 841].

Пришвин стремится «выяснить, почему оба фактора, и чистая раса и рабочий класс, производят одинаково оглуляющее действие и направлены против интеллигента. Почему до сих пор возле талантливого и честного специалиста стоит и мешает ему глупый и необразованный коммунист. По-видимому, тут борьба совершается государственно-родового начала с личным: и оттого оглушение на одной стороне и накопление вооруженных сил на другой» (запись 30 января 1937 г.) [13, с. 456 (1936–1937)].

Вероятно, именно осознание этих противоречий и попытка связать с современностью историю приводит к такой записи в дневнике (17 декабря 1937 г.): «...поехал в Загорск <...>. Каждый раз, как вижу Лавру с ж.д. моста, вспоминаю, что 500 лет тому назад здесь все лес был дикий и волки были и препод. Сергей нашел в себе такую силу и желание жить в этом лесу и начинать... В отношении к моск. государству он был просто гениальный стахановец, и, конечно, в глубине души цари смотрели на него как на спеца от религии, очень полезного» [13, с. 825–826 (1936–1937)].

Сатира и даже юмористика, как видно, не относятся к художественному арсеналу Пришвина⁸. Едва ли он пишет о преподавателе Сергии как о стахановце XIV в., имитируя и высмеивая большевистскую заикленность на тотальности, свеохватности. Скорее, даже отмечая нелепые факты бытия, абсурдизацию первоначально здорового, он стремится объяснить явления в их сложных, многообразных взаимосвязях.

Так, идея «стахановцев» от литературы, обдумываемая им после создания Союза советских писателей, исходит из соображения: поскольку одною из главных идеологических доминант сделан человеческий труд как таковой, постольку поиск стахановцев во всех сферах человеческой деятельности должен добаться и

---

⁸ Сопоставим, например, два, по сути, равносмысленных тезиса Пришвина о сатире, между которыми более тридцати лет: «**16 января 1921.** Сатира, пародия – должники искусства» [13, с. 175 (1920–1922)] и «**15 апреля 1952.** <...> ...действительно сатира не поэзия, а только мысль, заостренная злободневно. Лично я не люблю и не понимаю сатиру, как слепой на все такое...» [13, с. 90 (1952–1954)].

до литературы, искусства: «Стахановские механизации в применении к живописи»; «Ясно чувствую сейчас, чего я лишен был и что за убогое существо писатель, занимающий почему-то первое место в обществе. На это, может, кто-нибудь из властелинов обратит внимание, скажет: “не нужно все это нам”, махнет рукой – и писатели исчезнут, а потом явятся новые сами собой» [13, с. 854 (1932–1935)]⁹.

И важнейшее: «Кино и радио сняли с народа одежды религиозных легенд и фольклора. Весь народ со всей своей потаенностью захвачен государственным механизмом и посредством стахановского движения будет вовлекаться все дальше и дальше. <...> Погоня за счастьем в ближайшее время должна проникнуть, как естественная потребность, в недра народа, ко всем без исключения, и заменить восточный аскетизм и упрощенность кустарного быта. Восприимчивость к счастью после самой суровой школы аскетизма дает колоссальную динамику развития...» [13, с. 858 (1932–1935)]. «...Необходимо думать о “втором рождении”: какая дорога открывается: и главное, мой опыт – возвращения к себе – является ли через стахановцев общим путем» [13, с. 860 (1932–1935)]¹⁰.

Общим путем даже для утенка, который, по Пришвину, выпускнику агрономического отделения философского факультета

---

⁹ Ср.: «Трудно ровнять труд по созданию картины с трудом добывания каменного угля, но вполне возможно сделать, чтобы углекоп тоже, как и художник, работал в охотку. Углекопу хочется достать себе пианино, и, хотя он не умеет играть, он верит, что и он тоже будет обладать этим счастьем извлекать чудесные звуки. Надо дать ему возможность, работая, ждать впереди счастья. А разве художник, загубив свою жизнь на картину, не так же думает о музе своей, как рабочий о пианино...» [13, с. 856 (1932–1935)]. «Стахановское движение – это как будто русскому рабочему и всем простым людям открыло дорогу к счастью, совсем стало незначем думать об Америке. И это последний и окончательный удар по уравниловке» [13, с. 857 (1932–1935)].

¹⁰ Ср.: «9 Июня. Сегодня в гараже один старый шофер сказал: – Какому настоящему мастеру охота работать за такие деньги по-настоящему, вот отчего и нет мастеров, а одни только стахановцы.

Мастер каким-то образом прямо противопоставляется стахановцу.

10 Июня. Стахановец – это лучший рабочий в массе их. Мастер (по-старому) – это личность».

Лейпцигского университета, также осознает себя, движется к себе как таковому.

Менее чем через месяц (12 января 1938 г.) после записи о Сергии Радонежском в Дневнике отмечено: «Написал рассказ для маленьких детей “Утёнок-стахановец”. Необычайная трудность этих рассказов состоит в том, чтобы добиться той глупинки, или наивности среды, единственно в которой только и может плавать шлак мысли. Трудность рассказа состоит в непременном усложнении его, когда вынашиваешь. И вдруг все выношенное, мыслимое расслаивается, и с таким трудом придуманный сюжет распадается на куски, и один маленький кусочек его только и делается нужным, — это плюс та вышеназванная наивность тона» [13, с. 854 (1938–1939)].

Судя по записям 15, 16, 17 января, Пришвин, несмотря на всяческие хлопоты: хочет отметить свое 65-летие, ездит в Загорск (Сергиев Посад), занимается литературными делами — продолжает «разделять» и «доделывать» рассказ «Утёнок-стахановец» и наконец «с успехом» читает его в журнале «Детская литература» и решает «у них напечатать» [13, с. 17 (1938–1939)].

Однако далее планы начинают рушиться. В день рождения Пришвина 4 февраля Детиздат назначает вечер Паустовского («Выясняется, что в детскую литературу выдвинут (кем?) Паустовский... <...> Из всего видно, что в детской литературе ничего не сделаешь, кроме того, что напишешь. Что тут, как и везде: выгоняют старых и назначают новых, получше. <...> В наше время бюрократизм не меньше рапповского, но сочувствия личному протесту не найдется. Протест возможен лишь в организованном порядке, так наз[ываемый] стахановский протест» [13, с. 17 (1938–1939)]).

Одновременно с этими неприятностями возникает проблема и с «Утёнком-стахановцем». Этот сюжет отражен в Дневнике без подробностей, но суть его понятна: Н.К. Крупская, уже по самому своему политическому рангу назначившая себя главным специалистом по советской детской литературе, критически отозвалась о рассказе Пришвина.

Вначале автор настроился примирительно: «...возможно, что Крупская права, и вовсе это не стахановец» [13, с. 31

(1938–1939)]¹¹. Он не только заменил заглавие в журнальной публикации, стало: «Рассказ о диком утенке», но и поместил перед ним «Письмо к читателю», которое заслуживает полного воспроизведения здесь:

«Я написал рассказ для старших дошкольников, который должен быть напечатан чуть ли не в двухсоттысячном тираже. Волнение, сопутствующее созданию рассказа, во мне еще не улеглось, и сам я с трудом могу сейчас судить, достоин ли мой рассказ такого большого тиража. Вот почему я решил предоставить его на Ваш суд и пользуюсь случаем при этом сказать от себя несколько слов о моих разных загадах.

Я загадываю написать такой рассказ, таким русским простым языком, чтобы он был понятен всему народу, независимо от образования того или другого читателя. Второй мой загад дать рассказ, который, подобно сказке, интересен для всех возрастов и соединял бы своей легендой приходящее и уходящее поколения, старого и малого. Таким образом, я хочу создать сказку без Ивана-царевича и Бабы-яги и сделаться современным сказителем» [6, с. 41].

Любопытно, что, согласно выходным данным, номер был сдан в производство 27 января 1938 г., а подписан к печати 2 февраля, т.е. отредактированный «Утёнок» выходил в свет неделями ранее, чем об этом рассказано в Дневнике Пришвина. Этому есть два объяснения: 1) дневник писался «задним числом» (что бывает); 2) в журнале указаны плановые даты подготовки номера, в то время как материалы в него были сданы с запозданием, во второй половине февраля. Автор этих строк склонен ко второму варианту.

Нельзя не отметить и то, что, если судить по предисловию, Пришвин, в противоречии с вышеприведенной записью в Дневнике, намерал опубликовать свой рассказ в детском издании большого тиража (тираж этого номера «Детской литературы» – 19 750), и перемена его решения – первопубликовать детский,

---

¹¹ Ср.: запись в Дневнике 17 ноября 1945 г.: «Вчера были Замошкин и Платонов Андрей Викторович. Узнал, что “перековка человека” запрещена в своем словесном выражении, как и весь идеализм революции, что Крупская этим своим идеализмом привела к разложению школы, что и сама Крупская, умирая, понимала современность как сдачу всех позиций революции» [13, с. 689 (1944–1945)].

«дошкольный» рассказ в литературно-критическом журнале («критико-библиографический еженедельник ЦК ВЛКСМ») и, очевидно, тем самым подчеркнуть его значение и необходимость для взрослых читателей, для педагогов – связана с серьезными причинами, главная из которых – отрицательный отзыв Крупской. Эту подробность нельзя недооценивать: тем более что, помимо «Письма к читателю», в журнале была помещена сноска: «Редакция журнала просит читателей высказать свое мнение о рассказе тов. Пришвина. Отзывы просим направлять по адресу журнала. Наиболее интересные из них будут напечатаны. *Редакция*». (Правда, как показал просмотр последующих номеров издания, такой публикации не последовало.)

Через некоторое время, уже после выхода журнала в Дневнике появляется еще одна запись об этом рассказе, показывающая творческую неуспокоенность его автора, нежелание смириться с вынужденной его правкой (выразительна даже датировка): «5 Июня. (23 ст. Мая. Именины.) Никто никогда бы и не подумал, что “Стахановец” тем вредный рассказ, что снижает стахановца, низводя его до утят. Но одна высокопоставленная дура высказала это, и теперь поди, доказывай, что ты не верблюд. Что же это? Это сила сцепления подвижных элементов общества человеческого: так бывает и на воде: бросят камень, и не только под камнем, но вся вода заволнуется» [13, с. 97–98 (1938–1939)]¹².

---

¹² Ср.: запись **15 июня 1938**: «В Москве попал в толпу и вспомнил о той курице, которая у нас высидела и теперь водит утенка: вспомнил, что не в том тут дело, утенок или цыпленок, а что надо кого-то высидывать весной курице и, высижив, надо кормить, что курице некогда разбираться, утенок попал к ней или цыпленок, или даже гусенок, а может быть, даже и галка. Так вот, тем же самым чувством живет улица, тут тоже не “Хочется”, а “Надо”, и будь ты утенок, или гусенок, или цыпленок, – все равно. И вот милиционер стоит, обыкновенный деревенский парень, отшлифованный в милиционера, и он тоже родился крестьянином, а вот теперь попал в Москву, как утенок под курицу, и ходит и делает все, как Надо».

Да так-то почти и вся жизнь в этой неведомой для каждого дороге, и определенно-личное *Хочу* и последовательное проведение этого своего *Хочу* в жизнь чрезвычайно редко. Но как ни редко, а жизнь вперед если только движется, то движется только этими *Хочу*, переходящими в *Надо*» (выделено Пришвиным – С. Д.) [13, с. 111 (1938–1939)].

Тем не менее несколько доработав рассказ текстуально и переименовав его на этот раз в «Удальца», Пришвин ставит его в начало цикла «Лисичкин хлеб» (подзаголовок: «Книга рассказов»), который с авторским вступлением публикует в журнале «Новый мир» (1939. № 5).

В нем очевиден, пусть косвенный, ответ «высокопоставленной дуре», в которой можно усмотреть не только Н.К. Крупскую, но и надлитературную идеологическую опеку как таковую: «Все эти рассказы явились на свет в поисках идеального рассказа для детей. А идеальным рассказом я считаю одинаково интересный рассказ для всех поколений. В своих поисках я исходил не от русской сказки и не от Льва Толстого в его рассказах о природе. Близости к детям я достигал, стараясь рассказывать им не о чем-нибудь поучительном, а о собственных своих играх взрослого человека. Давным-давно, будучи еще сам ребенком, я заметил, что взрослые играют еще гораздо более детей и тратят денег на свои игрушки гораздо больше, чем для детей. Так почему же нам надо рассказывать детям непременно о полезном и поучительном? Надо рассказывать, по-моему, прежде всего искренно детям, как взрослым, считая их в деле оценки художественного произведения, сказки, полноправными гражданами» [14, с. 97].

Много лет спустя, в 1950 г., Пришвин выпускает в Детгизе небольшой сборник рассказов «Ребята и утята», где рассматриваемый рассказ проявляется под заглавием «“Изобретатель”» (именно так, в кавычках; с. 3–8). Книга была подписана к печати 28 июля 1950 г., а 13-м сентября 1951 г. датирована следующая дневниковая запись Пришвина: «Я написал рассказ о диком утенке, сумев-

---

И далее: «**22 Июня.** Что по воде плывет, того не переловишь, а что народ говорит, всего не переслушаешь.

Незнайка лежит, а Знайка по дорожке бежит.

Вчера был конец Ставского, единственным пороком которого было, что он в литературе ни бе, ни ме.

Такие женщины, как Караваева или Герасимова, могут за правду постоять, и я всегда в их общении со своей литературной индивидуальностью сплюсчиваюсь, как будто сознаю, что в основе индивидуальности заключен порок. А Крупская!

Возможно ли непорочное зачатие индивидуальности (от Девы)?

– Самое главное в наше время – это что от нас требуется сознание Правды (Караваева)» (выделено Пришвиным. – С. Д.) [13, с. 118 (1938–1939)].

шем не в пример другим по спине матери выкинуться из кармана на волю. Рассказ был прославлен в педагогических журналах, и его решили печатать в миллионных тиражах. Вдруг рассказ попался на глаза Крупской, и она его разгромила.

Оказалось, что нехорошо было называть стахановцем обыкновенного утенка, и в этом было и оскорбление человеку и биологизм.

Поняв, в чем тут дело, мы назвали рассказ: «Изобретателем» и напечатали, и до сих пор, через много лет, он все печатается и печатается, и даже на всяких языках» [13, с. 499 (1950–1951)].

Как видно, за давностью некоторые подробности в памяти Пришвина трансформировались, но суть его творческих волнений осталась неизменной. Само переименование, недавно сделанное Пришвиным, он относит ко времени создания рассказа («при жизни Крупской»), однако суть этого переименования, как и в первоначании, остается неизменной и связывается с актуальным социально-политическим контекстом. Те, кто в 1930-е годы в восприятии Пришвина были стахановцами, теперь, в послевоенное время борьбы с космополитизмом и утверждения первенства отечественной науки и техники везде и повсюду, могут именоваться изобретателями.

Так, в журнале «Новый мир», в котором Пришвин печатался многократно, хотя порой и со значительными перерывами, и был, вне сомнений, его читателем, в те годы тема отечественного превосходства (в том числе и в изобретательской среде) была лейтмотивной. Например, в 1949 г. здесь печатаются роман Вениамина Каверина «Открытая книга» (№ 9, 10), сюжетно связанный с хитроspлетениями при получении советского пенициллина; рецензии «Создатель первого в мире самолета» (№ 2), «Величие русской науки» (№ 3), «Выдающиеся русские электротехники» (№ 7), «Русские изобретатели в телефонии» (№ 9), а также «Мастера стахановской работы» (на книгу «Стахановцы-машиностроители»; № 8), «Заметки стахановца» (№ 9) и «Переписка стахановцев» (№ 12). Наконец сам Пришвин обнародует здесь очерк «Заполярный мед» (1951. № 3), но так и не добивается благосклонности главреда А.Т. Твардовского к рассказу «Сыроежка» [13, с. 499 (1950–1951)]. «Заполярный мед» оказывается последней прижизненной публикацией Пришвина в «Новом мире».

Нельзя не видеть: история утенка, стремящегося из первоначального жизненного пространства на волю, так или иначе соотносится с постоянными размышлениями Пришвина о человеческой свободе, которую однажды он связал с образом «андерсеновского “Соловья”», которому дали свободу, привязав ниточку к лапке» [13, с. 331 (1944–1945)].

И все же Пришвин, приемля образы Андерсена, до исхода дней своих не хотел, чтобы его сближали с Андерсеном-писателем.

В предисловии к рассказу «Дедушкин валенок» он высказал принципиальное творческое суждение о том, что рассказ, «написанный о природе без отношения к человеку», нельзя признать художественным произведением. Но он, признавая «высокохудожественными», не приемлет и «изображения природы для человека, или, если по существу говорить, изображения человека без природы». Это, по Пришвину, «рассказы» Андерсена, которые «наоборот, говорят только о человеке, а природа в них играет роль чисто случайную, роль пейзажа или символа, — в этой природе зайцы ходят в штанах и еловые шишки беседуют с человеком».

Себя Пришвин осознал «продолжателем дела Толстого», в рассказах которого «природа дается в единстве с человеком»: «...я просто не могу понимать природу без человека и человека понимать без природы». «В этом и состоит особенность моего дарования» [10, с. 64].

Поэтому, когда много лет спустя Вениамин Каверин сказал Пришвину, что его «вещицы напоминают сказки Андерсена», Михаил Михайлович не только возразил ему, но и сделал запись в своем дневнике: «Я ответил, что мои вещицы больше сказок: они на глазах у читателя превращают действительность в сказку. Но, конечно, замечание дельное, и где можно, следует акцентировать сказочный элемент моих рассказов». А на следующий день сделал уточнение: «Он (Каверин. — С.Д.) мне сказал, <...> что если бы чуть-чуть чего-то к моим вещицам прибавить, то получилась бы сказка Андерсена. А я ему на это ответил, что я сам по себе и ничего к тому, что есть, не могу ни прибавить, ни убавить» [13, с. 66, 67 (1952–1954)].

Матёрую большевичку Крупскую Пришвину провести не удалось.

В крохотном рассказе она сумела ухватить *особенность его дарования*: Пришвин не только утенка возвышает до стахановца, но и стахановца низводит до утенка. Всё взаимосвязано в изображаемой им природе. И это в рассказе для детей, в рамках детской литературы, которая в СССР вся нацелена на коммунистическое воспитание, на формирование нового человека. Словно провидела записанное тогда же в пришвинском дневнике: «...был спор иностранца со Сталиным: иностранец говорил, что в социализме не будет личности. Сталин – что личность в социализме и будет настоящей личностью. Иностранец говорил о соединении, в котором сохраняется элемент как таковой, т.е. в человеческом обществе личность, а Сталин о другом соединении, в котором элемент исчезает, но остается число [батареек], и эти отдельные [батарейки] (стахановцы) Сталин и понимал как усиление личности» (выделено Пришвиным. – С.Д.) [13, с. 118, 121 (1938–1939)].

Утята, стахановцы, батарейки...

Но все же Пришвин взял свой реванш.

Его изобретатель тоже своеобразный, из контекста тех лет: наши впереди всех.

Главное: свобода. Главное – изобрести, как выбраться из обстоятельств.

Пришвин изобрел.

Мир узнал об этом, прочитав его дневники без изъятий.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6(7) т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 5–300.
2. Болотин С. Творчество С. Маршака // Детская и юношеская литература. 1934. № 8. С. 1–5.
3. Брауде Л.Ю. По волшебным тропам Андерсена. СПб.: Алетейя; Женский проект СПб., 2008. 264 с.
4. Гришина Я.З. Комментарии // Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. С. 839–963.
5. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

6. Детская литература. 1938. № 4. 49 с.
7. Каманин Ф.Е. Литературные встречи // Воспоминания о Михаиле Пришвине. М.: Советский писатель, 1991. С. 111–122.
8. Клейн Иоахим. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время / пер. с нем. Михаила Шульмана под ред. автора // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 231–262.
9. Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1972. 608 с.
10. Пришвин М.М. Дедушкин валенок. Рассказы [с предисловием автора] // Октябрь. 1941. № 2. С. 64–71.
11. Пришвин М.М. В краю непуганых птиц: очерки Выговского края. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. 194 с.
12. Пришвин М.М. В краю непуганых птиц: Онего-Беломорский край: очерки. М., Л.: ГИХЛ, 1934. 190 с.
13. Пришвин М.М. Дневники: в 18 т. СПб.: Росток, 2007–2017 (при ссылках на это издание в круглых скобках указываются годы дневника, помещенного в соответствующем цитате томе).
14. Пришвин М.М. Лисичкин хлеб: книга рассказов // Новый мир. 1939. № 5. С. 97–139.
15. Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982–1986.
16. Роговин В.З. Сталинский неонэп (1934–1936 годы). М.: Б. и., 1995. 247 с.
17. Тихонов Н.С. Устная Книга // Вопросы литературы. 1980. № 6. С. 104–153.
18. Удинцев Г.Б. След души // Воспоминания о Михаиле Пришвине. М.: Советский писатель, 1991. С. 184–188.
19. Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1959. 899 с.
20. Ханс Кристиан Андерсен: биобиблиографический указатель / сост. и автор вст. ст. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1979. 110 с.
21. Энциклопедический словарь: в 3 т. Том 3. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. 744 с.

References

1. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: in 6(7) vols. Moscow, Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2002, vol. 6, pp. 5–300. (In Russ.)

2. Bolotin, S. "Tvorchestvo S. Marshaka" ["Marshak's Work"]. *Detskaya i yunoshe-skaya literatura*, no. 8, 1934, pp. 1–5. (In Russ.)
3. Braude, L. Yu. *Po volshebnykh tropam Andersena* [Along the Magical Paths of Andersen]. St Petersburg, Aleteiya Publ.; Zhenskii proekt SPB Publ., 2008, 264 p. (In Russ.)
4. Grishina, Ya. Z. "Kommentarii" ["Comments"]. In: Prishvin, M. M. *Dnevniky* [Diaries]. 1936–1937. St Petersburg, Rostok Publ., 2010, pp. 839–963. (In Russ.)
5. Dal', V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovari Publ., 1955. (In Russ.)
6. *Detskaya literatura*, no. 4, 1938, 49 p. (In Russ.)
7. Kamanin, F. E. "Literaturnye vstrechi" ["Literary Meetings"]. *Vospominaniya o Mikhaile Prishvine* [Memories of Mikhail Prishvin]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 111–122. (In Russ.)
8. Klein, Ioakhim. "Belomorkanal: literatura i propaganda v stalinskoe vremya" ["Belomorkanal: Literature and Propaganda in Stalin's Time"], transl. from German M. Shul'man. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 71, 2005, pp. 231–262. (In Russ.)
9. Marshak, S. Ya. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 8 vols. Vol. 8. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 608 p. (In Russ.)
10. Prishvin, M. M. "Dedushkin valenok" ["Grandfather's Felt Boots"]: Stories [with the preface of the author]. *Oktyabr'*, no. 2, 1941, pp. 64–71. (In Russ.)
11. Prishvin, M. M. *V krayu nepuganykh ptits: ocherki Vygovskogo kraya* [In the Land of Fearless Birds: essays of the Vygovsky Region]. St Petersburg, Izdanie A. F. Devriena Publ., 1907, 194 p. (In Russ.)
12. Prishvin, M. M. *V krayu nepuganykh ptits: Onego-Belomorskii krai: ocherki* [In the Land of Fearless Birds: Onego-Belomorsky Region: Essays] Moscow; Leningrad, GIKHL Publ., 1934, 190 p. (In Russ.)
13. Prishvin, M. M. *Dnevniky* [Diaries]: in 18 vols. St Petersburg, Rostok Publ., 2007–2017. (In Russ.)
14. Prishvin, M. M. "Lisichkin khleb: kniga rasskazov" ["Fox Bread: Story Book"]. *Novyi mir*, no. 5, 1939, pp. 97–139. (In Russ.)
15. Prishvin, M. M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 8 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982–1986. (In Russ.)
16. Rogovin, V. Z. *Stalinskii neonep* [Stalinist Neonep] (1934–1936). Moscow, 1995, 247 p. (In Russ.)
17. Tikhonov, N. S. "Ustnaya Kniga" ["Oral Book"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 1980, pp. 104–153. (In Russ.)

18. Udintsev, G.B. "Sled dushi" ["Soul Trace"]. *Vospominaniya o Mikhaile Prishvine* [*Memories of Mikhail Prishvin*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 184–188. (In Russ.)
19. Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [*Complete Works*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1959, 899 p. (In Russ.)
20. *Khans Kristian Andersen: biobibliograficheskii ukazatel'* [*Hans Cristian Andersen: Bio-bibliographic Index*], comp. and introd. E.V. Pereslegina. Moscow, Kniga Publ., 1979, 110 p. (In Russ.)
21. *Ehntsiklopedicheskii slovar'* [*Encyclopedic Dictionary*]: in 3 vols. Vol. 3. Moscow, Bol'shaya sovetskaya ehntsiklopediya Publ., 1955, 744 p. (In Russ.)

МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ИСТОРИЕЙ

УДК 82.0

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.10

И.В. Пешков

© Пешков И.В., 2023

О КАТЕГОРИИ АВТОРСТВА В БИБЛИИ

Аннотация. В статье исследуется Библия с точки зрения ее связи с представлениями об авторстве М.М. Бахтина. Обнаруживаются отдельные аналогии Ветхого Завета с элементами зарождающейся художественной литературы, особое внимание уделено попыткам введения образа рассказчика в Пятикнижии Моисеевом. Однако до разделения автора и героя в этих текстах, как и в остальных книгах Ветхого Завета, еще очень далеко. Настоящей матрицей литературно-художественного авторства становится Новый Завет, но и эта матрица начинает работать по-настоящему только с появлением Шекспира.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; Библия; Ветхий Завет; Новый Завет; литературно-художественное авторство.

Получено: 01.08.2023

Принято к печати: 25.08.2023

Информация об авторе: *Пешков* Игорь Валентинович, доктор филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9881-3429>**E-mail:** ivpeshkov@gmail.com

Для цитирования: *Пешков И.В.* О категории авторства в Библии // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 170–180.

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.10

Igor' V. Peshkov
© Peshkov I.V., 2023

ON THE CATEGORY OF AUTHORSHIP IN THE BIBLE

Abstract. The article analyses the Bible from the point of view of its connection with M.M. Bakhtin's concept of authorship. Some analogies between the Old Testament and the elements of the emerging fiction are found. Attempts to introduce the image of the narrator in the Pentateuch of Moses are described in particular detail. However, the separation of the author and the hero in these texts, as in the other books of the Old Testament, is still very far away. The New Testament becomes the real matrix of literary and artistic authorship, but this matrix only really starts to work with the advent of Shakespeare.

Keywords: M.M. Bakhtin; Bible; Old Testament; New Testament; literary and artistic authorship.

Received: 01.08.2023

Accepted: 25.08.2023

Information about the author: Igor' V. Peshkov, DSc in Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9881-3429>

E-mail: ivpeshkov@gmail.com

For citation: Peshkov, I.V. "On the Category of Authorship in the Bible", *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(62), 2023, pp. 170–180. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.10

Жизнь созерцательная (βίος θεωρητικός) и жизнь действенная (βίος πρακτικός) – две нераздельные и неслиянные ипостаси человеческого бытия, осознанные еще древними, как, например, в приведенных в скобках терминах Аристотеля [1]. Обе эти ипостаси присутствуют в представлении об авторе, сформированном наиболее явственно М.М. Бахтиным. Автор является созерцателем жизни героя, он не вмешивается в нее и в этом смысле он пассивен. Но созерцает он любовно, а любовь не может быть абсолютно пассивной, ведь именно она в конечном счете приводит к рождению героя как изъятию из круговой поруки вины и ответственности незавершимого жизненного потока. Автор-то и завершает незавершенное, создавая героя в новом эстетическом плане бытия, рождает его как нового человека – в новой плоти. Такую активную пассивность автора по отношению к герою Бахтин на-

зывает «напряженной вненаходимостью»: «Это отношение изъе-лет героя из единого и единственного объемлющего его и автора-человека открытого события бытия, где он – как человек – был бы рядом с автором – как товарищ по событию жизни, или против – как враг, или, наконец, в нем самом – как он сам, изъе-лет его из круговой поруки, круговой вины и единой ответственности и ро-ждает его как нового человека в новом плане бытия, в котором он сам для себя и своими силами не может родиться, облакает в ту новую плоть, которая для него самого не существенна и не суще-ствует» [2, с. 15–16].

Генезис подобных представлений об авторстве [4; 6] имеет аналогии в Библии. Первая книга в греческом переводе так и на-зывается «Генезис» (Γένεσις), а в переводе на русский – «Бытие». Такая пара смыслов – по греческому оригиналу (а греческий пе-ревод для европейской культуры в целом и является оригиналом Ветхого Завета) и русскому переводу – созвучна бахтинской идее становления, собственно пониманию бытия как становления. И в этом становящемся по воле Бога бытии Он сам не созерцал, не вживался, не сопереживал (и т.д.), а создал человека как еще одно произведение в ряду предметов шести дней творения. Небо, земля и т.д. и в конце этого инвентарного списка – человек. Это просто более тонкая лепка.

При чтении Книги Бытия¹ невольно возникает вопрос о на-личии первоначального замысла у Бога. Анализ первой и второй глав Книги Бытия показывает, что все-таки о замысле говорить сложно. За подробностями этого анализа отсылаю к статье в жур-нале «Миргород» [5], где делается вывод: Бог, будучи изначально природой творящей (*natura naturans*), творил спонтанно. Более того, в процессе творения он и сам становится природой сотворен-ной (*natura naturata*), шаг за шагом проявляется в своих ипостасях и функциях. До разделения автора и героя еще очень далеко, хотя годный в герои объект, – а если проводить аналогию с художе-ственной литературой, то это человек, – и появился в последний, шестой день творения. Однако это именно объект. Может быть, стремясь задним числом придать человеку субъектности, Бог во

---

¹ Все ссылки на Ветхий Завет приводятся по Синодальному переводу Библии с указанием сокращенного названия книги, номера главы и стиха: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/index.html> [7].

второй главе Книги Бытия позиционирует человека не совсем так, как в первой главе. Вообще в деле создания человека информация накопилась противоречивая.

Прежде всего, обозначен материал, из которого человек сделан – «прах земной», затем Бог «вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2: 7). В первой главе созданным по образу и подобию Божьему мужчине и женщине с их будущим потомством сразу же отдавалась под управление вся земля со всеми животными на ней (Быт. 1: 26–28). Во второй главе вместо всего этого предлагаются тепличные условия рая (Быт. 2: 8), причем женщина создается для помощи в том месте, где помогать не в чем: хотя формально человеку поручены функции садовника (Быт. 2: 15), делать в Эдеме решительно нечего, кроме как есть плоды райских деревьев (Быт. 2: 16), обходя стороной плоды дерева познания (Быт. 2: 17). Все это не похоже на авторский замысел.

Не видно и авторской редакции текста. Бог написанное (сделанное), судя по всему, не перечитывал: сначала (в первой главе) создал мужчину и женщину как очередную пару скота, а затем (во второй главе) создал женщину еще раз – для жизни мужчины в раю (Быт. 2: 21–24).

С функционированием женщины в третьей главе возникают аналогии фольклору: сюжет об изгнании человека из рая. Бог не мог не понимать, что райская жизнь – это тупик: миру развиваться некуда. Остальной мир, слава Богу, был не так идеально устроен, но ни за что ни про что высылать туда человека было не очень красиво. Поэтому Бог сразу же поставил запрет на питание с дерева познания добра и зла (Быт. 2: 17), вероятно, имея в виду, что в раю нечего делать, кроме как нарушать запреты. Но мужчина оказался не любопытен, и Богу пришлось создавать из его ребра женщину (Быт. 2: 22), которой Змей проговорился, что запрет вообще-то ложный (Быт. 3: 4–5): Бог грозил человеку смертью, а, съев яблоко, тот просто моральные ценности начал различать: «зная добро и зло» (Быт. 3: 22). Значит, если считать Бога полноценным автором, интрига с изгнанием из рая читалась бы именно как интрига. Так или иначе, человека изгнали из рая как непослушного и соответственно – с чувством вины. Не меньшую ответственность нес бы Бог как автор в истории Каина и Авеля (Быт. 4: 2–15): по тексту Господь спровоцировал ревность Каина

(Быт. 4: 4–5). Эта история идет сразу за историей с деревом познания, которую Бог кончает знаменательной репликой.

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (3: 22).

Господь тут, преодолевая фольклорное мы-сознание, превращается в аналог протагониста древнегреческой трагедии, пока без всяких намеков на авторство. Бог вложил в человека душу, а разума тот, по наущению жены, вкусил сам. Человека разумного Бог сразу же начал опасаться, одел его в кожу и отправил на собственные хлеба с перспективой окончательного обращения во прах. Забавно, что на вкушение с дерева жизни изначально никакого запрета не было. Бог вовремя спохватился, а то в раю человек мог стать бессмертным просто случайно.

Итак, в третьей главе появляются элементы, которые мы привыкли относить к художественной литературе. Больше всего сценки главы похожи на стихомифию аттической трагедии (Быт. 3: 9–19): протагонист ведет краткие диалоги со вторым актером, который попеременно исполняет роли нарушителей запрета (жены, человека), плюс еще стартовый диалог антогониста-змея с женой (Быт. 3: 1–4).

На первый взгляд Бог в начале Книги Бытия выглядит героем, почти никто больше и не действует там, человек, если начинает действовать, то сразу что-то нарушает! Но содержательное действие Бога – творение мира. То есть герой пытается содержательно проработать функции автора, которые можно будет потом запустить формально.

Как бы то ни было, но в качестве главного героя Богу прямым («ручным») управлением движение мира в нужное русло направить не удалось. Был испробован и автономный режим (Быт. 5), но результат не удовлетворил (Быт. 6: 5–6):

«5. И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время;

6. и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем».

Снова пришлось включать ручное управление, но с более тонкими настройками. Планомерно ищется герой, который мог бы

выполнить функции протагониста, сначала Ной (Быт. 6: 8–9) и сюжет с потопом (Быт. 6: 12–8: 14), но выяснилось, что недостаточно самому быть праведником, чтобы все потомство твое стало праведным. Тут же человечеством овладело тщеславие и оно начало строительство Вавилонской башни (Быт. 11: 4), и чтобы это пресечь Богу пришлось смешивать языки. Но на разных языках трудно не только строить сомнительную башню, трудно налаживать общежитие вообще. Пришлось выбирать один язык и соответственно один народ, чтобы хоть от него для начала добиться праведности. То есть поиск героя продолжился уже среди евреев: Авраам, получивший это имя от Бога (с 11 по 17 главу Книги Бытия он – Аврам), доказал свою преданность, согласившись заковать своего сына Исаака (Быт. 22: 1–12), к которому Господь в свою очередь являлся с указаниями и обещаниями (Быт. 26: 2–5). Сын Исаака Иаков, купивший права первородства у брата Исава за чечевичную похлебку (Быт. 25: 29–34), тоже лично (правда, во сне) выслушивал Бога, стоящего на вершине лестницы, и тоже получил от него некие гарантии для своих потомков (Быт. 28: 12–15), а позже в прямой борьбе (в спортивном смысле слова) с Богом потребовал и получил от него благословение (Быт. 32: 24–29). В конце концов Бог снова явился ему, снова благословил и переименовал в Израиля (Быт. 35: 9–12). Так или иначе патриархов включить в дело становления, конечно, удалось, хотя уже сын Иакова Иосиф больше занимался спасением народа от голода, чем движением к цели, земле обетованной (Быт. 39–45). Его потомки осели на много столетий в Египте (Исх. 2–3).

И только с Моисея начинается настоящее воспитание народа, но для начала Моисею Бог формулирует задание вывести свой страдающий народ из Египта (Исх. 4), что выполняется с большими сложностями и перипетиями при прямом участии Господа, включая его многочисленные длинные диалоги с Моисеем (Исх. 5–14). Господь передает через Моисея заповеди по дороге из Египта на горе Синай (Исх. 19–23) вместе со скрупулезно разработанным алгоритмом священнических действий (Исх. 24–31). Он вообще все сообщает очень подробно и непосредственно Моисею. В конце этих бесед Бог «дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные» (Исх. 31: 18).

В следующих книгах все продолжается примерно в том же духе: на глаз не меньше трети текста «Левита» и «Чисел» – прямая речь Бога. С точки зрения поэтики Бог от этого ничуть не больше похож на автора. Причем он не только утверждает заветы и дает непосредственные указания к действию, но и выслушивает порой советы Моисея, например, когда тот просит не наказывать весь народ (Чис. 14: 13–19). В этих беседах с Моисеем, где последний все-таки редко смеет подать голос, Бог выступает сначала в роли законодателя (Лев. 1–17, 19–27), неоднократно утвердившего все законы примерно так (Лев. 18):

«1. И сказал Господь Моисею, говоря:

2. объяви сынам Израилевым и скажи им: Я Господь, Бог ваш.

3. По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую Я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите:

4. Мои законы исполняйте и Мои постановления соблюдайте, поступая по ним. Я Господь, Бог ваш».

Попутно Бог выступает в роли инженера-конструктора переносной скинии (Исх. 35: 11–19), к которой придется род служителей в принятии жертвенных животных и птиц и охранников в движении, и вокруг которой происходит само движение 12 колен израилевых (Чис. 1–4, 13). И как законодатель, и как инженер Бог входит во все детали. Смертный грех карается смертью (отсюда, вероятно, и само название), а остальные грехи искупаются – в материальном (скотом) и денежном эквиваленте их тяжести, плюс пятая часть от этого эквивалента поступает священникам. Роль бухгалтера Богу тоже не чужда. Как и безжалостного судьи – при малейших отступлениях от своих норм. Берет на себя Бог и роль прямого предводителя, в виде облака или огненного столба управляя движением народа.

Таким образом, Бог вмешивается везде, требуя полного повиновения в обмен на обещание земли обетованной, а за малейшее сомнение в способности захватить эту землю, уже плотно заселенную, лишает всех взрослых представителей своего народа возможности покинуть пустыню (Чис. 14: 22–30).

Мало того, что Бог требует огромных жертв и слепого повиновения, он еще и крайне обидчив и в любой момент за ослабле-

ние веры в его могущество одним или несколькими людьми готов уничтожить весь народ и лишь мольбы Моисея в нескольких случаях ограничивают его аппетиты до определенного количества поколений семени нарушителя. Скрыться от Бога негде, он действительно везде. И он, – в связанной с Бахтиным парадигме представлений об авторстве, – не автор, всем давно известно, что Богом Ветхого Завета больше движет гнев, а не любовь.

В трех книгах перехода избранного народа из Египта в Землю обетованную единое авторское начало совершенно не просматривается, не видно и образа рассказчика: повествование идет, но кто его ведет, неясно. Стилистически это чересполосица прямой речи Бога, указывающего, что делать, передачи этой речи Моисеем народу и прямого же выполнения сказанного. Это как бы расслоение прямого действия Бога из Книги Бытия, где слово и дело практически не разделялось, на три вида: слова Бога («И сказал Бог, говоря»), одновременно и дящееся и совершенное: говоря, сказал – все в одной плоскости (первый вид). Это же слово в чуть косвенной речи Моисея, т.е. в попытках косвенной речи, это все-таки та же прямая речь, но в пересказе (повторе!) посредника (второй вид). И это же слово, но как исполненное, где повелительное наклонение глагола просто меняется на изъявительное наклонение (исполнительное поклонение – третий вид).

Намеки на коллизии сюжета возникают там, где это третье звено нарушается и народ почему-либо не решается исполнять слово Божие, т.е. слепая вера хоть чуть-чуть уступает рассудку как в случае с отправлением разведчиков в Ханаанскую землю (Чис. 13). Она, эта земля, оказалась плотно заселенной, со множеством укрепленных городов, по разведанным, идти туда была верная гибель. Только за такие сомнения большинства гонцов Бог едва не истребил избранный народ и лишь в последний момент, по мольбе Моисея, заменил поголовную смертную казнь на лишение всего сознательного населения обещанной им земли. Пришлось Моисею еще 40 лет водить их по пустыне, пока поколения полностью не сменились. Это, собственно, и есть основная сюжетная коллизия между первой и последней книгами Пятикнижия. Всё остальное – подробные прописи поведения для израильского народа, расписание всех мыслимых преступлений и наказаний. Собственно Ветхий Завет.

Пятикнижие Моисеево в целом выглядит густо разветвленной волшебной сказкой о человечестве, постоянно нарушающем запреты Бога, и об отдельных людях-героях, которые все заповеди несмотря ни на что выполняли, чем и спасали все человечество. Впрочем, уже в первой книге («Бытие») человечество заменяется избранным народом.

Самое интересное в стилистико-художественном плане возникает в начале пятой книги. «Второзаконие» итожит предыдущие три книги как в нарратологическом, так и в юридическом отношении. Прежде чем изложить все законы в единый свод, Моисей пересказывает историю утверждения этих законов (Втор. 1–10) – перед нами отчетливая попытка ввести некий образ рассказчика, до этого места события в книге как бы обрушивались на читателя словом и делом, а теперь они впервые даются как воспоминание, и одновременно напоминание Моисеем народу его истории, так как поколения за 40 лет блуждания в пустыне сменились. Так появляется собственно история – во многих будущих смыслах этого слова.

Но из Пятикнижия Моисеева и всей ветхой истории Бог сумел сделать правильные выводы, осознав, что миру нужно не рождение и развитие с нулевой точки (человечества или избранного народа) во всей материальности (будь то творение или потоп), а духовное возрождение. Духовное же возрождение требует автора: героических усилий, чтобы создать цельный мир, недостаточно. Мало быть героем в произведении, хоть облаком, хоть огненным столбом: всюду не поспеешь, а Моисея и других вождей народа типа Давида как посредников в выполнении божьих планов принципиально не хватает. Для радикального переустройства нужно в мире искать авторскую позицию. И Бог эту позицию выстроил на новых основаниях: прежде всего на любви, запреты ушли на второй план. Это и есть Новый Завет.

Такой авторской позицией оказалось отречение от прямого авторского диктата. Бог уже не прописывает своим героям каждый шаг, он вообще устраняется от прописей. Если Бог Ветхого Завета в Библии везде, то Бога Нового Завета не видно почти нигде. Он передает функцию записывания-написания истории специальным героям-рассказчикам, евангелистам. И описанное событие становится таким образом даже не трехмерным, а четы-

рехмерным: Четвероевангелие – это благая весть, рассмотренная с четырех точек зрения: три пространственных измерения и время (Синоптические Евангелия и Евангелие от Иоанна). В связи с этим нельзя не упомянуть понятие хронотопа и снова сопоставить рассмотренное с общим представлением Бахтина об эстетическом объекте: «Эстетический объект – это творение, включающее в себя творца: в нем творец находит себя и напряженно чувствует свою творческую активность, или иначе: это творение, как оно выглядит в глазах самого творца, свободно и любовное его сотворившего (правда, это не творение из ничего, оно предполагает действительность познания и поступка и только преобразует и оформляет ее)» [3, с. 70].

Все эти характеристики можно отнести к Евангелию, однако они почти демонстративно противоположны тому, что мы наблюдаем в Ветхом Завете, начиная с «творения из ничего». Таким образом, сама модель авторства в Новом Завете оказывается настоящей матрицей для творцов литературно-художественных произведений, начиная лишь с эпохи Возрождения и прежде всего с произведений Шекспира.

Список литературы

1. *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 221 с.
2. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
3. *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 6–71.
4. *Пешков И.В.* Бахтинский подход к авторству // *Новый филологический вестник*. 2016. № 1(36). С. 22–40.
5. *Пешков И.В.* Бог – автор или автор – Бог? // *Миргород*. 2019. № 2(14). С. 23–41.
6. *Пешков И.В.* К проблеме генезиса литературно-художественного авторства // *Миргород*. 2019. № 1(13). С. 19–47.
7. Синодальный перевод Библии. URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/index.html> (дата обращения: 15.06.2023).

References

1. Aristotel'. *Ritorika. Poehtika* [*Rhetoric. Poetics*]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 221 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. "Avtor i geroi v ehsteticheskoi deyatel'nosti" ["Author and Hero in Aesthetic Activity"]. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of Verbal Creativity*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 7–180. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. "Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve" ["The Problem of Content, Material and Form in Verbal Artistic Creation"]. *Voprosy literatury i ehstetiki* [*Questions of Literature and Aesthetics*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 6–71. (In Russ.)
4. Peshkov, I.V. "Bakhtinskii podhod k avtorstvu" ["Bakhtin Approach to Authorship"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1(36), 2016, pp. 22–40. (In Russ.)
5. Peshkov, I.V. Bog – avtor ili avtor – Bog? [Whether God is the Author or the Author is God?]. *Mirgorod*, no. 2(14), 2019, pp. 23–41. (In Russ.)
6. Peshkov, I.V. "K probleme genezisa literaturno-khudozhestvennogo avtorstva" ["To the Problem of the Genesis of Fiction's Authorship"]. *Mirgorod*, no. 1(13), 2019, pp. 19–47. (In Russ.)
7. Sinodal'nyi perevod Biblii [Synodal translation of the Bible]. Available at: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/index.html> (date of access: 15.06.2023). (In Russ.)

Д.Л. Чавчанидзе

© Чавчанидзе Д.Л., 2023

ТАЛАНТ И СЛАВА В САМОСОЗНАНИИ *ВЕЛИКИХ (ГЁТЕ И ПУШКИН)*

Аннотация. В статье освещается вопрос, встававший перед выдающимися мастерами литературы на уровне социально-философских понятий начала XIX в., – о смысле творческого труда. Выражение этого рассматривается в суждениях Гёте и Пушкина о сложности отношений с читательской массой – неперенный акт поэтического самосознания, как такового, так и индивидуального. Анализируется авторская неудовлетворенность, формулированная словами *толпа*, *чернь*, убеждение в ограниченности понимания искусства *толпой* – независимо от ее реакции, как положительной, так и отрицательной. Сопутствующая тому потребность художника в справедливой оценке, в славе, по сути, представляющей критерий его таланта, констатируется как неразрешимое противоречие.

Ключевые слова: Гёте; Пушкин; талант; толпа; творчество; слава.

Получено: 01.08.2023

Принято к печати: 01.09.2023

Информация об авторе: Чавчанидзе Джульетта Леоновна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: juchav@mail.ru

Для цитирования: Чавчанидзе Д.Л. Талант и слава в самосознании великих (Гёте и Пушкин) // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 181–186. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.11

Julietta L. Chavchanidze

© Chavchanidze J.L., 2023

TALENT AND FAME IN SELF-CONSCIOUSNESS OF THE *GREAT* (GOETHE AND PUSHKIN)

Abstract. The article deals with the question that confronted the outstanding masters of literature at the level of socio-philosophical concepts of the early 19th century – the meaning of creative work. The expression of this is considered in the judgements of Goethe and Pushkin about the complexity of relations with the mass of readers – an indispensable act of poetic self-consciousness both as such and as individual. The author's dissatisfaction formulated by the words *crowd*, *mob* and the belief in the limited understanding of art by the crowd – regardless of its reaction both positive and negative are analyzed. The concomitant need of the artist for a fair assessment, for fame, which in fact represents the criterion of his talent is stated as an insoluble contradiction.

Keywords: Goethe; Pushkin; talent; creativity; mob; fame.

Received: 01.08.2023

Accepted: 01.09.2023

Information about the author: *Julietta L. Chavchanidze*, DSc in Philology, Professor, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: juchav@mail.ru

For citation: Chavchanidze, J.L. "Talent and Fame in Self-consciousness of the *Great* (Goethe and Pushkin)". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 181–186. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.11

Расхожая антитеза *поэт – толпа* возникала в поэтическом сознании на основе авторского чувства самодостаточности. И всегда – в непосредственном сочетании со стремлением к популярности у читательской массы, у той же *толпы*, с желанием славы. Такая двойственность складывалась у человека творческого в вопрос о смысле и значении его труда, и тем настойчивее, чем ярче был талант. О том свидетельствует оставленное Гёте и Пушкиным, у первого – в записанном Эккерманом, у второго аналогичное достаточно просматривается в его стихах.

Гёте замечает, что многие, считая собственным открытием знакомые с детства художественные образцы, в попытке им следовать «влачатся хоть за каким-то именем, не брезгуя даже недозволенными средствами» [3, с. 332]. Но, как бы «возвращая своему

времени то, что взяли у него займы, остаются нищими» [там же], – творчество подделке не подлежит, и признания подделка не приобретает.

В понимании Гёте слава непременно сопутствует таланту, а это означает существенную роль *толпы*: Шекспир «тоже не сам себя создал» [3, с. 121], Наполеон достиг славы, когда «разнес на куски полмира» [3, с. 308]. Однако подлинный талант – явление столь же редкое, как Наполеон, и перед литературной публикой чаще оказывается не художественное создание, а личность писателя, заключает Гёте. Такое измерение таланта знакомо Пушкину, поэтому в «Евгении Онегине», в посвящении и частых лирических отступлениях, он настаивает на *творческой* природе своего несоответствия толпе, уничижительно именуя ее позднее в одном из своих стихотворений *чернь*.

Высокий статус искусства определялся в первые десятилетия беспокойного XIX в., когда культурная мысль Европы освобождалась от социальных нормативов – от неоправданных заявок Просвещения. Французский философ Виктор Кузен развивал в своих лекциях принцип независимости творчества от проблем действительности: *искусство для искусства, как религия для религии*. Гёте мог быть знаком с идеями Кузена, но самобытность искусства для него была бесспорна изначально. Тем можно объяснить, хотя бы отчасти, его неприятие романтизма, по-своему *восходящего к реальности* как реакции на ту же реальность, хотя и отрицательной. Притом романтизма позднего, где реальное уже занимает место, – к первым романтикам, лейкистам, Гёте относился одобрительно, и его сдержанная оценка Новалиса тоже была не однозначной.

Пушкин, насколько известно, Кузена не читал, но для него творчество равносильно религиозному очищению. Стихотворение «Поэт и толпа», первоначально с еще более вызывающим названием «Чернь», было написано в 1830-е годы, когда мыслящего русского поэта не могло не волновать, *как преобразовать, чем заменить* неосуществленные и неосуществимые идеалы декабристов. Таков был необъявленный ответ Рылееву, заявившему за несколько лет до того о первостепенности идейной, не художественной стороны своих произведений: «Ты не увидишь в них искусства / ...Я не поэт, а гражданин». Пушкин утверждает обратное: «Не для житейского волненья, / Не для корысти, не

для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв».

Несовместимость творческой фантазии с вниманием к реальному стала предметом дискуссии в русской литературе 1860-х годов. В статье А.В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» [2] впервые появился синоним французского кредо «искусство для искусства»: *чистое искусство*. Оно «служит и должно служить самому себе», не касаясь жизненно-конкретного. Возражение прозвучало у Некрасова в вариации строк Рылеева: «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан».

Взгляд единомышленника Чернышевского вписывался в оживившееся тогда общероссийское уmonoстроение. Иное в позднем его стихотворении «Поэту» с подзаголовком «Памяти Шиллера». На первый взгляд, оно принадлежит другому автору. Анти-теза *поэт – толпа* заостряется даже лексикой, Некрасову не свойственной: «Толпа гласит: певцы не нужны веку, / И нет певцов – замолкло божество»... / «Прости слепцам, художник вдохновенный... / Волшебный факел свой / ...Вновь вознеси над гибнущей толпой. / Вооружись небесными громами...» – и т.п.

Впрочем, и это стихотворение не столь однозначно. Небесная природа искусства не отменяет служение земному. Некрасов и здесь не проходит мимо сурового господства несправедливости: «...Век крови и меча! / На трон земли ты посадил банкира, / Провозгласил героем палача». Не случайно и воспоминание о Шиллере, всегда взволнованном дисгармонией реальности. Не о Гёте, воспринимавшем мрачную сторону своего времени в свете неоспоримых законов *вечности*, – разница, отмеченная им самим: «В поэзии я был убежденным сторонником объективности и ничего другого не признавал, тогда как Шиллер... творил чисто субъективно...» [3, с. 361]. Образная система Гёте не содержала *социальной* тенденции, за что его пыталась в свое время лишить имени «Молодая Германия».

Между тем *любой* талант сам по себе требует славы. Убежденный в этом, Гёте часто упоминает в разговорах с Эккерманом Наполеона, самую прославленную в XIX в. фигуру: «...Наполеон предпринял этот поход (египетский. – Д. Ч.) только затем, чтобы заполнить время, когда во Франции он ничего не мог сделать для

достижения всей власти» [3, с. 312], – еще раз прославиться. И повторяет, что именно подобные «демоны», человеческие желания и страсти, «позволили возникнуть Рафаэлю... Моцарту... в музыке, а в поэзии – Шекспиру» [3, с. 335].

Для того, кто творит, слава – справедливый критерий его таланта, и он не может быть равнодушен к славе. Однако важнейшим импульсом у него всегда остается самосознание, самоопределение. *Толпа*, таким образом, оказывается на втором месте, тем более что состоит не только из способных проникнуться настоящим искусством, но и из приверженцев эстетической нормативности. Их оценки вовсе безразличны поэту. «На рецензии я особого внимания не обращал. Мое дело было сделано, теперь пусть уважаемые господа справляются со своим» [1, с. 425], – вспоминает Гёте о неудовольствии литературных авторитетов выходом «Вертера». Пушкин в «Онегине» утверждает, что и игнорирование его достижений будет своего рода признанием: «Иди же к невским берегам / Новорожденное творенье, / И заслужи мне славы дань, / Кривые толки, шум и брань».

Каждый из великих поэтов готов к непониманию или недопониманию со стороны массы. Гёте по поводу первого своего успеха оговаривает, что в «Вертере» публику привлекало только содержание, но не художественное выполнение: «Нельзя спрашивать с публики, чтобы она творение духа воспринимала так же духовно» [1, с. 425]. Постоянное обращение Пушкина: *мой читатель* не лишено иронии, что прямо подтверждается завершающими строфами «Онегина». Автор сообщает читателю об удовлетворении своим созданием как «приятелю», однако не без чувства отчужденности, в обращении к другому: «Прости ж и ты, мой спутник странный, / И ты, мой верный идеал, / И ты, живой и постоянный, / Хоть малый труд...». Творчество является в реальности *другой* сферой.

Поздний Гёте после длительных наблюдений над обретением славы в современности приходит к выводу, что в ней понятие о подлинном искусстве отсутствует: «Все одаренные писатели теперь подаются нам на подносе общественного мнения...» [1, с. 406]. Такую славу он считает губительной для таланта: «Тот, кто... не умеет держаться в стороне от этой суеты, кто недостаточно силен, чтобы от нее изолироваться, обречен гибели»

[там же]. И не сомневается, что творить по-настоящему способен лишь «покорный демонической власти своего гения» [3, с. 630]. Решительно уводит поэта от *толпы*, не только от недовольной, но и от благодарной, Пушкин: «...не дорожи любовью народной, / Восторженных похвал пройдет ненужный шум... / Всех лучше оценить умеешь ты свой труд... / Доволен? Так пускай толпа тебя бранит...».

Можно гадать, *что* подразумевал мудрый Гёте под демонизмом гениальности, – только ли разрыв с массой в собственном, глубоко выношенном настроении? Или и непременно обреченность гениального на духовное одиночество? И что говорил бы о том же Пушкин, если бы прожил столько же лет?

Список литературы

1. Гёте И.В. Поэзия и правда. М.: Художественная литература, 1969. 605 с.
2. Дружинин А.В. Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983. 364 с.
3. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте. М.: Художественная литература, 1981. 687 с.

References

1. Goethe, I.-W. *Poehziya i pravda* [Poetry and Thruth]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, 605 p. (In Russ.)
2. Druzhinin, A.V. *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Moscow, Sovetskaya Rossia, 1983, 364 p. (In Russ.)
3. Ehkkerman, I.P. *Razgovory s Goethe* [Talks with Goethe]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, 687 p. (In Russ.)

ПАМЯТИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 82-94

DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.12

Т.Г. Юрченко,
Институт научной информации по
общественным наукам РАН,
ответственный секретарь
«Литературоведческого журнала»

«Умер Александр Николаевич Николюкин...»

Умер Александр Николаевич Николюкин – основатель и бессменный главный редактор «Литературоведческого журнала» на протяжении тридцати лет. Историю создания журнала он поведал сам в юбилейном 33-м номере ЛЖ, отметившем тогда, в 2013 г., свое двадцатилетие¹, а в этом году, когда журналу исполнилось тридцать лет, немного ее дополнил².

Издание журнала, первые годы выходившего под названием «Российский литературоведческий журнал», было абсолютно частной инициативой – поступило предложение со стороны. В атмосфере начала 1990-х, пронизанной духом небывалой свободы и предпринимательства, в этом не было ничего удивительного. Удивительно то, что журнал, пережив и девяностые, и нулевые, и десятые, существует по сей день. И это – целиком заслуга его главного редактора.

В 1992 г., когда затевался журнал, это была авантюра, на которую мог пойти только человек очень целеустремленный, не-

---

¹ Воспоминания главного редактора // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 258–264.

² От главного редактора // Литературоведческий журнал. 2023. № 3(61). С. 200–201.

роятно упорный и обладающий неординарными организаторскими способностями, – именно таким был Николюкин. Надо заметить, что уже тогда Александр Николаевич был далеко не молод, но энтузиазма, с которым он приступил к созданию журнала, ему было не занимать. Тем более что мысль о периодическом издании, посвященном именно истории литературы, т.е. творчеству писателей уже ушедших, а не живой современности, была с ним давно³.

Первый номер, как вспоминал Александр Николаевич⁴, он с тогдашним ответственным секретарем журнала Б.А. Ланиным печатал собственноручно в типографии на Стромынке. В дальнейшем, договорившись с другой типографией, сам вывозил тираж, с помощниками рассылал по учебным заведениям и развозил по книжным лавкам.

Объединив вокруг журнала многих известных ученых, среди которых – Ю.Д. Левин, И.Л. Волгин, В.Е. Хализев, Р.И. Хлодовский, позднее – М.Л. Гаспаров и др., он прилагал немалые усилия для поиска средств на издание, поскольку частное финансирование оборвалось на третьем номере. Дело дошло до того, что данью были обложены члены редколлегии, и к чести большинства из них, они это испытание выдержали.

Хотя учредителем журнала еще в 1994 г. было зарегистрировано Отделение литературы и языка РАН, деньги на журнал не выделялись, судьба издания висела на волоске. Без всякой надежды продержаться еще какое-то время, в 1996 г. выпустили номер к 200-летию А.С. Пушкина – за три года до юбилея. Но журнал продержался и три года, и дольше – и только спустя семь лет после начала издания, в 2000 г., был взят на баланс ИНИОН, получив название «Литературоведческий журнал». Совсем недавно ЛЖ стал «ваковским» – хорошо, что это случилось при жизни Александра Николаевича! Если памятником человеку остаются его

---

³ См.: Воспоминания главного редактора... С. 258. Он не раз подчеркивал, говоря о «Литературоведческом журнале», что «в отличие от существующих ныне журналов, мы различаем историю литературы и критику современного литературного процесса. И поэтому публикуем статьи и материалы только по истории литературы, оставляя поле текущей словесности для критиков» (там же, с. 264). Такая редакционная политика, надо думать, сохранится в журнале – в память о его создателе – и дальше.

⁴ От главного редактора... С. 200.

дела, то таким памятником Николюкину, нарядус массой другого, им сделанного, будет его любимое детище – «Литературоведческий журнал», навсегда с его именем связанный.

Историк английской литературы по первой своей специализации, Александр Николаевич долгое время был американистом, писал работы по сравнительному литературоведению. С концом советской власти, когда открылась возможность заниматься тем, чем раньше было нельзя, он обратился к наследию В.В. Розанова: издал его сочинения по расшифрованным рукописям, собрал авторский коллектив и подготовил «Розановскую энциклопедию» (2008). Одним из первых он стал заниматься литературой русской эмиграции. Результатом этой работы стал фундаментальный коллективный труд «Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)» в 4 т. (1997–2006). Последнее двадцатилетие было посвящено исключительно русской литературе – Николюкин издавал собрания сочинений М.Н. Каткова, Ю.Ф. Самарина, И.В. Киреевского, начал публикацию литературно-критического наследия С.П. Шевырёва, опубликовал (совместно с А.П. Дмитриевым) план собрания сочинений В.Ф. Одоевского⁵, понимая, что сам не успеет, что это – дело следующего поколения филологов – и все же еще в прошлом году задумывался о новом гранте...

Александр Николаевич был настоящим историком литературы: он умел и любил докапываться до фактов. В этом была, пожалуй, его главная сила. Между прочим, это он докопался до первого употребления слова «романтический» в русской литературе⁶. Как-то он рассказывал, что ходил в театр на постановку Романа Виктюка и после спектакля не поленился найти режиссера и указать ему на какую-то фактографическую неточность. Такое мог сделать только Николюкин!

С этой увлеченностью фактической стороной дела связана, видимо, и его любовь к библиографиям и разного рода справочникам. Когда в 2015 г. горел ИНИОН, он более всего сокрушался, что в огне погиб Информационно-справочный отдел с его ценней-

---

⁵ Дмитриев А.П., Николюкин А.Н. Собрание сочинений В.Ф. Одоевского в 9 томах // Литературоведческий журнал. 2021. № 2(52). С. 194–219.

⁶ Николюкин А.Н. К истории понятия «романтический» // Русская литература. 1984. № 4. С. 115–117. См. также: Николюкин А.Н. Наедине с русской классикой. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 28–30.

шими изданиями. Отдельная рубрика – «Библиография» – существует и в «Литературоведческом журнале», где были опубликованы библиографии произведений А.С. Шишкова, М.М. Хераскова, С.А. Ширинского-Шихматова, В.В. Розанова, З.Н. Гиппиус и др.; росписи публикаций в газетах и журналах русского зарубежья («Последние Новости», «За Свободу!», «Опыты» и др.). Того же рода – существовавший в журнале долгие годы раздел «Хроника литературной жизни русского зарубежья». Александр Николаевич позаботился сам и о библиографии своих работ⁷.

Интерес к фактам и их систематизации у него – с раннего детства. Свою первую (многотомную!) энциклопедию под названием «Детская и взрослая энциклопедия» он написал в возрасте восьми лет, причем была она «в память 100-летия со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина» – поэта, который, по признанию самого А. Н., вошел в его жизнь раз и навсегда. Над «торжествами» по поводу 100-летия гибели Пушкина, «празднование» которой развернулось в 1937 г., он позднее не раз иронизировал. Так вот, эта энциклопедия начиналась со статьи «Пушкин», про которого сообщалось: «Его убил подговоренный царем Дантес в 1837 г. 10 февраля в 2 ч. 42 м. дня в Ленинграде (Петербурге)». Далее – про Гоголя: «Он великий писатель, его замучили жандармы»⁸. Были там «статьи» и про других писателей, но также и про морскую свинку, которую «лет 200 назад в первый раз привезли в Лондон», и про слона, который «величиной очень большой», и про медведя, который «ест ягоды, людей», и про многое другое. Пятый том энциклопедии завершался словами: «Писал А.Н. Николюкин, 8 лет»⁹.

Кстати, о Пушкине. Трудно себе представить, но Николюкину довелось видеть человека, родившего при Пушкине! Это была соседская бабушка Дуня, которая умерла в 1935 г., и которой было, как говорили, больше 100 лет¹⁰.

---

⁷ См.: Николюкин А.Н. О русской литературе: теория и история. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 522–544 [работы 1955–2002 г.]; Николюкин А.Н. Гений места и русская литература. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 384–389 [работы 2002–2017 г.].

⁸ Николюкин А.Н. Гений места и русская литература. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 337.

⁹ Там же. С. 337–338.

¹⁰ Там же. С. 74–75.

Он и сам прожил очень долгую жизнь. В ней было много всего и разного. Основательный во всем, А.Н. с детства – с бесстрашием летописца – фиксировал происходящее, например, где и от кого услышал тот или иной анекдот (так делают, как он знал, фольклористы) – и это в 1937 г.¹¹ Его «Военный дневник (Воронеж – Киев. 1942 год)», где кратким записям 14-летнего подростка сопутствуют позднейшие развернутые повествования о событиях того или иного дня – бесценный документ эпохи: это – история «снизу», глазами ее непосредственного участника. Там – о том, как немцы занимали родной Воронеж, о жизни при немцах, о брошенной библиотеке Пединститута... В оккупированном городе, в атмосфере хаоса и неопределенности, в то время, когда все вокруг тащили со складов продукты и вещи, юный Николюкин в течение недели выносил из библиотеки, чтобы не пропали, наиболее ценные, на его взгляд, издания. Так сделать мог тоже только Николюкин! «Вернувшись в Воронеж летом 1944 г. и поступив в 9 класс, – вспоминал он, – я говорил с теми, кто тоже был при немцах в городе. И никто из ребят не сказал, что в том памятном июле 1942 г. его могли интересовать книги»¹². У него была натура авантюристического склада: в рамках предписанного Николюкину было явно тесно. Преодолевать препятствия всеми правдами и неправдами доставляло ему видимое наслаждение. Он был упорным до упрямства, почти всегда добиваясь того, что хотел. Почти.

Практически всю жизнь, начиная с самого детства, у Николюкина были коты. Про кота Улисса я знаю только по рассказам, с рыжим Кузей, с которым он запечатлен на многих фотографиях, имела честь познакомиться лично. Кузя был весь в хозяина – «Кота Ученого»: невозмутимый, основательный, самодостаточный. Теперь, наверное, больше никогда не будет в журнале рубрики «Заметки Кота Ученого»...

Николюкин очень много знал – кажется, трудно было придумать вопрос по истории литературы, который мог бы поставить его в тупик. И обладал потрясающей работоспособностью, не понимая, как люди могут не работать в отпуске. Отпуск означал для

---

¹¹ Николюкин А.Н. Гений места и русская литература. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 320.

¹² Там же. С. 317–318.

него освобождение от текущих производственных обязанностей и возможность целиком посвятить себя работе, которая всегда занимала в его жизни первое место. Именно поэтому он так много успел сделать. Он работал практически до последнего, несмотря на большие проблемы со зрением и вообще со здоровьем: руководил грантом по С.П. Шевырёву, готовил многотомник своих трудов. Он спасался работой.

Была в нем какая-то недюжинная жизненная сила, которая помогала ему в любых ситуациях не падать духом. Даже под конец жизни, когда он был заметно одинок, когда не осталось практически никого из его поколения («Все умерли», – с легкой грустью говорил он), Николюкин не терял оптимизма. На жизнь и смерть он смотрел, что называется, философски, часто повторяя, что поминки надо устраивать человеку при жизни, чтобы он успел услышать о себе хорошее. А еще любил повторять слова К. Чуковского «В России надо жить долго».

Может быть, оттого, что вокруг все меньше оставалось людей, которые могли бы сказать ему «ты», он так настаивал, чтобы те, с которыми он много и близко общался – люди другого поколения, заменяли, так сказать, «пустое вы сердечным ты». Поначалу это было нелегко.

У него была «программа минимум» – дожить до 95, ее он выполнил. «Программой максимум» было завершение собрания сочинений Шевырёва...

Когда мы сидели у него дома на юбилее в мае 2023 г., он спокойно и уверенно сказал: «В следующий раз вы соберетесь здесь по другому поводу». Самым тяжелым для него в последние месяцы жизни была невозможность работать, как он привык работать всю жизнь.

Как-то рассказывал, что однажды, когда он был совсем маленьким, родители отругали его за то, что он якобы сломал часы в столовой, в чем, на самом деле, он был не виноват. Однако он и не подумал оправдываться. Всему свидетелем была няня, которая знала, что ребенок ни при чем. Она и сказала об этом родителям, добавив: «Шура – мальчик непростой», а он слышал.

Александр Николаевич и правда был непростой – сложный и разный.

Ниже публикуются воспоминания друзей и коллег Александра Николаевича. У каждого мемуариста своя история и свой Николюкин. Воспоминания – такой жанр, в котором вольно или невольно некоторая определенность образа вытесняет трудноуловимый живой и противоречивый облик. Может, это свойство слова вообще – живая жизнь в нем застывает, и всегда за сказанным остается то, чему нет выражения. Об этом надо помнить.

The rest is silence.

Т.М. Миллионщикова,
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Начало знакомства с Александром Николаевичем Николюкиным

Мне посчастливилось лично познакомиться с Александром Николаевичем, когда он, в 1976 г., поступил на работу в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Но мое первое, заочное, знакомство с ним состоялось несколькими годами ранее, когда еще в студенческие годы мне довелось прочитать его книгу «Американский романтизм и современность». В этой работе, защищенной в качестве докторской диссертации, обобщены исследования Николюкина, касающиеся творчества крупнейших представителей романтизма США – Ирвинга, Купера, Лонгфелло, Мелвилла, Готорна, Торо, при научном консультировании профессора Романа Михайловича Самарина, он же был научным руководителем и его кандидатской диссертации.

Александр Николаевич умел быть очень благодарным человеком: в память о своем учителе он в октябре 2021 г. организовал в Институте мировой литературы вечер, посвященный 100-летию Р.М. Самарина, собрав на это мероприятие его учеников и коллег. Когда у А. Н. возникли трудности в связи с поступлением на работу в ИНИОН, то ему действенную помощь оказал академик, вице-президент АН СССР Юрий Анатольевич Овчинников, и Николюкин всегда с благодарностью вспоминал о нем; он навещал его могилу на Новодевичьем кладбище, а когда состояние здоровья больше не позволяло туда ездить, то, узнав, что мои родители по-

хоронены на том же кладбище, попросил меня продолжить сложившуюся традицию – заходить к Юрию Анатольевичу и передавать ему поклон. Также с благодарностью он вспоминал и Евгения Филипповича Трущенко, заведовавшего в ИНИОН отделом литературоведения и взявшего его к себе.

Двадцатилетний «американский период» научной и издательской деятельности А. Н., во время которого он выступил автором статей, составителем и редактором сборников «Проблемы истории литературы США» (1964), «Современное литературоведение США» (1969), «Проблемы литературы США XX века» (1970), «Полное собрание рассказов» Эдгара По в серии «Литературные памятники» (1970), «Основные тенденции развития современной литературы США» (1973), связан в основном с ИМЛИ.

Когда А. Н. пришел на работу в Отдел литературоведения, где его за глаза стали называть Никником, там уже выходили два реферативных журнала (РЖ): «Литературоведение в СССР» и «Литературоведение за рубежом». В обязанности А. Н. стало входить написание рефератов книг, изданных в Великобритании и США. Кроме того, в 1970-е – начале 1980-х годов необходимо было активно участвовать в общественной работе института: надо было ездить на печально знаменитые овощные базы, следить за общественным порядком, патрулируя улицы, строить спортивные объекты к Олимпиаде-80, проводить агитацию к выборам. Николукина сразу же назначили на руководящую должность – ответственным за народную дружину. К этому назначению он отнесся вполне философски, сообщив нам, рядовым дружинникам, что почетное участие обычных городских жителей в правоохранительной деятельности восходит еще ко временам коронации Александра III, законодательно закрепившего право граждан Российской империи самостоятельно задерживать правонарушителей и доставлять их в отделение полиции. Кроме того, по словам А. Н., патрулируя местность в районе Нахимовского проспекта, мы могли бы на свежем воздухе обсуждать научные проблемы и делиться своими творческими планами.

Во время одного из таких дежурств А. Н. сообщил нам радостную новость: теперь кроме рефератов можно писать научно-аналитические обзоры и публиковать их в реферативных сборниках. На обсуждении в Отделе при выборе темы первого отдель-

ского реферативного сборника выбор пал на предложенную именно А. Н. очень актуальную для конца 1970-х – начала 1980-х годов проблематику – «Достоевский в современном литературоведении США». Сейчас в это трудно поверить, но в те годы почти все статьи и монографии, изданные «в странах империализма» – в Западной Европе и США, имели печально знаменитый гриф «для служебного пользования» (ДСП), в абонемент они не поступали, ознакомиться с ними можно было лишь за надежными стенами советских спецхранов. Связаны эти сложности и несуразности были кроме всего прочего и с тем, что западная славистика во многом опиралась на работы философов, историков культуры и литературоведов из кругов «белой эмиграции». Сборник все же в институтском плане утвердили, но с условием, что на нем будет красоваться гриф «ДСП». Материалы для сборника собирал и редактировал А. Н., он же написал и предисловие к нему.

А. Н., зная, что тема моей кандидатской диссертации почти совпадает с названием реферативного сборника, предложил мне написать для него обзор, и я, конечно, с благодарностью согласилась, выбрав тему «Старое и новое о романе “Братья Карамазовы”». Буквально на следующий день мне позвонил А. Н. и сказал, чтобы я зашла к нему за книгой, которую он приготовил для моего обзора. Тут выяснилось, что мы живем на одной улице, дома наши расположены ровно напротив, а квартиры находятся на седьмом этаже. К тому же оба дома спроектированы знаменитым советским архитектором И.В. Жолтовским. А. Н. так удивился этим совпадениям, что поначалу решил, что я его разыгрываю, и предложил подать друг другу условные сигналы: свет в темной комнате включить и выключить, повторив дважды. Сигнализация завершилась, я позвонила А. Н. и для большей убедительности сообщила, что видела его стоящим у окна в ярко-синей рубашке, держащим на руках большого рыжего кота. Изумленный А. Н. спросил, не в бинокль ли мне удалось рассмотреть такие подробности, и, получив ответ, что и без оптических приборов все прекрасно видно, еще больше удивился.

Когда я пришла к А. Н., он познакомил меня со своим котом Кузей и вручил книгу С. Сазерленда (S. Sutherland) *Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and The Brothers Karamazov* («Атеизм и отрицание Бога: современная философия и

“Братья Карамазовы”»). Раскрыв книгу и пробежав глазами первую страницу, я отчетливо осознала, что мое участие в сборнике может обернуться полной катастрофой. В книге с привлечением методов математической логики и в терминах современной западной философии исследуется природа притяжения и неприятия Бога разными персонажами «итогового» романа Достоевского. Я попыталась вернуть ее А. Н., оправдываясь, что не владею данными методами и не представляю себе, чем занимается матлогика. Полив книгу, А. Н. со мной согласился, но велел хотя бы три-четыре страницы все-таки про нее написать. В результате я осталась очень благодарна А. Н. за то, что он настоял на своем: после опыта с этой книгой другие исследования американских славистов о Достоевском не вызывали сложностей при их интерпретации.

Сборник был опубликован в 1980 г., имел значительный успех у читательской публики, а его главный редактор, Е.Ф. Трущенко, хотя *de facto* им был А.Н. Николюкин, особенно гордился тем, что на «черном рынке» он продается нарасхват и за очень большие деньги.

Н.Т. Пахсарьян,
Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Человек-оркестр. Памяти Александра Николаевича Николюкина

Описать в полной мере все грани деятельности Александра Николаевича Николюкина мне не под силу. Он был в равной степени историком зарубежной и русской литературы, компаративистом и знатоком теории литературы, я же – более узкий специалист, прежде всего исследующий французскую литературу XVII – начала XIX в. Конечно, я со студенческих лет была знакома с трудами А.Н. Николюкина по американской литературе, по литературным связям России и США, особенно с теми, что касались романтического периода. Они были важным подспорьем в изучении мирового литературного процесса, необходимой частью общей филологической подготовки. Однако мое личное знакомство с ученым произошло лишь на исходе 1990-х годов. И парадоксальным образом это случилось в тот период, когда Александр Николаевич сосредоточил свои основные научные изыскания на изучении русской литературы рубежа XIX–XX вв. В то же время этот человек-оркестр не ограничивался только одной эпохой и только теми авторами, ведущим специалистом по которым он безусловно признан, – В.В. Розановым, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус. Уже с 1993 г. он задумывает и осуществляет регулярный выход «Литературоведческого журнала», в котором публикуются статьи о различных русских и зарубежных писателях, по истории

поэтики разных эпох, о теоретических и методологических аспектах литературоведения. К сегодняшнему дню этот журнал стал авторитетным изданием, вошедшим в список рекомендованных ВАК. Будучи главным редактором ЛЖ, Александр Николаевич особое внимание уделял исследованиям классической литературы XVI–XIX вв., старался, чтобы журнал откликался на юбилеи писателей, вместе с другими членами редколлегии придумывал тематические рубрики журнала. Кроме того, он сам периодически включал в номера замечательную рубрику «Заметки Кота Ученого», где были личные воспоминания о тех или иных друзьях-ученых, о годах учебы, публиковались соображения об архивных газетных материалах или наблюдения над некоторыми событиями истории и современности.

Замечу, что Николокин работал в Отделе литературоведения ИНИОН РАН с 1976 г. – 47 лет, я же – чуть больше 20, т.е. в два раза меньше. Наше знакомство с ним произошло тогда, когда ученый был уже довольно преклонного возраста. Но его живой интерес к литературе, удивительно молодой энтузиазм, порождающий все новые и новые исследовательские и издательские замыслы, был поразителен. С самого начала моей работы в отделе Александр Николаевич привлек меня к сотрудничеству, реализуя свои многочисленные проекты. Он задумал и осуществил издание многотомной «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)» (1997–2006). Материалы ее были связаны с изучением зарубежной периодики на русском языке: старые газеты хранились в библиотеке ИНИОНа, но заметки писателей и о писателях, публиковавшиеся в них, не были широко известны, тем более – аналитически осмысленны. Мне довелось исследовать эмигрантские статьи о нескольких французских писателях, и Александр Николаевич учил внимательному и тщательному описанию материала, на основе которого только и можно строить научные гипотезы.

Другой проект, в котором мне довелось участвовать, – «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2001). А.Н. Николокин понимал, что существовавшие до этого «Литературная энциклопедия» (1929–1939) и «Краткая литературная энциклопедия» (1962–1978) устарели, причем прежде всего – в части историко-литературной терминологии, понятий литературной теории. К тому

же к этому времени появилось довольно большое количество новых терминов, впервые получивших определение именно в этом издании. И вновь при работе над данной книгой мне пришлось убедиться в тщательности, с которой ее составитель и редактор подходил сам к изучению и описанию терминов и учил этому других авторов, удивляться открытости маститого ученого новому в литературной теории. К тому же ученый заражал, увлекал своими проектами и сотрудников отдела, и коллег из других вузов и НИИ. Так, именно по предложению А.Н. Николюкина старший научный сотрудник ИМЛИ им. М. Горького Анна Журбина с интересом взялась за составление обновленного и расширенного литературоведческого комментария к роману Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», а я – за написание вступительной заметки к публикации этого комментария в «Литературоведческом журнале»¹.

Кажется, такой интерес Александра Николаевича к Рабле был не случаен, он отвечал характеру ученого: широко эрудированного, жизнелюбивого и остроумного человека. Таким он навсегда останется в моей памяти.

---

¹ См.: *Пахсарьян Н.Т.* «Гаргантюа» Рабле, или Горизонты гуманистической эрудиции // Литературоведческий журнал. 2015. № 36. С. 180–187. – *Прим. ред.*

С.Ф. Дмитренко,
Литературный институт
им. А.М. Горького

Русский нестандарт Александр Николаевич Николюкин

Наверное, все, кто сейчас вспоминает об Александре Николаевиче, обязательно говорят о его научных и разнообразных издательских достижениях. Это справедливо, да не вполне. Работы написаны и напечатаны, книги, энциклопедии, собрания сочинений подготовлены, изданы, хотя, пожалуй, еще не все изданы, ибо Александр Николаевич работал до последних дней своей девяностопятилетней жизни, казалось, благородно по отношению к нему бесконечной жизни.

Однако все изданное, к которому он причастен, будетживать всякий раз, когда кто-то это будет читать, ибо, как мы все знаем, и автор оживает на время в читаемой книге. Так у каждого будет свой Николюкин – но при этом все мы, кто обрел радость знать Александра Николаевича лично, имеем, по меньшей мере, одно преимущество: вновь и вновь, даже не беря в руки изданные им книги (их так много, что они обнаружатся в любой домашней библиотеке), вспоминать о встречах с ним – разной продолжительности и по разным поводам.

Мой случай знакомства с Александром Николаевичем был прагматическим. В середине 1990-х годов я с нарастающей усталостью работал в должности доцента кафедры русской литературы моего родного Литературного института имени А.М. Горького. Новый, постперестроечный ректор Сергей Николаевич Есин с

большевистским задором переделывал наше неподатливое пространство под свои представления о нем, причем начал с нашей кафедры, убрав под предлогами разной неблагоприятности и моих любимых наставников. Так что я решил отвалить тоже и, так сказать, искал нужный мне аэродром для перелета. При этом научную работу забрасывать не собирался и даже получил небольшой грант от Кёльнского университета для изучения военных мемуаров русских эмигрантов второй волны изгнания. Кроме того, я устроился редактором в замечательный издательский дом «Первое сентября», созданный в 1992 г. педагогическим журналистом-романтиком Симоном Львовичем Соловейчиком. В целом жизнь была прекрасна, а тех, кто с упорством выбраванных попугаев повторяет чью-то базарную фразу о «лихих девяностых», могу только пожалеть за разлад с самосознанием и, главное, за невнимание к той истине, что за любой мóрок надо платить, тем более за семидесятилетний морок большевизма (за мару неольшевизма мы и идущие нам вослед тоже заплатим сполна, до копеечки).

И вот мне со своими свободно-научными целями понадобилось записаться в библиотеку ИНИОН, о богатстве и удобстве которой я уже знал, ибо с аспирантских времен сотрудничал с умопомрачительным «Реферативным журналом» (серия «Литературоведение»²), ИНИОНам выпускавшимся.

Но в ИНИОН записывали только сотрудников академических институтов, все прочие могли рассчитывать лишь на разовое или непродолжительное посещение, причем на основании письменных прошений от направляющих организаций. Я от этих ритуалов в бесцензурное время быстро устал и стал искать вариант долгосрочного проникновения. Наш блистательный лектор с кафедры зарубежной литературы, великий книгочей Станислав Бемович Джимбинов, ныне, увы, покойный, посоветовал обратиться к Александру Николаевичу: «Он готовит сейчас литературную энциклопедию русского зарубежья, и если Вы для нее что-нибудь напишете, он вам оформит доступ в библиотеку как автору институтского проекта». (Должен заметить: Александр Николаевич вы-

---

² Имеется в виду журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение». В описываемые времена выходило два журнала: один – по отечественной научной литературе, другой – по зарубежной. – *Прим. ред.*

сочайше ценил мало писавшего, к сожалению, энциклопедиста Джимбинова, звал его во все свои проекты и на свои научные собрания, а после его кончины написал воспоминания о нем для «Вестника Литературного института имени А.М. Горького»³.)

Я по выданному мне номеру телефона созвонился с Александром Николаевичем и явился к назначенному времени в строгий ИНИОН: Николюкину пришлось самому спуститься к охране, чтобы выписать для меня разовый пропуск, а затем ходить по кабинетам, оформляя мне хотя и временный, но все же читательский билет.

И только когда административные ритуалы были соблюдены, он провел меня в кабинет своего отдела и спросил, чем я могу быть им полезен. Признаюсь, такое ведение дела меня восхитило. С одной стороны, рекомендации Джимбинова для Александра Николаевича было достаточно, чтобы ввести меня в закрома ИНИОНа. Но, с другой стороны, он ли не знал о самозабвенно увлекающейся натуре Станислава Бемовича и его безоглядной готовности поддержать любого, кто рвется что-то прочесть, тем более записаться в элитную библиотеку?! Конечно, знал. В людях Александр Николаевич разбирался неплохо, и порой, даже если приближал к себе кого-то, неугодного или неприятного другим, знал, зачем это делает, мог объяснить, а при необходимости и объяснял свои решения и предпочтения. Думаю, он записал меня авансом в библиотеку и потому, что, как и Джимбинов, поддерживал читающих, и потому, что его вольной натуре претили всякие ограничения и стеснения, тем более в сфере доступа к знаниям.

Честно говоря, я мог предложить себя только как младшего редактора в энциклопедию. Литературу русского зарубежья первой волны я знал только как читатель, причем начитанность моя была несистематической. Правда, незадолго до этого я купил в Киеве перевод англоязычного романа Владимира Набокова *Ada, or Ardor: A Family Chronicle* под редакцией и со вступительной статьей Александра Николаевича. Она называлась «Эротическая диалогия Набокова», но была чем-то большим, нежели обоснование тезиса: ««Ада» – продолжение «Лолиты», составляющее диалогию,

---

³ Николюкин А.Н. Джимбинов и Розанов // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2017. № 2. С. 86–88.

потому что нимфетка Лолита не исчезла из жизни героя, как в первом романе, Ада — это Лолита на всю жизнь...»⁴. Но предаваться разглагольствованиям о том, чем мне приглянулось предисловие, и о том, что перевод, сделанный тремя переводчиками, показался мне довольно неровным, я не стал. Сказал лишь, что неплохо знаю только Бунина и Набокова, но серьезно занимался лишь прозой и мемуаристикой второй волны.

«Пока нам надо первую волну описать...» — заметил на это Александр Николаевич. Задумался на мгновение (все, знавшие его, не возразят: память у него была бездонной, поистине компьютерной). «Впрочем, у нас будет том, посвященный периодике и литературным центрам русского зарубежья, а там раздел о литературе первой волны в журналах после 1940 года. Так что будет вам чем заняться».

В итоге я подготовил для энциклопедии статью о журнале «Сатирикон», так называемом четвертом «Сатириконе» (третий выходил в 1931 г. в Париже, а этот — во Франкфурте-на-Майне в 1951–1953 годах⁵), статью, которую, между прочим, Александр Николаевич нещадно сократил, оставив в ней, действительно, только то, что относилось к писателям-изгнанникам первой волны. (При этом все материалы об этом труднодоступном «Сатириконе» я собрал не в библиотеке ИНИОНа, а в архиве боннского Bundesinstitut'a!) Впрочем, я в обиду не был, ибо сделал об этом «Сатириконе» и более объемную публикацию. Кроме того, для тома «Русское зарубежье и всемирная литература» написал статьи о Лескове, Салтыкове-Щедрине и Глебе Успенском.

А затем Александр Николаевич вовлек меня и в «Розановскую энциклопедию», чему я был несказанно рад, ибо из читателя Розанова превращался в какого ни есть, а его исследователя.

Параллельно с этими моими невеликими трудами развивались и наши человеческие взаимоотношения.

В сентябре 1996 г. в Москву приехал известный немецкий славист Вольфганг Казак, избранный в Литературном институте

---

⁴ Николукин А.Н. Эротическая диалогия Набокова // *Набоков В. Ада, или Страсть. Хроника одной семьи* / пер. с англ. Киев; Кишинев, 1994. С. 6–7.

⁵ Дмитренко С.Ф. «Сатирикон» (Франкфурт-на-М. 1951. Май – 1953. № 1–26) // *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940: Периодика и литературные центры*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 570–571.

почетным доктором. С Казаком я был знаком со времен его первого появления в Литинституте, кажется, в 1990 году. В самом конце Второй мировой войны он восемнадцатилетним, со ржавой винтовкой был отправлен на фронт, сразу попал в плен к полякам (не стрелявшая винтовка его спасла), затем оказался под Самарой (тогда – Куйбышев) в лагере для пленных, здесь начал учить русский язык... и в итоге полюбил русскую литературу на всю жизнь. Как видно, полюбил он и русский мир: во всяком случае, все дни пребывания Казака я сопровождал его в поездках по московским литературным и научным знакомым.

С Николюкиным он знаком не был, но, зная о его трудах во имя возвращения русского зарубежья на родину, захотел встретиться. Александру Николаевичу, как видно, тоже хотелось повидаться с ученым, который долгие годы числился матерым анти-советчиком и который при том являлся автором в те времена уникального по своей полноте и здоровой концепции лексикона русской литературы XX века. Казаку, как когда-то и мне и всем, оформили разовый пропуск в ИНИОН, и встреча двух мэтров-ровесников (Казак – 1927 г. рождения) состоялась. Она была доброжелательной и оживленной, и в какой-то момент, когда галантный Казак разговорился с одной из николюкинских сотрудниц, Александр Николаевич отозвал меня в сторону и предложил пригласить Казака к себе домой на обед. Я, нимало не лукавя, сказал, что Казака это приглашение воодушевит.

Словом, на следующий день мы с Казаком впервые оказались в квартире Александра Николаевича на улице Дмитрия Ульянова, дом 4. Стол он с женой Светланой Алексеевной накрыл замечательный, хлебосольный стол, который аскетичный в еде Казак едва ли оценил, зато оценили все другие литературоведческие гости, которых Николюкин и Коваленко тоже позвали. Это Казака очень обрадовало – он любил компании, чтобы вволю поговорить.

Во время разговоров появился и томик лексикона Казака, русскоязычного лондонского издания 1980-х годов – хозяин квартиры хотел показать гостю полноту и вольность своей и жены-литературоведа библиотеки. (Я оценил это, узнав позднее, что у Николюкина было немало фактологических замечаний к этому словарию, но его критика любого издания была очень конкретной, и он никогда не отрицал сделанного в целом, очевидно, руко-

водствуясь благим принципом: если можешь, сделай лучше.) Казак высказался в том духе, что рад скорому выходу в Москве русского издания лексикона⁶, но еще больше он, немец, рад тому, что его русские коллеги теперь свободны и могут выпустить свои полные словари русской литературы XX в., а он, Казак, станет их благодарным читателем...

Сложилось так, что впоследствии Александр Николаевич не раз приглашал меня, обычно с Сергеем Романовичем Федякиным, на филологические застолья в своей квартире. Гостеприимный человек, он, в силу почтенного возраста, очевидно, хранил свою энергию для служебных и деловых передвижений, которых было немало, а дома, в непринужденной обстановке, в привычной ему форме вел неспешные разговоры о литературе и жизни. Вероятно, подобные посиделки он устраивал не только с нами, но тематически их разделял. С нами и с теми, кого мы порой приводили, ему было интересно говорить о том, как преподают литературу в современной школе (я окончательно перешел в «Первое сентября»), каковы нынешние студенты Литинститута (это Сергей Романович), обсуждали литературные события и новинки, обязательно проблемы тех издательских проектов, которые Александр Николаевич непрерывно вел, переходя от одного к другому. Непременно собирались, когда из Санкт-Петербурга приезжала грандиозная дама Любовь Ивановна Чикарова, владелица издательства «Росток», где Александр Николаевич издал очень многое.

К тому времени Александр Николаевич, увы, овдовел, но у него были помощницы по хозяйству – милые тетушки примерно нашего с Сергеем Романовичем возраста, всегда с Украины – возможно, так выражалась ностальгия Александра Николаевича по Киевщине и Белой Церкви, где волею судьбы он пережил гитлеровскую оккупацию. Про Белую Церковь, где жили и теперь похоронены – Царствие Небесное! – мои родители, он меня не раз расспрашивал, вспоминая те или иные подробности своего украинского детства. Вероятно, Александр Николаевич ощущал некоторое родство или, во всяком случае, землячество между нами еще и потому, что, как мы с ним выяснили, его исторические корни по отцовской линии, а мои по материнской происходили из

---

⁶ Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. 494 с.

известной Слобожанщины, а именно Богучарского уезда Воронежской губернии; село его отца – Петропавловка – и село моих бабушки и дедушки – Журавка – совсем недалеко друг от друга.

Домоуправительницы Александра Николаевича прекрасно готовили, и стол всегда украшали два-три славянских традиционных, неотвратимо лакомых блюда. Так что мы с Сергеем Романовичем тащили только виноград-фрукты, соки, ну, и что-нибудь сорокаградусное. Сам Александр Николаевич неизменно выставлял большую бутылку водки «Русский стандарт», обычно золотой модификации. (Для читателей: это не реклама марки водки, а обозначение предпочтений личности.) Впрочем, иной раз, помимо «Стандарта» Александр Николаевич предлагал нам принять что-нибудь из подаренного ему: виски, коньяк...

Но, честное слово, хотя обильное застолье по вечерам, после трудового дня было кстати, собирались мы отнюдь не столько для того, чтобы выпить-закусить, а с тем, чтобы поговорить. Нельзя при этом не отметить, что при нашей говорливости актуальных политических обстоятельств мы не касались, едва ли не изначально выяснив разнообразие, а порой и противоположность взглядов собирающихся на происходившее.

Я знал, что в советское время Александр Николаевич был одним из ведущих литературоведов-американистов, но в 1970-е годы с ним произошла некая история, вследствие которой его исключили из КПСС и долгое время не печатали. Уже в 2013 г. он подарил мне хорошо известный в литературных кругах сборник «Писатели США о литературе»⁷, снабдив его автографом: *«Дорогому Сергею Дмитренко от неуказанного здесь составителя. С любовью А. Николюкин. 5. III. 2013»* (здесь описка: в действительности это было 5 апреля). Надо заметить, что открывающее сборник предисловие без подписи, безлико названное «От издательства», также принадлежит Александру Николаевичу. Во время дарения я честно признался, что эта книга у меня уже есть, и даже читана, на что этот невероятный Николюкин размеренно проговорил: «А свой экземпляр вы подарите кому-нибудь, кто тоже его прочитает». Что я вскоре и сделал, надеюсь, с ожидаемым результатом.

---

⁷ Писатели США о литературе: сборник статей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1974. 416 с.

Как мы теперь знаем, и в пору вынужденного отчуждения Александр Николаевич духом не упал и ни дня жизни даром не терял, ибо в 1982 г. на основе книги 1974 г. выпустил уже двухтомник «Писатели США о литературе»⁸, а в 1985 г. – замечательный сборник публицистики и писем Уильяма Фолкнера⁹ – со своей вступительной статьей «Эстетика Фолкнера». На этом, кажется, николюкинская американа стала стремительно сворачиваться, и в годы перестройки на место американиста с экстравагантной репутацией явился выдающийся восстановитель истории русской мысли, розановед, катковед и прочая и прочая.

Надо сказать, что Александр Николаевич был совершенно чужд того, чтобы изобразиться жертвой коммунистического режима, большевизма и т.д. При этом, как мне видится, свое отношение к этому несчастью российской земли и всего человечества он с афористической краткостью выразил в крохотной статье, которую поместил в составленной им «Литературной энциклопедии терминов и понятий», которую считаю совершенно необходимой для широчайшего распространения в целях современного перестроения нашего школьного и вузовского литературного образования.

Вот эта статья, она занимает в книге всего пятнадцать строчек.

«ПОРНОГРАФИЯ (греч. *pornē* – развратница; *graphō* – пишу) – *эротическое вне художественности*. В переносном смысле – о чем-то грязном, безнравственном. В.В. Розанов относил к «порнографии России» известное «Письмо Белинского к Гоголю» (1847), в котором Н.В. Гоголь назван «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия» (В. Розанов. 50 лет влияния, 1898). К П. в этом смысле относятся статьи В.И. Ленина о Л.Н. Толстом, где великий мыслитель назван «помещиком, юродствующим во Христе», а также выдержанное в подобных же выражениях выступление А.А. Жданова по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград» (1946), в котором об А.А. Ахматовой говорится как о «взбесившейся барыньке, мечу-

---

⁸ Писатели США о литературе: в 2 т. / пер. с англ.; составитель и автор вступит. статьи А.Н. Николюкин. М.: Прогресс, 1982.

⁹ Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма / пер. с англ.; составление и общая редакция А.Н. Николюкина. М.: Радуга, 1985. 488 с.

щейся между будуаром и моленной... у которой блуд смешивается с молитвой». А. Н.»¹⁰.

Вот что было для Александра Николаевича порнографией – коммунистическая идеология со всеми ее генезисами, изгибами, модификациями и мутациями.

И в связи с этим не могу не сказать о том, о чем очень долгое время в окололитературной и даже литературной среде ходили слухи и о чем однажды я не удержался и спросил Александра Николаевича.

Мой приятель, главный редактор журнала «История» Издательского дома «Первое сентября» захотел, в связи с выпущенным Александром Николаевичем собранием сочинений Михаила Никифоровича Каткова, взять у него большое интервью для своего издания, и так оказался участником нашего застолья. Надо сказать, что славный главред, будучи журналюгой со стажем, принес с собой прекрасную современную аппаратуру и, с согласия интервьюируемого, записывал его. Я для перестраховки тоже включил свой утлый, еще пленочный диктофончик, но, к сожалению, в какой-то момент пленка в нем закончилась, а беседа продолжалась и даже приобрела немаловажный для меня характер.

Дело в том, что незадолго до этого в библиотеке ИНИОНа я сцепился с малознакомой мне дамой, также пользовавшейся тамошними сокровищами и в мимолетной беседе у каталога получившей у меня некую историко-литературную справку. Однако, увидев, что я разговариваю с Александром Николаевичем, она вскоре отловила меня в коридоре и возмущенно спросила, почему я общаюсь с растлителем малолетних и т.д. Я, разумеется, понял, откуда растут эти кривые ножки, и хотя не знал подробностей, можно сказать, яростно проорал даме, что Николюкин – достойнейший человек, а сплетни о нем надо выносить на толкучий рынок, и я показал рукой в ту сторону, где за стеклами ИНИОНа, прямо перед ним, были развернуты продуктово-вещевые торговые ряды.

Но осадочек остался, и я, ухватившись в разговоре за глухое упоминание Александра Николаевича о его увольнении из ИМЛИ,

---

¹⁰ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. редактор и составитель А.Н. Николюкин; научный редактор Т.Г. Юрченко. М.: Интелвак, 2001. 1600 стлб.

спросил о подробностях, упомянув и о химерических слухах, которые об этом ходят до сих пор. Александр Николаевич согласно кивнул и со многими подробностями рассказал историю о том, как он привез из научной заграничной командировки «аппаратуру» и несколько эротических фильмов. После чего устроил у себя на квартире (как я понял, той, в которой мы сидели), так сказать, кинопоказы для узкого круга. Но по законам запретного плода круг зрителей стал постепенно расширяться (надо подчеркнуть, что весь рассказ Александра Николаевича был пронизан ироническими и самоироническими интонациями), и однажды легендарный поэт Сергей Чудаков привел с собой некую девицу, которая оказалась связанной со структурами МВД... Киносалон был раскрыт, разгорелся скандал с оргвыводами по служебной и партийной части, а в сопутствующих слухах он был уже не кинопрокатчиком, а, так сказать, продюсером и режиссером фильмов, где в роли порнозвезды выступал красавец Сергей Чудаков... С особым сарказмом Александр Николаевич рассказывал о том, как партийные дамы в ИМЛИ уговаривали его жену, Светлану Алексеевну, развестись с ним, на что она заявила, что фильмы эти он смотрел с нею вместе и с их содержанием она полностью согласна...

Признаюсь, я уже предвкушал, как сделаю расшифровку этой эротиады с диктофона и попрошу Александра Николаевича сделать ее публикацию, чтобы остановить этот поток ханжеских фантазмагорий... Однако оказалось, что мой коллега-историк, журналист-профессионал отключил свою аппаратуру, когда Александр Николаевич перешел к выше представленной истории. Хотя его чудесный студийный микрофон, обеспечивающий высокое качество записи, продолжал оставаться в центре стола вплоть до окончания застолья.

Спору нет: писательская, журналистская этика неотменима и даже, волею судьбы, я стал автором текста «Хартии журналистов России», где это требование четко прописано. Я сам много раз удерживал себя от включения диктофона, зная, что по какой-то причине не могу предупредить того, кого хотел бы записать. Потом даже сожалел об этом, но у каждой записи, как и у книги, может быть разная судьба. Но в том случае, если сам рассказчик согласен на запись, пренебречь этим?! Остаётся только надеяться, что Александр Николаевич, с его историко-культурным мышле-

нием, все же оставил какое-то мемуарное свидетельство об этом эпизоде своей биографии. Не в его правилах было приукрашивать правду, и здесь могу привести еще один пример – об издании перевода упомянутой выше набоковской «Ады».

Повторю: поскольку Александр Николаевич в личных отношениях всегда стремился к совершенной искренности и естественности, постольку однажды, вновь воспользовавшись подходящей темой разговора, я спросил о его отношении к другим переводам «Ады», к тому времени появившимся. «Чтобы вполне оценить “Аду”, ее шедевральность, – примерно так ответил Александр Николаевич, – надо знать английский так же хорошо, как русский. И при этом читать роман в оригинале». И добавил, что «Аду» в русских переводах он не читал, а тот перевод, который выходил под его редакцией, запорол один из переводчиков, разумеется, при его, Николюкина попустительстве. «Расставаясь, я ему посоветовал все же выучить английский, а сам дал слабинку и выпустил книгу, связанный обязательствами перед издательством и двумя другими переводчиками – Оксаной Кириченко и Александром Драновым, которые свою часть работы выполнили хорошо».

И еще о естественности. Во время одного из наших первоначальных застолий Александр Николаевич, которому по разнице в возрасте я гождусь в сыновья, предложил перейти на «ты». И как я ни отказывался, какие доводы ни приводил, он настоял на своем и, выпив на брудершафт, я стал в застольях и в телефонных разговорах обращаться к нему так, как он требовал, но все же всегда величал его Александром Николаевичем.

Вообще, притом что у Николюкина был огромный жизненный опыт и побывал он в самых разных переделках, в нем сохранялось не только благое мальчишество, но и совсем детская наивность, принимавшая самые разные формы. Так, он, человек, прекрасно знавший цену подлинному знанию, утверждавший филологию именно как науку, пусть и гуманитарную, без труда распознававший научное шарлатанство, неизменно упоминал, что состоит академиком РАЕН, организации более чем сомнительной, совершенно ритуальной. Я пару раз говорил ему об этом, приводил доводы, объяснял, что такими крупными фигурами, как он, деятели РАЕН создают себе видимость реноме, совершенно ими незаслуженного. Он отмалчивался, и объяснить его раенство могу

только тем, что ему все же хотелось академического признания его трудов.

Что и говорить, личные труды Александра Николаевича и его не просто талант, а гений организатора литературоведческой науки заслуживали введения его если не в АН СССР, то в РАН вне всяких сомнений. Но все ограничилось только тем, что он, очевидно, по благосклонному стечению жизненных обстоятельств, жил в академическом доме и в окружении таких же домов (т.е. зданий, где проживало немало академиков и даже нобелевских лауреатов), а ближайшую станцию метро так и называли – «Академическая».

Обстоятельство с неизбранием, с точки зрения признаваемых общественных иерархий, грустное, но при этом не исключительное. Александр Николаевич принадлежал к таким людям, которые, сохраняя традиции и здравый консерватизм (недаром он отдал столько сил реконструкции реальной истории русского консерватизма), никогда не оглядывался на общественную конъюнктуру и предлагаемые правила жизненной игры. И потому, даже при его научной сосредоточенности и несуетности, постоянно выходил из рамок дозволенного. И то сказать: он, по сути, был чужд многих начал академизма, даже если они не вызывали сомнений. Так, например, его эдиционные подходы при подготовке фундаментальной и в целом уникальной «Розановской энциклопедии» небесспорны, хотя, понятно, прагматический неакадемизм Николушкина не мог быть причиной его недопуска в РАН (в конце концов разве не были еретиками академизма ставшие академиками Сергей Сергеевич Аверинцев и Михаил Леонович Гаспаров?!).

Вспоминается из детства, из 1960-х годов. Тогда среди ребят было распространено собирание этикеток с картинками, которые клеились на спичечные коробки. Хотя и была там картинка с надписью: «Прячьте спички от детей!», мы с этих спичек, *спишешных коробков*, картинки сдирали. И вот однажды мне попалась такая картинка, что я ее запомнил навсегда. На ней была надпись: «Знаем мы со школьной парты, как важны стране стандарты!». Ну и рисунок: естественно, сидящие за партой пионеры, девочка и мальчик.

Сейчас бы я этот лозунг поправил, хотя ритм и собою.

Стандарты нужны не стране, стандарты нужны государству.

Стране, разумеется, нашей России, прежде всего нужны именно нестандарты, антики, как их называл Лесков. Вот и Александр Николаевич был таким *нестандартом*, человеком системы вне системы, консерватором без консерватизма, революционером в рамках традиции (если немного перефразировать известное высказывание Осипа Мандельштама о Блоке). Совсем недаром он выставлял на своих интеллектуальных, но раблезианского разлива застольях бутылки «Русского стандарта». Дескать, вот в чем наш стандарт – и не более того. А все прочее – жизнь!

Ergo bibamus!

И.А. Едошина,
Костромской государственный
университет

«А когда приходит смерть...»

Светлой памяти Александра Николаевича Николюкина

«А когда приходит смерть, то в ее минуте столько содержания, сколько было во всей жизни» – это из книги А.Н. Николюкина 2001 г. о Василии Розанове в серии ЖЗЛ. Вспоминались ли Александру Николаевичу эти слова, когда он покидал этот мир, еще будучи в сознании, еще дома, не в больнице, этого уже не узнать. Но умирать он не хотел, не собирался. Его кипучая деятельная натура была полна замыслов. Потому казалось, что Александр Николаевич будет всегда, что с ним (несмотря на нездоровье) ничего не может случиться. Но случилось...

Тяжелая тень смерти – «никогда»: никогда больше не выйти из метро на станции Академическая, чтобы свернуть на улицу Ульянова, пройти мимо Дарвиновского музея, с заходом за чем-нибудь сладким к чаю-кофе дома у Александра Николаевича, никогда не набрать кв. 269, не услышать в ответ знакомый, немного хлюпающий голос, и никогда он не встретит меня на седьмом этаже у лифта... Никогда.

Как я сейчас жалею, что в начале июня не зашла к нему, как договаривались, а в конце июня он чувствовал себя нехорошо – опять не получилось. В последний раз мы долго разговаривали по телефону перед Новым годом. Александр Николаевич жаловался на нездоровье, мешающее ему работать. Мы поговорили о М.П. Погодине, договорились, что он передаст мне копии писем

В.В. Розанова к свящ. Павлу Флоренскому – мечтала переиздать их переписку. Память листает страницы встреч и не встреч...

Впервые я увидела Александра Николаевича в Костроме на знаменитой конференции 1992 г., посвященной Розанову и Флоренскому. Я тогда только-только открывала для себя Розанова, читая двухтомник его текстов, подготовленный Е. Барабановым. Розанов захватил сразу и навсегда. А тут на конференции увидела весь цвет розановедения и Александра Николаевича. А познакомились мы только в конце 1990-х годов, когда я готовила первый номер журнала «Энтелехия» и обратилась к нему за материалом. Так началась наша длинная, почти в четверть века, дружба.

Более всего поражала в нем его трудоспособность, его умение организовать себя и других для дела. С другой стороны, без этих качеств вряд ли было возможно сделать так много. Назову только то, что касается издательской деятельности в области русской культуры: собрания сочинений Д.С. Мережковского, М.Н. Каткова, Ю.Ф. Самарина, И.В. Киреевского, С.П. Шевырёва. Фактически всех возвращал в лоно русской культуры после долгого изгнания во время большевистского мора, впрочем, не только. Катков, Самарин, Шевырёв и при жизни подвергались ostracism. Нужно было иметь столько мужества, сколько его было у Александра Николаевича, чтобы вот так, с открытым забралом, восстанавливать справедливость в отношении всех этих замечательных русских мыслителей и писателей.

Отдельная страница – Розанов: это и два собрания сочинений в 30 и 7 томах, и Розановская энциклопедия, и биография, и статьи о нем. Я принимала участие в некоторых из названных изданий. Помню, как во время написания Розановской энциклопедии раздавался звонок еще по проводному телефону и в трубке звучало «Здравствуйте, это Николукин» – как знак судьбы. Далее тебе сообщалось, что должна сдать была к такому-то сроку («у меня записано») материал – становилось неловко, давалось обещание, которое выполнялось. Александр Николаевич тщательно отслеживал время сдачи текстов статей. Думаю, только он смог организовать 101 человека для написания статей в энциклопедию. Помню, спросила его, какие статьи он взял себе, и услышала: те, которые никто не взял. Думаю, не всегда было именно так, но в основном – наверное. Благодаря работе под наблюдением Александра Нико-

лаевича я получила очень нужный и потом не раз пригодившийся опыт работы над справочным изданием. Хорошо бы в память об Александре Николаевиче переиздать Розановскую энциклопедию с поправками, добавками.

А на моем экземпляре он написал: *«Дорогой Ирине Анатольевне Едошиной с неизменной любовью и уважением, благодарностью за участие в работе по Розанову ныне и вовеки. А. Николюкин. 7 апреля 2009 г. Благовещение. Презентация в Доме Лосева»*. Замечу, что в Приглашении было написано более демократично: обсуждение. Александр Николаевич сам вел презентацию, в которой приняли участие В.А. Фатеев (розановед из Петербурга, автор биографии Розанова, которую издал на собственные средства, а потом по настоянию Александра Николаевича написал и защитил кандидатскую диссертацию), прот. Артемий Владимиров, теперь уже, увы, ушедшие С.Б. Джимбинов, А.Л. Налепин, а также автор этих воспоминаний. Народу было много, полный зал. Александр Николаевич, несмотря на звучавшие замечания (мои тоже), был доволен очень. Оно и понятно – такое дело сделал, не каждому по плечу!

В связи с Розановым не могу не обратить внимание на одну подробность: его заново открывали люди, которые по образованию своему и деятельности были связаны с зарубежной культурой. С.Б. Джимбинов преподавал зарубежную литературу в Литературном институте, В.А. Фатеев долгие годы работал переводчиком в издательстве «Аврора», А.Л. Налепин значительную часть жизни был переводчиком. Александр Николаевич тоже начинал как специалист в области английской и американской литературы. Позволю себе также встроиться в этот ряд. Я не сразу поняла, что автор книг об американском романтизме, Фолкнере (как зарубежник я их читала) и розановед один и тот же человек. Думаю, его (как и остальных) приход к Розанову закономерен. Фрагментарность европейской и американской литературой была усвоена еще в эпоху романтизма, а затем развита в литературе «потока сознания». Ничего похожего в русской словесности не было, а Розанов вполне вписывался в этот тренд, внося одновременно нечто новое. Это не могло не привлечь внимания исследователей зарубежной литературы прежде всего. Так что розановедом Александр Николаевич стал вполне закономерно. Хотя в последние годы он совсем рас-

стался с Розановым, заложив семью томами основу для продолжения академического издания его текстов. Ушел от Розанова не хлопнув дверью, а широко ее открыв.

Александра Николаевича и В.Г. Сукача, тоже издателя Розанова, не столь масштабного, но публиковавшего тщательно выверенные и блестяще прокомментированные тексты, связывали непростые отношения. Станным образом у каждого было по рыжему коту. Мне эти коты казались близнецами не без гофманова следа.

У Александра Николаевича было еще одно детище – «Литературоведческий журнал». Периодически он обращался ко мне с предложением написать для журнала, что я и делала. Последняя просьба – написать статью о Пришвине. Успела написать и отправить ему еще при жизни и получить в ответ слова благодарности. А выйдет уже без него...

Навсегда в памяти остались наши посиделки на кухне в его доме. Александр Николаевич так трогательно варил кофе, который сам не пил. Я – кофе, он – чай. Любил вкусные сладости. Под эти наши кофечаепития он читал мне фрагменты записок Кота ученого, мы обсуждали что-нибудь из вышедших книг. Как-то говорит: «Вот читаю я о рае и не пойму, что в нем, в рае, хорошего: машинки печатной нет, Розанова нет – что делать?» Я в ответ: «Александр Николаевич, а почему вы решили, что в рай попадете?» Он страшно удивился и озадаченно спросил: «А куда же? С таким образом жизни...».

Не могу не заметить, что Александр Николаевич при всей своей занятости любил и ценил жизнь. Высокий, плотного телосложения, общительный, он не лишен был ренессансного оттенка в приятии телесных радостей бытия.

Как человек Александр Николаевич был разным, но интеллигентным. Хотя если у него была какая-то позиция, то что-либо изменить было практически невозможно. Он вежливо выслушивал, неизменно оставаясь при своем мнении. Помню наши споры о постановке ударения в фамилии Перцов. Академик Лавров (а я вслед) считал, что ударение стоит на первом слоге – ему об этом говорил человек, лично знавший Перцова, а Александр Николаевич приносил справочник ударений какого-то древнего года и утверждал, что ударение должно быть на втором слоге.

Все мои доводы были бессильны. Когда у нас возникали разногласия в связи с комментариями, у Александра Николаевича был всегда в запасе железный довод: если все сделать правильно и хорошо, что будут делать те, кто будет заниматься этим потом, после нас. Перед таким доводом я просто терялась, не зная, что возразить.

Александр Николаевич никогда об этом не говорил, но, думаю, его задевало, что для всех он, в первую очередь, издатель, а не исследователь. Между тем Розанов оказал на Александра Николаевича сильное воздействие именно в исследовательском аспекте. Скажу честно, его книги по американской литературе мне всегда казались скучновато-дотошными, а под впечатлением от Розанова его стилистика, образ мыслей стали другими, подчас очень интересными и неожиданными. Александр Николаевич многое открыл в Розанове впервые в своей биографической книге о нем, где касается не только сугубо биографии, но вписывает ее в творчество Розанова, открывает специфические стороны этого творчества, особенно интересно в аспекте существа «листвы», именуя ее крепким зельем, которое «никогда еще не изготовлялось в русской литературе в такой концентрации». Александр Николаевич стремится выявить природу розановских текстов, их генезис. Но все это прошло как-то незаметно. Остается верить, что со временем наблюдения Александра Николаевича станут более востребованными.

В.В. Леонидов,
Дом русского зарубежья
им. Александра Солженицына

Александр Николаевич

«Дорогому Виктору Леонидову – певцу и поэту русского зарубежья с нежностью и любовью. А. Николюкин. 11 апреля 2001 г.»

Такой автограф оставил мне наш замечательный ученый Александр Николаевич Николюкин на своей книге «Розанов», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» в 1997 г.

«Воспоминание слишком давит плечи», – писала Марина Цветаева. Я смотрю на эту книгу, на тома сочинений Розанова, на четырехтомник «Литературная энциклопедия русского зарубежья», на целую полку книг, подаренных Николюкиным, и думаю о том, что надо было записывать наши разговоры на его кухне, где царствовали незабвенная Светлана Алексеевна и рыжий кот Кузя.

Я садился на трамвай у метро «Университет», выходил на Дмитрия Ульянова, потом поднимался на узком лифте. Массивный, высокий, Александр Николаевич открывал железную дверь в коридор, где была его квартира.

В нем сразу чувствовалась какая-то неспешность, основательность, наверное, солидность. И все это непостижимым образом сочеталось с любовью к персонажам, которых терзали сотни страстей. Один Розанов чего стоит. Или герой набоковской Лолиты.

Он удивительно воздействовал на собеседников: коллег по работе, редакторов, авторов, начальников, от которых зависело

получение гранта. Отказать ему было просто невозможно. «Вы как Вольф Мессинг», – сказал однажды я ему, когда Николюкин позвонил, чтобы сообщить о получении очередного гранта. «Я как танк», – ответил он. Наверное, его убежденность в необходимости того, чем он занимался, и передавалась с невероятной, просто мощнейшей силой собеседникам.

Конечно, встреча с Александром Николаевичем – огромная удача в моей жизни. Но, поверьте, и он, и Светлана Алексеевна во время посиделок неоднократно поднимали тост за меня. Мы удивительно совпали в том сложном, но таком ярком времени. Дело в том, что я возглавлял и был единственным сотрудником первой свободной библиотеки русского зарубежья в Доме-музее Марины Цветаевой на Борисоглебском. А Николюкин тогда начал свою бурную деятельность по изданию наследия эмиграции. И существование такого хранилища книг, где можно было без всякой волокиты и запросов посмотреть «Современные записки» или «Новый журнал» или просто сделать ксерокопию, конечно, было для него явлением более чем отрядным.

«Ветры свободы заставляли сердца kloкотать». Так, если не ошибаюсь, писал Карамзин. В эпоху, когда можно было издавать все и вся, существовал огромный интерес к темам, запрещенным или полузапрещенным в советские годы, я публиковал очень много статей, рецензий, связанных с необозримым наследием русского изгнания. И А. Н. очень быстро «впряг» меня в свой огромный проект «Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940». Он убеждал авторов писать, сидел и правил каждую строку. И я с огромной скоростью отсылал ему биографические статьи, посвященные писателям и поэтам, жившим в Париже, Харбине, Сиднее... И так далее, и так далее. Иногда советовал тех или иных авторов, которые приходили в Дом-музей Цветаевой. Помню, как мы праздновали первый том – «Писатели русского зарубежья», вышедший в издательстве РОССПЭН в 1997 году. Это было настоящим прорывом.

При этом Александр Николаевич, одновременно с работой над «Литературной энциклопедией русского зарубежья» занимался ни много ни мало подготовкой полного собрания сочинений Василия Розанова. С самых первых томов у него была «одна, но пламенная страсть» – издать все строки Розанова. Все абсолютно,

какие только возможно. Помню, он мне показал пачку ксерокопий. «Вот, получил из киевского архива письма Розанова к Страхову. Будем делать книгу».

Я вспоминаю одну замечательную историю. Когда вышел «Архипелаг ГУЛАГ», русский исследователь, эмигрант второй волны Николай Ульянов, живший в США, разразился статьей, где доказывал, что это – хитрый трюк советской власти. Мол СССР готовится к отходу на либеральные позиции, потому что один человек не в состоянии подготовить такой труд, и для этого нужны целые институты. Я неоднократно все вышесказанное вспоминал, когда поздравлял Николукина с выходом очередного труда. Что, мол, исследователи Вашего наследия тоже не поверят, что все это мог сделать один ученый.

Даже оставив в стороне книги по истории американской литературы, поражаешься, сколько всего он сумел успеть. Посудите сами. Блистательное редактирование набоковских комментариев к «Евгению Онегину»¹, четыре тома «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)», «Литературная энциклопедия терминов и понятий», 30 (!) томов Василия Розанова, книги Гиппиус, Мережковского, антология «Нового журнала», книги Михаила Каткова, ныне почти забытого замечательного историка литературы Степана Шевырёва. Как все это можно держать в голове, собирать коллективы авторов, не обладая никакими особыми финансовыми возможностями? Да еще «Российский литературоведческий журнал». Сейчас становится понятно, что это был исследователь и организатор научного процесса огромного, всероссийского, если не мирового масштаба.

И при всем этом он так любил жизнь, юмор. На фото для избранного тома своих сочинений взял кота Кузю. Заметки подписывал «Кот Ученый». А вот, к примеру. Очередной том Розанова «Последние листья». (Москва, Республика, 2000). И автограф Александра Николаевича: *«Дорогому Виктору Леонидову на память о вечере и рассказах, как он ехал в Киев, жил там и возвращался с “занавесочкой” с пожеланиями добра и счастья в третьем тысячелетии. 2000 год. 28 октября».*

---

¹ Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / пер. с англ. под ред. А.Н. Николукина. М.: Интелвак, 1999. 1006 с. – *Прим. ред.*

Я тогда недавно приехал из Киева. Провожавшие меня друзья устроили целую буффонаду, рассказав проводнице, что это едет человек очень высокого масштаба. Все происходило в плацкартном вагоне среди гастарбайтеров. Помню, они с почтением смотрели, как она вешала вокруг моего места какую-то ткань, повторяя: «Сейчас, будет как занавесочка». Николюкина и Светлану Алексеевну почему-то очень рассмешила эта история.

Вспоминать можно очень многое. Был дом, где ко мне относились как к сыну. Интересно, что с зятем Александра Николаевича и отцом его внучек, ныне известным филологом Василием Михайловичем Толмачевым я учился в 29-й московской школе. Только он закончил ее на два года раньше меня вместе с моим братом.

Александр Николаевич Николюкин прожил долгую жизнь, и, кажется, почти не было в ней дня, чтобы он не работал. Светлая Вам память, мой дорогой наставник.

И.В. Логвинова,
Московский государственный
институт музыки им. А.Г. Шнитке

Вспоминая А.Н. Николюкина

Я познакомилась с ним году в 2009–2010-м. Работала тогда в Институте художественного образования (ИХО) РАО, а потом в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Писала кандидатскую диссертацию. Нас познакомила Валерия Борисовна Трофимова, моя коллега в ИХО РАО. С тех пор мы с Александром Николаевичем дружили. В то время он по гранту РГНФ работал над вторым томом семитомного Полного собрания сочинений В.В. Розанова, ему нужны были помощники, и он включил меня в грант. Мне было интересно разбирать почерк Розанова, сверять тексты, работать в архивах, а еще интереснее – узнавать что-то новое, писать об этом статьи.

Александр Николаевич был очень требовательным человеком. Все время теребил, подгонял, так как у него была привычка все делать заранее. А еще у него была привычка ничего не выбрасывать.

С ним интересно было поговорить на абсолютно любую тему. Не было никаких границ, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Совершенно по-розановски. Он умел давать нетривиальные советы. Любил размышлять на философские темы: какова природа огня, есть ли у души память, встретятся ли родственники и узнают ли друг друга в загробной жизни... Часто рассказывал о родных, о войне, о том, что перед сном разговаривает со своей душой. Однажды мы ездили в Курск смотреть, как цветет в степи

ковыль, хотя Александр Николаевич видел только одним глазом и то не очень хорошо.

А еще он был Котом Ученым. Придумал и вел такую рубрику в «Литературоведческом журнале», часто показывал мне заметки из этой рубрики перед тем, как отдать в печать, обсуждал их со мной.

Характер у него был очень непростой, упрямый, но у меня он еще хуже, и потому мы отлично понимали друг друга. Он часто звонил мне прямо во время учебных занятий, настойчиво, по нескольку раз, когда нужно было решить какой-либо вопрос, и не принимал возражений, что этот вопрос может немного подождать. Пожалуй, эта черта позволяла ему успешно преодолевать любые затруднения, как бытовые, так и научные. Его упертость и привычка достигать поставленных целей проявилась и в том, что в 94 года он решился на операцию по замене хрусталика в единственном видящем глазу, хотя это было очень рискованно. В результате читать книги он все-таки не мог, но мог читать с экрана ноутбука почту и даже немного искать информацию в интернете, немного писать статьи, а я ему потом правила опечатки и впечатывала цитаты из книг. Идя в архив или библиотеку, я всегда знала, что если я скажу, что та или иная книга нужна для Александра Николаевича, мне ее тут же выдадут, невзирая на ее ветхость и наличие электронной копии. Ведь речь шла о научной сверке текста, где важен оригинал, а не сканированная копия, в которой искомое место может отображаться нечетко.

Самое главное, чему меня научил Александр Николаевич, — никогда и ни о чем не переживать, не «париться», все принимать со спокойствием. Его любимой молитвой была Молитва Оптиных старцев:

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день.

Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой.

На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Святая воля Твоя.

Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами.

Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня.

Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить.

Аминь.

У него была потрясающая память на главы и строки из Священного Писания. И так как у Розанова много цитат из Библии, то мы с Александром Николаевичем часто обращались то к тексту Евангелия или Ветхого Завета, то к Симфонии. А еще у него было много справочников, и он говорил, что самое главное в справочнике или иной научной книге – указатель авторов. Считал, что книга без авторского указателя – не книга, потому что ею неудобно пользоваться. Это как кроту-слепышу искать червяков в крошечной темноте.

Помню, первой книгой, которую он мне подарил, был справочник по литературе русского зарубежья. Бесценная книга, поскольку я преподаю литературу и мне нужны биографические сведения о писателях и поэтах первой и второй волн эмиграции.

Когда я отправлялась в поездки по другим городам, он всегда делился своими воспоминаниями об этих городах и советовал, куда там можно пойти и что ему хотелось бы, чтобы я там посетила, какие места ему дороги.

Он ревниво относился к тому, что я знакомлюсь с его друзьями и коллегами. Предпочитал со мной работать отдельно. Единственная конференция, в которой мы вместе принимали участие, – Катковские чтения, которые проводил протоиерей Артемий Владимиров в Алексеевском монастыре в Красном Селе. На этих Чтениях я познакомилась с замечательным Батюшкой, с отцом Артемием, который впоследствии стал моим духовным отцом. За это я очень благодарна А. Н.

В последние несколько месяцев жизни А. Н. говорил, что живет от моего прихода до моего прихода. Из-за большой занятости я могла посещать его раз в неделю, обычно по воскресеньям, и мы всегда намечали следующую дату, когда я приеду. Так, расставшись, кажется, в середине июля перед моей поездкой в Тарусу на три дня, мы собирались встретиться 30-го, уже точно не вспомню, поскольку работала на экзаменах в приемной комиссии, а 30-го должна была ехать в Псков (после приемной кампании начинался, наконец, мой отпуск), и он хотел поговорить со мной о Пскове, о Псково-Печерском монастыре. У него был замысел статьи о Шевырёве, которую он переделывал из уже опубликованной ранее, поскольку ему нужна была статья для отчета по работе. И то, что он так внезапно попал в больницу и не мог позвонить, чтобы сказать, что он в больнице, как он всегда делал (звонил мне и сообщал, что его увезла скорая и дома он будет тогда-то и ждет меня, так как у нас много работы по гранту), оставило какую-то пустоту, которая постепенно заполняется стихами и воспоминаниями. Никто теперь не позвонит не вовремя и не скажет, что ему срочно нужна моя помощь, поскольку текст в файле сбился или не уходят гиперссылки, или текст окрасился в другой цвет и не хочет быть черным. Но А. Н. будет жить в изданных им книгах Фолкнера и Э. По, энциклопедиях русского зарубежья, розановской, литературоведческих понятий, в собранных и изданных под его редакцией трудах В. В. Розанова, М. Н. Каткова, Ю. Ф. Самарина, И. В. Киреевского, С. П. Шевырёва, в книгах «Наедине с русской классикой» и «Гений места», в собрании его собственных сочинений в четырех томах, два первых тома которого вышли еще при его жизни. И в фонде в РГАЛИ, который тоже был сформирован по его желанию, при его жизни. При жизни в этот фонд попали его дневники, переписка с зарубежными и отечественными литературоведами, редкая карта Воронежа военных лет, на которой он отмечал, куда дошли немцы.

А. Н. Николюкину

Ушел ты в день Крещения Руси.

В Тарусе дождь, и молнии, и гром.

Как будто Малер или Дебюсси.

И солнце тут же в небе голубом.

И ангелы поют Сорокоуст.
И мы хотели встретиться 30-го...
Но я с тобой навеки не прощусь,
Там для тебя теперь все только начинается.
И вечный день, и райский Божий сад,
Покой и лад, и множество наград.

28 июля 2023. Таруса

А. Н.

Под еловыми лапами тихо,
Не доходит ни звука мирского.
Холм земли над твоею могилой
Скоро скроют под черной плитой.
Говорят, будет надпись-блаженство,
Что все чистые сердцем, как дети,
Бога узрят, а ты с детским сердцем
Шел по жизни младенцем большим.

7 сентября 2023. Манихино – Москва

Избранные труды А.Н. Николюкина

1. Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX века. М.: Издательство АН СССР, 1961. 275 с.
2. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 411 с.
3. Литературные связи России и США: становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 406 с.
4. Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987. 351 с.
5. Человек выстоит: реализм Фолкнера. М.: Художественная литература, 1988. 303 с.
6. Американские писатели как критики: из истории литературоведения США XVIII–XX веков. М.: ИНИОН РАН, 2000. 202 с.
7. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. 511 с. (ЖЗЛ)
8. О русской литературе: теория и история. М.: ИНИОН РАН, 2003. 560 с.
9. Наедине с русской классикой. М.: ИНИОН РАН, 2013. 442 с.
10. Гений места в русской литературе. 2-е изд., дораб. М.: Алгоритм, ИНИОН РАН, 2021. 400 с.
11. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. Изд. 2-е, доп. М.: ИНИОН РАН, 2022. 411 с.
12. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов. Изд. 2-е, доп. М.: ИНИОН РАН, 2023. 350 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (62) – 2023

Научный журнал

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор М.П. Крыжановская

Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Подписано к печати 21/XII-2023 г.   Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1   Печать офсетная
Усл. печ. л. 14,25   Уч.-изд. л. 11,0
Тираж 400 экз. (1–150 экз. – 1-й завод)
Заказ № 206

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У